

Н. В. Васильев

**«Планы
Сражающихся
царств»**

7/III-69,
Москва

Вешев

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ НАРОДОВ АЗИИ

К. В. ВАСИЛЬЕВ

«ПЛАНЫ СРАЖАЮЩИХСЯ
ЦАРСТВ»

(ИССЛЕДОВАНИЕ И ПЕРЕВОДЫ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1968

К. В. ВАСИЛЬЕВ

Ответственный редактор

Л. Н. МЕНЬШИКОВ

Книга посвящена одному из немногих дошедших до нас памятников древнекитайской исторической прозы — «Планам Сражающихся царств» («Чжань го цэ»), в котором отражены события V—III вв. до н. э. В ней рассматривается проблема авторства, освещается история текста памятника, анализируется характер его историко-литературного содержания. Автор раскрывает значение «Планов Сражающихся царств» как уникального исторического источника для периода Чжань-го. В книгу включены комментированные переводы отдельных разделов памятника.

ВВЕДЕНИЕ

Опустошения в позднечжоуском летописании и в других областях историко-повествовательной прозы, произведенные литературной инквизицией Цинь Ши-хуанди и временем, исключительно велики даже по сравнению с тем, что мы наблюдаем в иных жанрах древнекитайской литературы. Лишь комбинируя разрозненные замечания древних и средневековых авторов с уцелевшими фрагментами хроник Сражающихся царств¹, мы получаем возможность восстановить контуры официальной историографической традиции V—III вв. до н. э. Однако для того чтобы сколько-нибудь полно представить себе развитие социально-экономических отношений и политической борьбы внутри Сражающихся царств, а также историю взаимоотношений между ними, этих материалов явно недостаточно. Это обстоятельство заставляет исследователя обратиться к другим нарративным источникам. К сожалению, до нас дошло лишь одно историческое сочинение, от начала и до конца посвященное государственным деятелям и событиям периода Чжаньго. Это — «Планы Сражающихся царств» («Чжань го цэ»).

В современной науке «Планам Сражающихся царств» посвящено сравнительно небольшое число исследований. При этом объектами изучения, как прави-

¹ Сражающиеся царства (Чжань го) — политико-географический термин, которым в V—III вв. до н. э. обозначали семь сильнейших владений древнего Китая. После того как царство Цинь, возвысившись, уничтожило шесть своих соперников и было создано первое в истории Китая централизованное государство, этот термин постепенно трансформировался в название исторического периода (453—221 гг. до н. э.).

ло, оказывались лишь частные аспекты проблемы памятника. Так, основное внимание китайских авторов было сосредоточено либо на критико-текстологических комментариях и наблюдениях², либо на попытках установить авторство источников памятника³.

Что касается специальных исследований о «Планах Сражающихся царств», появившихся в западном Китае-ведении лишь в последние годы, то они ограничены узкими рамками формально-литературоведческого анализа памятника⁴. К этому следует добавить, что на западные языки «Планы Сражающихся царств» никогда полностью не переводились. Все существующие выборочные переводы весьма незначительны по своему объему и выполнены с чисто иллюстративными целями.

До сих пор вопрос об общем значении памятника как уникального исторического источника для периода Чжаньго оставался вне поля зрения исследователей. Ввиду того что характер историко-литературного содержания «Планов Сражающихся царств» представлялся неясным, отношение к ним как к источнику у разных историков было совершенно различным. Одни, ссылаясь на наличие в них отдельных недостоверных речей и хронологических противоречий, ставили под сомнение правдивость памятника в целом. Другие видели в любом сообщении памятника достоверное историческое свидетельство и без надлежащей критики вводили его в научный обиход. Нам представляется, что в данных обстоятельствах насущнейшая задача исследователя «Планов Сражающихся царств» состоит не столько в том, чтобы в большем объеме, чем это делалось до сих пор, показать ценность их как исторического источника, сколько в том, чтобы проанализировать характер

² Чжун Фэн-нянь, Исследование «Планов [Сражающихся] царств» («Го цэ» каньянь), монографическая серия журн. «Яньцзин сюебао», вып. 11, Бэйпин, 1936; Гу Цзе-ган, Древний и современный тексты «Планов Сражающихся царств», — «Лиши яньцзю», 1957, № 9.

³ Ло Гэнь-цзэ, Куай Тун — первоначальный создатель «Планов Сражающихся царств», — сб. «Гу ши бянь», вып. IV, 1933; Ло Гэнь-цзэ, Дискуссия об авторе «Планов Сражающихся царств», — «Сямэнь тушугуань шэн», 1933, № 1/2 и др.; Цзинь Дэ-цзянь, Предположение относительно авторов «Планов Сражающихся царств», — «Сямэнь тушугуань шэн», 1932, № 11.

⁴ J. I. Cump, The Chan-kuo tse and its fiction, — «T'oung Pao», vol. XLVIII, livre 4/5, 1960.

историко-литературного содержания памятника и раскрыть своеобразие путей и форм отражения в нем действительности. Анализ памятника в этом направлении рассеивает предвзятое отношение к нему как к источнику и создает основу для определения характера и особенностей информации, содержащейся в том или ином его разделе.

Следует заметить, что источниковедческое значение «Планов Сражающихся царств» определяется не только их уникальностью, но и их литературными связями. Так, речи, которые составляют в посвященной истории V—III вв. до н. э. разделах «Записей историографа» («Ши цзи») ⁵ Сыма Цяня (146—86 гг. до н. э.) самые блестящие страницы и выгодно разнообразят несколько утомительный перечень событий, находят прямые аналогии в нашем памятнике. Нельзя его изолировать и от историко-повествовательной литературы предшествующего Чжаньго времени, а также от позднечжоуских этико-политических и философских сочинений.

В заключение несколько слов о той эпохе, которая нашла отражение в «Планах Сражающихся царств». В период Чжаньго Китай занимал восточную часть современной территории КНР. В то время здесь насчитывалось семь крупных владений, внешняя и внутренняя политика которых активно влияла на ход исторических событий. Север страны принадлежал царству Янь, запад — царству Цинь, юг — царству Чу, центральные районы были заняты царствами Чжао, Вэй и Хань, а восточными землями вплоть до побережья Желтого моря владело царство Ци ⁶. В хаосе ожесточенных междоусобиц то одно, то другое владение добивалось преобладания и, объединив вокруг себя группу более слабых соседей, пыталось диктовать свою волю всей Поднебес-

⁵ Такой перевод, учитывающий историю названия труда Сыма Цяня и его первоначальный смысл, в современной науке принят как более точный, нежели традиционные «Исторические записки». Ср.: B. Watson, *Ssu-ma Chi'en, Grand Historian of China*, New York, 1958, стр. 199.

⁶ Вопрос о местоположении их на современной географической карте Китая неоднократно освещался в доступных изданиях на русском языке. См., например: Фань Вэнь-лань, *Древняя история Китая*, М., 1958, стр. 205—213; Л. С. Переломов, *Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае* (221—202 гг. до н. э.), М., 1962, стр. 22—24.

ной. На гребне военно-политического успеха оказывались последовательно царства Чу, Вэй, Ци, Чжао и, наконец, Цинь. Но перемены «военной фортуны», дипломатические просчеты, измены «друзей» столкнули первые четыре царства в ряд второстепенных владений. Только Цинь, начавшее во второй четверти III в. до н. э. широкое военное наступление на земли соседей на востоке и на юге, в течение полустолетия смогло почти непрерывно одерживать победы и сохранять постоянное превосходство над своими соперниками в борьбе за власть. Конечный результат этого хорошо известен: к 221 г. до н. э. Сражающиеся царства перестали существовать как самостоятельные политические образования, а земли их были включены в состав империи Цинь.

Несмотря на непрерывные войны, внутривнутриполитическая, хозяйственная и культурная жизнь Сражающихся царств была напряженной и созидательной. В период Чжаньго начинается внедрение прогрессивных методов выплавки чугуна и производства железа, открытых в Европе только в эпоху развитого феодализма; железные орудия получают широкое распространение в сельском хозяйстве и ремесле. Социально-экономическое развитие Сражающихся царств характеризуется распространением частнособственнических отношений и разложением общины в деревне, необычайной интенсификацией и расширением торгово-ремесленной деятельности в городе. Тогда же происходит сложение сугубо централизованных форм государственной организации с развитым административным и финансовым аппаратом. О том, сколь богатой и напряженной была культурная жизнь Сражающихся царств, свидетельствует уже то, что V, IV и III столетия до н. э. у последующих поколений получили название Эпохи соперничества ста философских школ (Бай цзя чжэн мин). В это время возникли натурфилософские и этико-политические учения, наложившие глубокий отпечаток на все развитие идеологии в древнем и средневековом Китае.

ГЛАВА I

ИСТОРИЯ ТЕКСТА «ПЛАНОВ СРЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ»

«Планы Сражающихся царств» были составлены крупнейшим ученым периода Ранней Хань Лю Сяном (ок. 79—8 гг. до н. э.) на основе материалов, хранившихся в императорской библиотеке. Лю Сяна обычно называют первым редактором этого сочинения. Имеющиеся в нашем распоряжении данные помогают представить характер его работы над «Планами Сражающихся царств». Лю Сян говорит, что в процессе подготовки текста памятника он занимался «сличением» (цзяо) источников. Термин «цзяо» как раз и обозначал основное направление деятельности Лю Сяна как редактора. Смысл и содержание работы по «сличению» текстов раскрыты в следующей цитате из «Отдельных заметок» («Бе лу»), несохранившегося сочинения Лю Сяна: «Двойное сличение. Один человек читает книгу и сличает ее. Сличение заключается в нахождении сомнительных и ошибочных мест [при просмотре текста] сверху донизу. Один человек держит оригинал, другой читает книгу [в копии], подобно соперникам они выступают друг против друга»¹.

Отсюда следует, что целью «сличения» было устранение противоречий, повторений и ошибочных написаний иероглифов; осуществлялось это либо путем внутренней проверки в пределах одного списка, либо путем сопоставления нескольких списков одного и того же сочинения. Это заключение подтверждается другим свидетельством Лю Сяна, содержащимся в предисловии к исследуемому памятнику: «Что касается сличенных

¹ «Литературный сборник, с комментариями Ли Шаня» («Вэнь сюань Ли Шань чжу»), серия «Сы бу бэй яо», цз. 6, стр. 78-а.

мною книг о планах Сражающихся царств из дворцовых книгохранилищ², то сохранившиеся там свитки пребывали в беспорядке, были взаимно перемешаны. Имелось еще восемь связок бамбуковых планок (пянь)³, в которых [повествование велось] по отдельным царствам, но они страдали неполнотой. Исходя из [повествований] об отдельных царствах, я в общих чертах расположил [все собранные материалы] во временной последовательности... устранил повторения и получил тридцать три связки бамбуковых планок. В [тексте] оригиналов иероглифы во многих случаях были искажены, утратили половину [своих черт]...»⁴.

Очевидно, в процессе обработки источников, легших в основу «Планов Сражающихся царств», Лю Сян вслед за искоренением смысловых противоречий и унификацией графики в пределах отдельного текста совершил отбор наиболее достоверных и оригинальных элементов внутри групп параллельных текстов. После завершения подготовительной работы текст «Планов Сражающихся царств» был, по-видимому, переписан собственноручно Лю Сяном. По крайней мере так следует из предложенного нами перевода одной из фраз предисловия: «[Я] установил все события за период в двести сорок пять

² Наиболее известным книгохранилищем периода Ранней Хань, расположенным внутри императорского дворца, было Тянь лу гэ. Ханьский ученый Жунь Шунь, ссылаясь на «Семь обобщений» («Ши люе») Лю Синя, включает в число «внутридворцовых» и книгохранилища Янь гэ, Гуан нэй и Би ши. Цит. по: Люй Сы-мянь, История эпох Цинь и Хань (Цинь Хань ши), т. 2, Шанхай, 1937, стр. 796.

³ В эпоху, когда основным материалом для письма служил бамбук, связка бамбуковых планок представляла собой своеобразную структурную единицу крупных сочинений. Деление бамбуковой книги на отдельные связки бывало и чисто формальным, но чаще оно соответствовало внутренней логике ее содержания. В последнем случае связки, снабженные собственным заголовком, могли распространяться как самостоятельные сочинения. С появлением бумаги основным структурным элементом рукописи нового типа стал свиток (цзюань). Только ко времени расцвета средневекового книгопечатания в Китае (эпоха Сун) пянь и цзюань постепенно теряют свое конкретно-вещественное содержание и превращаются в библиографические термины, которые могут быть условно переведены словом «глава».

⁴ См.: Лю Сян, Предисловие к «Планам Сражающихся царств», — «Планы Сражающихся царств» с критическим комментарием («Чжань го цэ» цзю чжу»), серия «Сы бу цун кань», тетр. 1, Введение, стр. 1-а (далее — «Планы Сражающихся царств»);

лет и очистил бамбук от зелени, [новая] книга стала пригодной для снятия копий»⁵. Иными словами, когда в руках Лю Сяна оказался полный комплекс отобранных и отредактированных исторических материалов, он собственноручно перенес их на специально приготовленные бамбуковые планки, после чего книга поступила в распоряжение копиистов.

Итак, исследуемый памятник вышел из рук Лю Сяна во вполне законченном виде с характерным членением на 33 структурных элемента.

На протяжении последующих столетий его текст прошел долгую и сложную историю. В конце периода Поздней Хань известный ученый Гао Ю (ок. 168—212 гг. н. э.) создал комментарий к «Планам Сражающихся царств», состоявший из 21 свитка. Составленный Лю Сяном и прокомментированный Гао Ю, текст памятника получил в науке наименование «древнего» (гу бэнь).

Есть основания полагать, что в период Поздней Хань получили распространение рукописи «Планов Сражающихся царств» на бумаге. Действительно, судя по палеографическим данным, именно этим временем датируется небольшой фрагмент текста памятника на бумаге, найденный экспедицией Свена Хедина в Лоулане⁶.

В последующие за эпохой Хань столетия «Планы Сражающихся царств» были отнесены официальной конфуцианской доктриной к числу «опасных» книг. Так, по сообщению хроник периода Троецарствия (Саньго), Цинь Би, сановник царства Шу, отклонил просьбу выдать для просмотра текст «Планов Сражающихся царств» на том основании, что «изменчивость [внешней политики] Сражающихся царств, ухищрения [Чжан] И и [Су] Циня⁷, заключающиеся в том, чтобы, губя людей,

⁵ Там же. По словам Е Дэ-хуя, «очистить бамбук от зелени» — значит снять с него кожицу [см.: Е Дэ-хуй, Беседы о книжных собраниях (Шу линь цин хуа), Пекин, 1957, цз. 1, стр. 9]. Это наряду с выпариванием сока один из моментов подготовки бамбуковых планок для письма. Здесь данное выражение иносказательно обозначает весь процесс создания книг: и приготовление писчего материала и работу над текстом.

⁶ R. Conrad, Die chinesischen Handschriften und sonstigen Kleinfunde Sven Hedin's in Lou-Lan, Stockholm, 1920, стр. 77.

⁷ Су Цинь и Чжан И — наиболее яркие представители дипломатического искусства периода Чжаньго.

сохранить себе жизнь, наносят вред [при изучении] канонических книг»⁸.

Возникновение вокруг этого сочинения атмосферы «запретности», искусственно ограничивавшей изучение, регулярное переписывание и распространение его текста, не могло в конце концов привести к постепенной порче тех немногих его экземпляров, которые имелись в официальных книгохранилищах. В состав текста «Планов Сражающихся царств», который был описан в библиографическом разделе «Истории династии Суй» (составлена ок. 640 г.), входило 32 свитка⁹. Но в период Тан и в начале периода Сун он понес серьезные потери. Вот свидетельство каталога сунских государственных книгохранилищ Чжао вэнь, Ши гуань, Цзи сянь и дворцовой библиотеки Би гэ (1042 г.), известного под названием «Каталога почитаемых книг» («Чун вэнь цзун му»), о плохом состоянии хранившихся там текстов «Планов Сражающихся царств»: «Ныне утрачены главы со второй по десятую, с тридцать первой по [тридцать] третью. Еще хранился комментарий поздниханьского Гао Ю, первоначально содержащий двадцать глав. Ныне утрачены [главы] первая, пятая, с одиннадцатой по двадцатую, осталось только восемь глав»¹⁰. Естественно, что это обстоятельство не могло не привлечь внимания ученых того времени. В том же XI в. известный эрудит Цзэн Гун (ум. в 1083 г.) предпринял попытку реставрировать текст исследуемого памятника, объединив сохранившиеся как в официальных, так и в частных книжных собраниях его материалы. Сам он так описывает свою деятельность: «Посетив дома ученых и сановников, я сначала полностью собрал эту книгу, исправил ее ошибки и указал на сомнительность тех ее мест, которые не поддаются объяснению, после чего [текст] “Планов Сражающихся царств” оказался полностью восстановленным»¹¹.

⁸ «Записи царства Шу» («Шу чжи»), — «Записи о трех царствах» («Сань го чжи»), серия «Сы бу бэй яо», цз. 8, стр. 423-а.

⁹ «История династии Суй» («Суй шу»), серия «Сы бу бэй яо», цз. 33, стр. 304-б.

¹⁰ «Каталог почитаемых книг» («Чун вэнь цзун му»), серия «Цун шу цзи чэн», цз. 2, стр. 57.

¹¹ См.: Цзэн Гун, Предисловие к «Планам Сражающихся царств», — «Планы Сражающихся царств», Введение, стр. 4-а.

Реставрация Цзэн Гуна заложила основы современного текста этого сочинения. За нею последовал ряд его критических изданий: в 1067 г. издание, осуществленное Ван Цзюе, в 1093 г.—Сунь Юань-чжуном, в 1134 г.—Гэн Янь-си. Результаты деятельности этих ученых были обобщены и систематизированы в почти одновременных изданиях Яо Хуна (1146 г.) и Бао Бяо (1147 г.). Последнему принадлежит и новый полный комментарий ко всему тексту «Планов Сражающихся царств». Особенностью издания Бао Бяо является то, что он заменил возводимое к Лю Сяну и сохраненное Цзэн Гуном 33-главное членение памятника на 10-главное (девять глав посвящены «планам» крупнейших царств того периода: Западного Чжоу и Восточного Чжоу, Цинь, Ци, Чу, Чжао, Вэй, Хань и Янь; в десятой собран небольшой материал о карликовых и полусамостоятельных владениях — Сун, Малое Вэй и Чжуншань).

Уже в эпоху монгольского владычества У Ши-дао внес новые исправления в текст «Планов Сражающихся царств», изданный Бао Бяо, одновременно с этим критически пересмотрев и дополнив его комментарий¹².

На протяжении последующих веков памятник неоднократно перепечатывался. В эпоху Мин и в начале эпохи Цин наибольшим уважением у издателей пользовался его текст в редакции Бао Бяо — У Ши-дао. Со второй половины XVIII в. в кругу ученых возник интерес и к тексту, изданному Яо Хуном. В 1756 г. последний был воспроизведен в публикации Лу Цзянь-цэна (издание «Я юй тан»), а в 1803 г. в публикации Хуан Пи-ле (издание «Ши ли цзюй»). Хуан Пи-ле, кроме того, принадлежит особый текстологический комментарий к «Планам Сражающихся царств», содержащий три главы и названный им «Замечания по пунктам» («Чжа цзи»). В нем собраны все разночтения, исправления искаженных, по мнению автора, мест и предлагаемые им восстановления первоначального чтения.

С распространением китайской литературы в Японии там также начинают издавать, изучать и комментировать текст «Планов Сражающихся царств». Наи-

¹² Копия ксилографа юаньского времени, восходящего к редакции У Ши-дао, воспроизведена в современном серийном издании «Сы бу цун кань». В исследовании повсюду цитируется именно этот текст «Планов Сражающихся царств».

большую известность в Японии заслужил комментарий Ёкота Икō (впервые опубликован в 1829 г.). Впоследствии этот комментарий был исправлен и дополнен другим японским ученым — Ясуи Котарō¹³.

Хотя в тексте «Планов Сражающихся царств», вышедшем из рук Цзэн Гуна, формально было восстановлено первоначальное число структурных единиц, однако восполнить все лакуны, возникшие на протяжении столетий, сунскому эрудиту, по-видимому, так и не удалось. Современный китайский исследователь Чжу Цзу-гэн установил, что в различных предсунских и раннесунских литературных источниках и энциклопедиях в 66 случаях цитируются такие материалы из «Планов Сражающихся царств» в редакции Лю Сяна, которые отсутствуют в современном тексте памятника¹⁴. Более того, у ряда старых китайских ученых возникло сомнение, во всех ли случаях средневековые реставраторы «Планов Сражающихся царств» основывались при восстановлении их текста на оригинальных и аутентичных материалах.

Еще Фан Бао (1668—1749) утверждал, что рассказ о гибели яньского наследника Даня и о мести Цзин Кэ циньскому вану, завершающий сейчас раздел «Планы царства Янь», не связан с древним текстом памятника и является всего лишь позднейшей сокращенной версией соответствующего параграфа «Биографий мстителей» («Цыкэ лечжуань») Сыма Цяня¹⁵. Фан Бао исходил из того, что Сыма Цянь в специальном резюме сообщил, что о наследнике Дане и о Цзин Кэ он писал на основе собранной им самим устной традиции¹⁶, следовательно, рассказ об этих событиях не мог оказаться в собранных

¹³ Комментарий Ёкота Икō и Ясуи Котарō приведены в японском издании исследуемого памятника: «Планы Сражающихся царств» с исправлениями и комментарием («Сэнгоку саку сё кай»), серия «Камбун тайкэй».

¹⁴ Чжу Цзу-гэн, Об утраченных частях текста «Планов Сражающихся царств», — «Чжи янь», 1937, № 37/38, стр. 1—28.

¹⁵ Фан Бао, Собрание сочинений (Фан Ван-си сяньшэн цюаньцзи), серия «Сы бу цун кань», изд. 2, стр. 17-а.

¹⁶ Здесь и далее «Записи историографа» цитируются по изданию, осуществленному Такикава Камэтарō [Такикава Камэтарō, «Записи историографа» с собранием комментариев и их критическим исследованием (Сики кайтё косё), Пекин, 1955. цз. 86, стр. 3930 (далее — Сыма Цянь, Записи историографа)].

Лю Сяном письменных источниках «Планов Сражающихся царств».

Эти рассуждения выглядели бы достаточно правдоподобно, если бы не некоторые конкретные обстоятельства. Во-первых, Ли Шань (ум. в 689 г.) в комментарии к «Литературному изборнику», цитируя «Планы Сражающихся царств», приводит несколько отрывков из рассказа о наследнике Дане и Цзин Кэ, которые находят точные соответствия в современном тексте памятника¹⁷. Отсюда следует, что данный рассказ был, вопреки мнению Фан Бао, представлен и в древнем тексте «Планов Сражающихся царств», который сохранился еще в достаточно полном объеме во время Ли Шаня.

Во-вторых, между рассказом о наследнике Дане и о Цзин Кэ, содержащимся в «Биографиях мстителей» Сыма Цяня, и аналогичным рассказом «Планов Сражающихся царств» имеются, как установил Д. Бодде, весьма характерные текстуальные расхождения¹⁸, в свете которых представляется весьма затруднительным считать первый источником второго. Это заставляет нас обратиться к рассмотрению свидетельства Сыма Цяня, на которое ссылается Фан Бао. Завершая «Биографии мстителей», Сыма Цянь отмечает, что о наследнике Дане и о Цзин Кэ ходит много рассказов, среди которых есть совсем неправдоподобные; после этого он говорит: «Только Гунсунь Цзи-гун и Дун Шэн, которые странствовали вместе с Ся У-цзюем, могли узнать об этом деле [от очевидца]. Они и поведали мне, что все было так, как [изложено] здесь»¹⁹.

Как нам кажется, данное свидетельство не дает никаких оснований считать, что известный сейчас по «Биографиям мстителей» рассказ о наследнике Дане и о Цзин Кэ был составлен самим Сыма Цянем со слов Гунсунь Цзи-гуна и Дун Шэна (т. е. Дун Чжун-шу²⁰). Скорее из него следует, что Сыма Цянь отобрал среди

¹⁷ «Литературный изборник», цз. 23, стр. 241-6 (комм.); цз. 39, стр. 392-6 (комм.); цз. 53, стр. 523-6 (комм.).

¹⁸ D. B o d d e, Statesman, Patriot and General in Ancient China, New Haven, Connecticut, 1940, стр. 39, 40.

¹⁹ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 86, стр. 3930.

²⁰ То обстоятельство, что Дун Шэн и Дун Чжун-шу — одно и то же лицо, было отмечено еще Фу Цянем, комментатором II в. н. э. См.: Сыма Цянь. Записи историографа, цз. 130, стр. 5201 (комм.).

имевшихся в его распоряжении рассказов об этих событиях такой, содержание которого подтверждалось полученной им устной информацией. В этом случае мы вправе предположить, что аналогичный рассказ входил также и в состав одного из источников «Планов Сражающихся царств», независимого от труда Сыма Цяня.

Если Фан Бао усомнился в оригинальности лишь незначительной части современного текста «Планов Сражающихся царств», то У Жу-лунь (1840—1903) пошел в своем скептицизме значительно дальше: все те повествования, речи и послания «Планов Сражающихся царств», которые имеют сейчас параллели в «Записях историографа» Сыма Цяня, он рассматривал как позднейшие интерполяции, никоим образом не связанные с ханьской редакцией памятника. Вот что он писал по этому поводу: «Некогда поражался я: Цзы-чжан (т. е. Сыма Цянь.— *К. В.*) мог, изменяя тексты “Книги исторических преданий” (“Шан шу”, а также “Добродетелей пяти императоров” (“У ди дэ”) и “Родословной императоров” (“Ди цзи син”), передавать их своими словами; и лишь когда касался он “Планов Сражающихся царств”, то будто следовал оригиналу, и было так более чем в девяноста случаях. Отчего же тут появилось такое отличие? Когда я подверг анализу содержание “Планов Сражающихся царств”, например разделы, посвященные чжаоскому Улин-вану, Пинъюань-цзюню, Чуньшэнь-цзюню, Фань Сую, Цай Цзэ, Лу Чжун-ляню, Су Циню, Цзин Кэ, то [вывел заключение], что повсюду мы имеем дело с заимствованием описаний и рассуждений Тай ши гуна (Господина великого историографа, т. е. Сыма Цяня.— *К. В.*), которые собраны и вставлены [в “Планы Сражающихся царств”]. А по словам Цзэн Цзы-гу, “Каталог почитаемых книг” известно было всего восемь глав комментария Гао Ю, откуда узнал я, что [полный текст] “Планов Сражающихся царств”, отредактированный Лю Сяном, давно уже утрачен. Очевидно, не Господин историограф заимствовал все из “Планов Сражающихся царств”, а напротив, люди позднейшего времени использовали труд Господина великого историографа, чтоб заполнить [лакуны того сочинения]»²¹.

²¹ У Жу-лунь, Собрание сочинений (У Чжи-фу вэньцзи), [б. м.], [б. г.], цз. 4, стр. 52.

Следует сразу же отметить, что хотя некоторые исследователи и порицали мимоходом У Жу-луня за допущенную им в данном случае излишнюю категоричность в суждениях²², однако сколько-нибудь полной проверки обоснованности его высказываний, отрицающих оригинальный характер значительной части современного текста «Планов Сражающихся царств», произведено еще не было.

Выше мы уже упоминали имя Ли Шаня, который в своем комментарии к «Литературному изборнику» более 50 раз цитирует древний текст рассматриваемого здесь сочинения. Интересные результаты дает сопоставление этих цитат с перечнем материалов, которые, по мнению У Жу-луня, были перенесены средневековыми редакторами из «Записей историографа» в современный текст «Планов Сражающихся царств». Ли Шань под рубрикой «[Заимствовано] из «Планов Сражающихся царств»» приводит отдельные фразы и целые отрывки из повествования о деятельности Улин-вана²³, из речей Фань Суя²⁴, Лу Чжун-ляня²⁵ и Су Циня²⁶, причем большинство цитат полностью совпадает с соответствующими элементами современного текста памятника. Следовательно, как раз в рамках тех примеров, на которые ссылается У Жу-лунь, обнаруживаются очевидные признаки идентичности последнего тексту Лю Сяна.

Против построений У Жу-луня восстает и развернутый анализ параллельных материалов «Планов Сражающихся царств» и «Записей историографа» Сыма Цяня. Возьмем, например, описание военной реформы чжаоского Улин-вана (307 г. до н. э.)²⁷. В обоих источниках

²² Гу Цзе-ган, Древний и современный тексты «Планов Сражающихся царств», стр. 32.

²³ «Литературный изборник», цз. 5, стр. 61-6 (комм.); цз. 36, стр. 365-6 (комм.).

²⁴ Там же, цз. 1, стр. 21-6, 22-а (комм.); цз. 10, стр. 108-а (комм.); цз. 39, стр. 392-6 (комм.).

²⁵ Там же, цз. 7, стр. 87-а (комм.).

²⁶ Там же, цз. 1, стр. 27-6 (комм.); цз. 4, стр. 58-а (комм.); цз. 7, стр. 88-а (комм.); цз. 26, стр. 272-6 (комм.); цз. 27, стр. 279-6 (комм.); цз. 28, стр. 293-6 (комм.); цз. 38, стр. 383-6, 387-а (комм.).

²⁷ Суть этой военной реформы заключалась в создании отрядов конных лучников, одетых в «варварское одеяние». Хотя уже целый ряд авторов установил, что искусство верховой езды (а возможно, и искусство стрельбы из лука с седла) было известно в разных районах древнего Китая задолго до 307 г. до н. э., но в военном

оно распадается на ряд диалогов — споров между вана и его сановниками — противниками реформы. Существенное различие между «Планами Сражающихся царств» и «Записями историографа» связано здесь с тем обстоятельством, что первый источник содержит большее число этих диалогов, нежели второй. В составленной Сыма Цянем «[Истории] чжаоского наследственного дома» выступления таких оппонентов вана, как Чжао Вэнь, Чжао Цзао, Чжоу Шао и Чжао Цзюнь, сведены всего к одной фразе, кратко и обобщенно характеризующей их политическую позицию²⁸. Напротив, «Планы Сражающихся царств» дают в развернутой форме как укоризненные речи этих придворных, направленные против нововведений, так и энергичные ответы на них Улин-вана, в которых ссылки на древних перемежаются призывами к повиновению²⁹. Кроме того, в «Планах Сражающихся царств» имеется самостоятельный эпизод, посвященный полемике Улин-вана с Нью Цзанем³⁰. В «[Истории] чжаоского наследственного дома» этот диалог отсутствует.

Столь же выразительные результаты дает сопоставление «Биографии Фань Суя», принадлежащей Сыма Цяню, с параллельными материалами «Планов Сражающихся царств». В «Биографии Фань Суя» центральной темой является борьба героя за восстановление традиционных прерогатив циньского Чжаосян-вана, узурпированных вдовой прежнего вана и ее окружением. И в труде Сыма Цяня, и в рассматриваемом памятнике эта борьба наиболее рельефно отражена в речи Фань Суя, начинающейся словами: «Когда я жил к востоку от гор [Тайхан], то слышал, что в Ци живет Тянь Вэнь, но не слышал, есть ли там ван»³¹. Современный текст «Планов Сражающихся царств» содержит еще одну речь Фань Суя, посвященную той же теме. Хотя Сыма Цянь не

деле его стали широко применять лишь со времени Улин-вана. См.: Ци Сы-хэ, О политическом и экономическом строе периода Чжаньго, — «Яньцзин сюебао», 1938, № 24, стр. 191; E. Etkes, Das Pferd im alten China, — «T'oung Pao», t. XXXVI, 1940, livre 1, стр. 50—53.

²⁸ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 43, стр. 2682.

²⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 20-б — 25-б.

³⁰ Там же, стр. 26-а — 27-а.

³¹ Там же, цз. 3, стр. 43-а; Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 79, стр. 3720.

ввел ее в текст «Записей историографа», он несомненно был с нею знаком. Лапидарная характеристика внутриполитической ситуации в царстве Цинь в середине 60-х годов III в. до н. э. («[Среди служилых людей царства], начиная с малых чинов до крупных сановников, вплоть до окружения вана, нет таких, которые бы не были ставленниками сяна³²»), приведенная в «Биографии Фань Суя»³³, является лишь парафразой риторического вопроса из второй речи Фань Суя в «Планах Сражающихся царств»: «Есть ли [среди чиновников] в малых кругах от получающих обеспечение размером в доу³⁴ до вэй и нэйши³⁵, вплоть до окружения вана, такие, которые бы не были ставленниками сяна?»³⁶.

Таким образом, в обоих случаях аналогичные по своему содержанию комплексы в рассматриваемом памятнике представлены в более полной редакции. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что здесь не может быть и речи о заимствованиях из «Записей историографа». Очевидно, причины происхождения столь характерного для этих двух памятников параллелизма следует искать в использовании Сыма Цянем и Лю Сяном одних и тех же исторических материалов. При этом первый тщательно и искусно отбирал среди них наиболее характерные высказывания, тогда как второй переносил их в свою компиляцию в полном объеме.

Интересные результаты дает сопоставление принадлежащей кисти Сыма Цяня «Биографии Цай Цзэ», в основу которой положена беседа героя с циньским сановником Фань Суем³⁷, с изложением этой беседы в «Планах Сражающихся царств», где она представлена в виде самостоятельного повествования. К числу ее интереснейших мест следует отнести серию характеристик, даваемых Цай Цзэ знаменитым позднечжоуским рефор-

³² Сян — глава административного аппарата и руководитель вооруженных сил в царствах периода Чжаньго. Здесь имеется в виду Вэй Жань (Жан-хоу), который занимал пост циньского сяна в 295—292 и 290—267 гг. до н. э.

³³ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 79, стр. 3723.

³⁴ Доу — мера сыпучих тел, равная примерно 10 л.

³⁵ Вэй, нэйши — представители средних звеньев военной и гражданской администрации царства Цинь.

³⁶ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 50-б.

³⁷ Цай Цзэ занимал пост сяна царства Цинь в 262 г. до н. э. Фань Суй занимал тот же пост в 266—263 и 261—256 гг. до н. э.

маторам. В частности, о Вэй Яне (Шан-цзюне) в «Планах Сражающихся царств» сказано следующее: «Ведь Шан-цзюнь, служа Сяо-гуну³⁸, уравнивал приспособления для взвешивания, исправлял [единицы] измерения, приводил в равновесие легкое и тяжелое, уничтожал продольные и поперечные межи [на полях], обучал народ [ведению] сельского хозяйства и ратному делу. Поэтому, когда [в Цинь] начинали военные действия, то [территория] страны расширялась, когда прекращали военные действия, то государство богатело»³⁹. Параллель этой характеристике в первом источнике более пространна. Содержание цитированного отрывка обогащено здесь рядом оригинальных деталей: «Ведь Шан-цзюнь, служа Сяо-гуну, [издавал] ясные законы и распоряжения, пресекающие корень разврата, [согласно им] почетными званиями необходимо награждать [достойных], а совершивших преступления необходимо наказывать... чтобы внести умиротворение в дела простых людей, он сделал едиными их нравы, побуждал народ заниматься сельским хозяйством и извлекать пользу из земли, [при нем] в одном доме не было двух занятий, а [народ] отдавал свои силы на полях и скапливал запасы зерна»⁴⁰.

Если встать на позицию У Жу-луня, который утверждает зависимость повествования, содержащего беседу Цай Цзэ и Фань Суя в «Планах Сражающихся царств», от текста «Биографии Цай Цзэ», напрашивается вывод, что сунские реставраторы рассматриваемого нами памятника произвели большие сокращения внутри отдельных фраз, серьезно отразившиеся на их смысле. Однако как свидетельствует опыт средневековой текстологической критики, такое бесцеремненное обращение с древним источником вряд ли было возможно.

Перспектива иного решения возникшего здесь вопроса открывается при сопоставлении характеристики Вэй Яна как государственного деятеля в «Биографии Цай Цзэ» с содержанием 3-й и 8-й глав «Книги правителя

³⁸ Сяо-гун правил царством Цинь в 361—338 гг. до н. э. Даты правления позднечжоуских государей даются в соответствии с хронологической схемой, предложенной Ян Куанем. См.: Ян Куань, История периода Чжаньго (Чжаньго ши), Шанхай, 1955, стр. 247—272.

³⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 73-а.

⁴⁰ Сым а Цянь, Записи историографа, цз. 79, стр. 3743—3744.

области Шан» («Шан-цзюнь шу»). Как полагают современные исследователи, в этих главах сохранена часть древней «Книги о том, чему давать дорогу и чему препятствовать, о земледелии и войне» («Кай сай гэн чжань шу») ⁴¹, которая была использована Сыма Цянем при воссоздании картины политико-административной деятельности Вэй Яна ⁴².

Вот несколько выдержек из этих глав: «Ведь сельское хозяйство и ратное дело — это то, что определяет преуспевание государства» ⁴³; «Когда занятия [народа] едины, государство богатеет» ⁴⁴; «Управление государством, осуществляемое мудрым человеком, сводится к тому, чтобы делать единым [народ] и полагаться лишь на сельское хозяйство» ⁴⁵; «Если законы управления ясны, то чиновники лишены пороков. Если занятия в государстве едины, то [силы] народа находят себе применение... Ведь законы, установленные мудрым человеком, преобразуют нравы и побуждают народ от зари до заката отдавать свои силы земледелию. Об этом нельзя не знать. Порядок, заставляющий народ отдавать себя делу и идти на смерть, поддерживается тем, что верхи устанавливают почетные звания, вносят ясность в употребление наград и наказаний» ⁴⁶. Здесь последовательно проводится мысль о том, что привлечение всего народа к сельскохозяйственному производству есть наилучшее средство утилизации его сил государством, а также прокламируется необходимость «ясности» в административных установлениях и в применении наказаний и поощрений.

В приведенном выше отрывке из «Биографии Цай Цзэ» эти же положения, но уже лишенные своей отвлеченно-назидательной оболочки, предстают как основа основ конкретных мероприятий Вэй Яна в царстве

⁴¹ Ср.: J. J. L. Duyvendak, *The Book of Lord Shang*, London, 1928, стр. 149.

⁴² В послесловии к «Биографии Шан-цзюня» Сыма Цянь упомянул, что он читал «Книгу о том, чему давать дорогу и чему препятствовать, о земледелии и войне». См.: Сыма Цянь, *Записки историографа*, цз. 68, стр. 3418. В его время авторство этого сочинения приписывали Вэй Яну.

⁴³ «Книга правителя области Шан» («Шан-цзюнь шу»), серия «Чжу цзы цзи чэн», цз. 3, стр. 5.

⁴⁴ Там же, стр. 6.

⁴⁵ Там же, стр. 8.

⁴⁶ Там же, цз. 8, стр. 18.

Цинь. Таким образом, создается впечатление, что Сыма Цянь, взяв за основу тот текст беседы Цай Цзэ с Фань Суем, который представлен сейчас в «Планах Сражающихся царств», ввел в него ряд дополнительных сведений, почерпнутых, по-видимому, из древней «Книги о том, чему давать дорогу и чему препятствовать, о земледелии и войне».

В некоторых случаях сопоставления, подобные вышеприведенным, заставляют нас прийти к выводу, что Сыма Цянь и Лю Сян пользовались разными вариантами аналогичных по своему основному содержанию исторических повествований. Очевидно, что последние возникли в одно и то же время, в одном и том же центре, но в процессе длительной передачи, литературной и «идеологической» обработки разошлись во многих частных деталях, в отношении к одним и тем же событиям. Так, например, и в «Записях историографа», и в «Планах Сражающихся царств» содержатся весьма сходные послания Лу Чжун-ляня к военачальнику царства Янь, командовавшему оккупационными войсками в циском Ляочэне. Однако следующие за посланиями повествовательные концовки, в которых сообщается, какое влияние оказали искусная аргументация и блестящий эпистолярный стиль Лу Чжун-ляня на судьбу командира ляочэнского гарнизона и его солдат, явно восходят к двум различным версиям:

*«Планы
Сражающихся царств»*

«Яньский военачальник, [прочтя послание], сказал: “С почтением выслушал приказ“. Поэтому он прекратил военные действия, перевернул колчан и отступил.

Итак, речи Лу [Чжун]-ляня сняли осаду с царства Ци, избавили народ от гибели» (цз. 4, стр. 54-6).

*«Записи
историографа»*

«Яньский военачальник, прочтя послание Лу [Чжун]-ляня, плакал три дня. Не видя выхода, он не мог ни на что решиться. Пожелай он вернуться в Янь, так [между ним и правителем] некогда произошла размолвка, и он боялся наказания. Пожелай он выбрать капитуляцию перед [армией] Ци, так на

его совести было убийство множества пленных из этого царства, и он боялся позора, которому бы подвергся после капитуляции. С глубоким вздохом он воскликнул: «Лучше я сам подниму на себя меч, чем это сделает кто-то другой!» Вслед за тем он покончил с собой. В Ляочэне началась смута, чем и воспользовался Тянь Дань, который перебил [гарнизон] Ляочэна» (цз. 83, стр. 3820).

Это несходство отметил еще Янь Кэ-цзюнь (1762—1843). Он полагал, что Сыма Цянь в данном случае следовал за «Лу Чжун-лянь цзы», сочинением, распространенным в эпоху Хань, а Лю Сян заимствовал материал из какого-то другого источника⁴⁷. Конечно, первая часть этого утверждения кажется весьма умозрительной, ибо текст «Лу Чжун-лянь цзы» был утрачен еще в средние века. Однако то обстоятельство, что Сыма Цянь и Лю Сян воспроизвели в данном случае пассажи, написанные в разных целях и с совершенно различных позиций, не вызывает сомнения.

Использование Сыма Цянем и Лю Сяном несхожих во многом вариантов описаний одних и тех же событий весьма отчетливо можно проследить также на примере с предысторией знаменитой битвы между чжаоской и циньской армиями под Чанпином (260 г. до н. э.)⁴⁸. Суть дела такова: в результате кампании 262 г. до н. э. царство Цинь полностью отрезало военно-административный округ Шандан⁴⁹ от остальных земель царства Хань,

⁴⁷ «Полное собрание прозаической литературы глубокой древности, эпох трех династий, Цинь, Хань, Саньго, Лючао» («Цюань шан гу сань дай, Цинь, Хань, Саньго, Лючао вэнь»), [б. м.], 1894, цз. 8, стр. 13-а.

⁴⁸ На территории современного уезда Гаопин провинции Шаньси.

⁴⁹ В юго-восточной части современной провинции Шаньси

и последнему ничего не оставалось, как передать циньцам эту территорию, чтобы добиться мира; ханьский ван направил туда нового наместника, который одновременно с открытой подготовкой к капитуляции тайно предложил чжаоскому вану взять Шандан под свою опеку; предложение было вскоре принято, но чжаоская оккупация Шандана привела к войне между царствами Чжао и Цинь. «Записи историографа» и «Планы Сражающихся царств» повторяют друг друга почти дословно, когда описывают тайный сговор между шанданским наместником и чжаоским ваном, а также обсуждение вопроса о присоединении Шандана чжаоскими сановниками и начало оккупации, однако вводные части этих повествований совершенно различны:

*«Планы
Сражающихся царств»*

«Циньский ван сказал принцу Та: “Некогда в деле под Яо⁵⁰ [царство] Хань выставило свою среднюю армию, чтобы в союзе с другими правителями напасть на Цинь. Хань граничит с Цинь. [Протяженность ханьских] земель не достигает и тысячи ли. Однако [Хань] неоднократно доказывало, что с ним нельзя заключать союза. Совсем недавно Цинь воевало с Чу близ Ланьтяня⁵¹. Хань послало отборные войска на помощь Цинь. Война оказалась неудачной для Цинь, по-

*«Записи
историографа»*

«На 4-м году правления [Сяочэн-] ван увидел себя во сне одетым в платье из двухцветной материи, которое застегивалось сзади; приснилось ему еще, что он взлетел на драконе в небо, но не достиг его и упал; приснились ему груды золота и яшмы, подобные горам. На следующий день ван призвал придворного гадалея по имени Гань, чтобы тот растолковал [увиденный им сон]. Гадатель сказал: “То, что на тебе было платье из двухцветной материи, кото-

⁵⁰ По предположению Бао Бяо, эта местность расположена близ циньской заставы Ханьгу, на территории современного уезда Линбао провинции Хэнань.

⁵¹ На территории современного уезда Ланьтянь провинции Шэньси.

этому [Хань] переметнулось на сторону Чу. Его союзнические клятвы некрепки, а в выборе союзников оно руководствуется лишь выгодой. Хань для меня подобно внутренней болезни. Я хочу покарать его. Что ты скажешь на это?"" Принц Та ответил: "Если ты, ван, пошлешь войска против Хань, то оно будет охвачено страхом. В этом случае можно и без войны добиться больших [земельных] приобретений". Ван сказал: „Хорошо!". Вслед за тем подняли войска. Одна армия дошла до Инъяна⁵², другая до гор Тайхан. [Царство] Хань было испугано. Янчэнцзюнь был послан в Цинь с извинениями. Он попросил [разрешения] передать [Цинь] земли Шандана, чтобы добиться мира... Вслед за тем [ван] послал Фэн Тина [в Шандан], чтобы он сменил [прежнего наместника] Цзинь Чжуна. На тридцатый день своего наместничества Фэн Тин тайком послал гонца к чжаоскому вану с просьбой» (цз. 6, стр. 55-б — 58-б).

рое застегивалось сзади, означает разрушение. Ты взлетел на драконе в небо, но не достиг его и упал. Это означает, что ты будешь обладать внешними [признаками успеха], но не получишь реальных плодов его. То, что ты видел груды золота и яшмы, подобные горам, означает печаль". Через три дня прибыл гонец от наместника Шандана, принадлежащего дому Хань» (цз. 43, стр. 2708—2709).

⁵² На территории современного уезда Инъян провинции Хэнань.

Итак, в «Планах Сражающихся царств» повествование открывается исторической справкой о том, каким образом ханьский Шандан превратился вдруг в объект соперничества владений Цинь и Чжао. Тема политического коварства Фэн Тина в «Планах Сражающихся царств» пронизывает все повествование и находит весьма яркое завершение в следующей концовке, отсутствующей у Сыма Цяня: после того как было достигнуто секретное соглашение с царством Чжао, Фэн Тин бежал из Шандана в столицу и здесь он заявил ханьскому вану:

“Чжао, прослышав, что Хань не в силах удержать Шандан, послало войска, чтобы аннексировать его”. [Тогда] Хань обратилось к Цинь: “Чжао подняло войска, чтобы аннексировать Шандан”. Циньский ван разгневался, повелел Гунсунь Ци и Ван И вести свои армии на Чанпин для встречи с чжаосцами».

Сыма Цянем в «Записях историографа» был, по-видимому, привлечен в данном случае самостоятельный источник, неизвестный составитель которого стремился придать повествованию иную направленность. В начале повествования здесь приведен рассказ о дурных предзнаменованиях, якобы полученных чжаоским ваном перед приездом гонца из Шандана. Таким образом, все дальнейшие события представляются реализацией этих дурных предзнаменований, на которые не было обращено должного внимания.

Вообще в этой версии на первый план выдвинута мысль о том, что чудовищное по своим размерам поражение чжаоской армии под Чанпином было предопределено опрометчивыми и корыстными действиями чжаоского вана, пожелавшего воспользоваться затруднениями соседа и с помощью тайной сделки приобрести Шандан.

Наконец, в ходе сопоставления параллельных материалов из «Записей историографа» и «Планов Сражающихся царств» выясняется, что Сыма Цянь, привлекая те же тексты, которые впоследствии вошли в состав рассматриваемого памятника, вносил в них разного рода фактические и стилистические исправления. Бесспорность этого обстоятельства становится очевидной, если сравнить, как оба источника повествуют о событиях, имевших место при вэйском дворе после поражения вэй-

цев под Хуаяном⁵³ и позорного бегства их военачальника Ман Мао от циньских войск (273 г. до н. э.):

*«Планы
Сражающихся царств»*

«В битве под Хуаяном [царство] Вэй не одержало победы над Цинь. На следующий год [вэйский ван] собрался послать Дуаньгань Чуна, чтобы тот, отдав земли, договорился [с Цинь]. Сунь Чэнь сказал вэйскому вану: “Вэй не предлагало земель в дни поражения. Можно сказать, что оно умело справиться со своей неудачей. Цинь не требовало земель в дни победы, можно сказать, что оно не смогло воспользоваться своей победой. И вот теперь, когда [с момента битвы] прошел целый год, хотят отдать земли [царству Цинь]. Это делается в корыстных интересах сановников, а ты, ван, ничего [о том] не знаешь. Ведь стремящийся получить печать — это Дуаньгань-цзы, а ты, ван, на этом основании посылаешь его для передачи земель [царству Цинь]. Стремящееся к земель-

*«Записи
историкографа»*

«На 4-м году правления [вэйского Аньли-вана] Цинь нанесло поражение нам вкупе с Хань и Чжао, убило сто пятьдесят тысяч воинов, обратило в бегство нашего военачальника Ман Мао. Вэйский военачальник Дуаньгань-цзы предложил передать [царству] Цинь Наньян⁵⁴, чтобы заключить мир. Су Дай сказал вэйскому вану: “Стремящийся получить печать—это Дуаньгань-цзы, стремящееся к земельным приобретениям—это [царство] Цинь. При твоём попустительстве, ван, получилось так, что стремящееся к земельным приобретениям распоряжается печатями, а желающий получить печать распоряжается землями. Поскольку земли дома Вэй далеко еще не исчерпаны, то я не знаю, когда все это кончится. Действительно, завязывать отношения с Цинь при помощи земельных [уступок] — все равно что

⁵³ К югу от современного г. Чжэнчжоу.

⁵⁴ На территории современного уезда Хоцзя провинции Хэнань.

ным приобретениям — это [царство] Цинь, а ты, ван, на этом основании посылаешь туда [Дуаньгань-цзы], чтобы он получил печать. Итак, стремящийся получить печать распоряжается землями, а стремящееся к земельным приобретениям распоряжается печатями. В этой обстановке [царство] Вэй неизбежно исчезнет. К тому же бесчестные сановники издавна стремятся с помощью земельных [уступок] завязать отношения с Цинь. Но завязывать отношения с Цинь при помощи земельных [уступок] — все равно что подбрасывать хворост в огонь: пока хворост не кончится, огонь не погаснет. Ныне твои земли, ван, сократились до предела, а притязаниям [царства] Цинь нет конца, именно об этом и говорится в [притче] о хворосте и огне“. Вэйский ван сказал: “Хорошо, но я уже обещал Цинь [отдать земли]. [Я] не могу изменить [своему слову]“. В ответ тот сказал: “Разве ты, ван, не заметил, как игроки пользуются фишкой с изображением совы? Когда хотят “съесть“, то “едят“, когда хотят ее попридер-

подкладывать хворост в огонь: пока хворост не кончится, огонь не погаснет!“ Ван сказал: “Все это так, но делу уже дан ход, я не могу ничего изменить“. [Су Дай] в ответ сказал: “Ты, ван, не замечал разве, за что игроки ценят фишку с изображением совы? Когда выгодно, она “ест“, когда невыгодно, ее оставляют в неподвижности. А вот ты, ван, говоришь, что делу уже дан ход и что ты не можешь ничего изменить. Зачем тебе прибегать к [доводам] разума, лучше используй [пример] фишки с изображением совы“» (цз. 44, стр. 2755—2756).

жать, то оставляют без движения. Ты, господин, под давлением сановников дал обещание Цинь и поэтому говоришь, что не можешь ничего изменить. Зачем тебе прибегать к [достоверным] доводам, лучше используй [пример] фишки с изображением совы". Вэйский ван сказал: "Хорошо". Тогда приостановили его посылство» (цз. 7, стр. 50-а, б).

Не вызывает сомнения, что речь Су Дая в «Записях историографа» построена на материале речи Сунь Чэня⁵⁵, сохранившейся на страницах «Планов Сражающихся царств». Сыма Цянь, однако, внес ряд коррективов в ее текст, привел ее содержание в соответствие с данными летописной традиции периода Чжаньго, имевшимися в его распоряжении.

Действительно, из приведенного выше фрагмента «[Истории] вэйского наследственного дома», а также из свидетельств «Основных записей царства Цинь» («Цинь бэнь цзи») и «Погодовых таблиц шести царств» («Люгю нянь бяо») следует, что оба события, послужившие предметом обсуждения при вэйском дворе, т. е. битва под Хуаяном и передача царством Вэй царству Цинь области Наньян в качестве военной контрибуции, имели место в одном и том же году. Поэтому Сыма Цянь в использованном им тексте речи опустил рассуждения о том, что уступка земель царству Цинь через год после поражения противоречит здравому смыслу и может быть выгодна лишь некоторым вэйским сановникам. Опустил

⁵⁵ Трудно сказать, что заставило Сыма Цяня дать другое имя противнику Дуаньгань Чуна, обратившемуся с речью к вэйскому вану. Можно только констатировать, что речи, авторство которых в «Планах Сражающихся царств» приписывается либо малоизвестным лицам, либо персонажам без имени, в труде Сыма Цяня нередко оказываются вложенными в уста Су Дая. Ср.: «Планы Сражающихся царств», цз. 8, стр. 25-б, 26-б; Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 45, стр. 2786—2791.

он и повествовательную концовку речи, приведенную в «Планах Сражающихся царств», которая утверждает, что посольство Дуаньгань Чуна в Цинь было приостановлено. Сопоставление показывает также, что Сыма Цянь, избавив текст данной речи от повторов и некоторых длиннот, предельно обнажил ее основную мысль.

Наши наблюдения, таким образом, указывают на беспочвенность попыток цинского критика «Планов Сражающихся царств» обнаружить в их современном тексте обильные заимствования из «Записей историографа».

Вопрос о сунских интерполяциях в изучаемом памятнике был поднят также в специальном исследовании современным китайским историком Ци Сы-хэ⁵⁶. Он обратил внимание на то, что нынешняя редакция «Планов Сражающихся царств» содержит пять повествований, дословно повторяющихся в тексте «Люй ши чуньцю» (название данного памятника не соответствует его основному содержанию; к тому же перевод этого названия на русский язык весьма затруднителен, поэтому мы даем его в транскрипции). Для всех их характерны сентенциозные концовки типа:

1. «Чжао-ван владел большим государством, а Мэнчан-цзюнь [землями, выставлявшими] тысячу колесниц. Тот, кто отстаивает права владения с тысячью колесниц и делает невозможным вторжение [в его пределы], заслуживает названия достойного посланника»⁵⁷.

2. «В результате Цинь с каждым днем стало усиливаться, а Вэй с каждым днем слабеть. И это не потому, что Гуншу был неразумен, а потому, что неразумным оказался [вэйский] Хуй-ван. Беда неразумных состоит в том, что они считают таковыми тех, кому этот недостаток не свойствен»⁵⁸.

Исходя из признания того, что такого рода концовки являются специфической особенностью текстов, собранных в «Люй ши чуньцю», и чужеродны для «Планов Сражающихся царств», Ци Сы-хэ выдвинул тезис о ме-

⁵⁶ Ци Сы-хэ, Об авторе и о времени создания «Планов Сражающихся царств», — «Яньцзин сюебао», 1948, № 34, стр. 265—266.

⁵⁷ «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 60-б — 61-б; ср.: «Люй ши чуньцю», серия «Чжу цзы цзи чэн», цз. 12, стр. 122.

⁵⁸ «Планы Сражающихся царств», цз. 7, стр. 6-а, б; «Люй ши чуньцю», цз. 11, стр. 113.

ханическом перенесении вышеупомянутых повествований из первого источника во второй.

Надуманность подобных построений, когда их применяют к исследуемому памятнику, не вызывает сомнений. Версия Ци Сы-хэ зиждется на следующем рассуждении: «„Обозрение Люя“ („Люй лань“) — сочинение теоретическое, поэтому описание какого-либо события [здесь] непременно дополняется умозаключением». После этого автор отмечает, что такой литературный прием не гармонирует со структурно-стилистической схемой большинства повествований, входящих ныне в «Планы Сражающихся царств». Однако, как известно, в чжоуской литературе резюме с «моралью» встречаются не только в философских трактатах, но и в сочинениях исторического содержания. К тому же, поскольку «Планы Сражающихся царств» — компиляция, нет никаких оснований для того, чтобы абсолютизировать формальные особенности какой-либо группы входящих в них текстов и считать их надежным критерием оригинальности для всего памятника в целом.

Наши замечания подтверждает то обстоятельство, что в «Планы Сражающихся царств» входят тексты, не имеющие параллелей в «Люй ши чуньцю», но которые также завершаются краткими оценками людей и событий. Так, в конце беседы Цзян И и Аньлин-цзюня приведено суждение некоего «благородного мужа»: «Благородный муж, услышав об этом, произнес: “О Цзян И можно сказать, что он искусный советчик, об Аньлин-цзюне можно сказать, что он знает, как пользоваться удобным случаем”»⁵⁹. Далее, рассказ о дипломатических интригах, которые привели к войне между царствами Цинь и Хань, закончившейся поражением войск последнего близ Аньмэня (314 г. до н. э.)⁶⁰, имеет следующее резюме: «Войско дома Хань не было ни малочисленным, ни слабым, а народ его не был ни тупым, ни невежественным. Но [ханьское] войско стало добычей [царства] Цинь, а [ханьские] умники стали посмешищем для [царства] Чу. Ошибка [ханьского вана] заключалась в том, что он послушал Чэнь Чжэня и отбросил план, предло-

⁵⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 5-6.

⁶⁰ На территории современного уезда Хэцзинь провинции Шаньси.

женный Хань Мином»⁶¹. Число подобных примеров легко может быть увеличено⁶². При этом нет абсолютно никаких данных, чтобы считать все тексты такого рода средневековыми интерполяциями в текст «Планов Сражающихся царств».

Следовательно, тезис Ци Сы-хэ о чужеродности тех пяти повествований с сентенциозными концовками, которые представлены также и в тексте «Люй ши чуньцю», отпадает сам собой. Параллелизм в данном случае может быть объяснен зависимостью обоих сочинений от какого-то общего источника. О закономерности такого предположения свидетельствуют факты использования составителями «Люй ши чуньцю» отдельных пассажей из исторических повествований, полный текст которых сейчас сохранился лишь в «Планах Сражающихся царств»⁶³.

Кроме «Люй ши чуньцю» современная редакция рассматриваемого памятника имеет до тридцати параллелей в тексте «Хань Фэй-цзы», произведенная, сложившись во второй половине III в. до н. э.⁶⁴. Это явление и здесь, по-видимому, следствие общности источника, а не интерполяции сунских реставраторов «Планов Сражающихся царств». Характерные признаки оригинальности последнего сочинения, открывающиеся в ходе сопоставления аналогичных мест в нем и в «Хань Фэй-цзы»⁶⁵, свидетельствуют о справедливости этого объяснения:

1. Так, в повествовании об обстоятельствах воцарения в царстве Хань наследника по имени Цзю (295 г. до н. э.) «Планы Сражающихся царств» более пространны, нежели «Хань Фэй-цзы», а исторические детали в них расположены в несколько иной последовательности⁶⁶.

2. Запись беседы Цзян И с чуским Сюань-ваном⁶⁷

⁶¹ «Планы Сражающихся царств», цз. 8, стр. 11-а.

⁶² Там же, цз. 3, стр. 16-б—17а.

⁶³ Там же, цз. 6, стр. 6-а—9-а; цз. 7, стр. 45-а—47-б. Ср.: «Люй ши чуньцю», цз. 20, стр. 256; цз. 18, стр. 233.

⁶⁴ Ли Цзюй-тянь, Новые суждения о «Планах Сражающихся царств», — «Пэйдэ юэкань», 1935, № 10, стр. 12—13.

⁶⁵ «Хань Фэй-цзы цзицзе» («Трактат Хань Фэй-цзы с комментарием»), серия «Чжу цзы цзи чэн» (далее — «Хань Фэй-цзы»).

⁶⁶ «Планы Сражающихся царств», цз. 8, стр. 31-б. Ср.: «Хань Фэй-цзы», цз. 8, стр. 144.

⁶⁷ Правил в 369—339 гг. до н. э.

во втором источнике приведена без конечных реплик беседующих, которые сохранились в первом источнике⁶⁸.

3. В истории о том, как Чжи Бо пытался аннексировать земли вэйского и чжаоского правителей, первый источник сохранил интересную историческую деталь: названия городов, бывших объектом агрессии Чжи Бо, которые отсутствуют во втором источнике⁶⁹.

В свете этих фактов утверждения Ци Сы-хэ, что имели место случаи, когда трактат «Хань Фэй-цзы» использовался для восполнения лакун в тексте «Планов Сражающихся царств», вызывает серьезные сомнения.

Ци Сы-хэ предлагает отнести к числу интерполированных в «Планы Сражающихся царств» все повествования, имеющие аналогии в вышеупомянутом трактате, содержание которых не связано с практикой создания различных междуцарских коалиций. Таких он насчитывает восемь. Однако в пределах этих восьми пар аналогичных по теме повествований встречаются пары, весьма несходные во многих частных деталях. Примером может служить небольшая притча о вэйском Вэнь-хоу⁷⁰:

*«Планы
Сражающихся царств»*

«[Вэйский] Вэнь-хоу и его лесничий условились о сроке охоты. В установленный день [во дворе] пировали, с неба лил дождь. Вэнь-хоу собрался покинуть [дворец]. В кругу же придворных спросили: “Сегодня мы пируем, а с неба к тому же льет дождь. Куда, господин, ты собрался?” Вэнь-хоу ответил: “Условился я с лес-

«Хань Фэй-цзы»

«Вэйский Вэнь-хоу и его лесничий условились о сроке охоты. Назавтра случилось ненастье. Придворные [пытались] остановить Вэнь-хоу. Тот не послушал. Сказал им: “Нельзя по причине ненастья лишиться доверия. Я так не сделаю”. Отправился [в поле], сам погоняя упряжку. Презрев ветер, остановил лесничего» (цз. 11, стр. 214).

⁶⁸ «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 2-а-б. Ср.: «Хань Фэй-цзы», цз. 9, стр. 164.

⁶⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 7, стр. 1-б. Ср.: «Хань Фэй-цзы», цз. 7, стр. 126—127.

⁷⁰ Правил в 445—401 гг. до н. э.

ничим о сроке охоты. Пускай здесь пируют, но могу ль пропустить я условленный час?» С тем и отправился. Сам остановил [охоту]. С того и начало [царство] Вэй усиливаться» (цз. 7, стр. 3-а).

В данном случае «интерполированный текст» и его предполагаемый источник оказываются двумя оригинальными рассказами, которые, очевидно, сложились независимо друг от друга на основе изустно передававшейся легенды о верности Вэнь-хоу своему слову. Это наблюдение, которое может быть неоднократно повторено на базе серии аналогичных сопоставлений, исключает возможность использования «Хань Фэй-цзы» при воссоздании текста «Планов Сражающихся царств» в эпоху Сун.

Следовательно, остается сделать вывод, что современная редакция памятника, и именно в той ее части, оригинальность которой была взята под сомнение У Жунем и Ци Сы-хэ, содержит ряд весьма выразительных свидетельств своей идентичности тексту Лю Сяна.

ГЛАВА II

ОБ АВТОРСТВЕ «ПЛАНОВ СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ»

В своем предисловии к «Планам Сражающихся царств» Лю Сян ничего не говорит об авторах (или авторе) использованных им источников. В более поздней китайской библиографической литературе это становится традицией. «Планы Сражающихся царств» рассматривались как компиляция анонимных сочинений с историческим содержанием. Этот взгляд был весьма четко сформулирован в «Важнейших сведениях к каталогу всех книг четырех разделов» («Сы ку цюань шу цзун му ти яо»): «В «Планах Сражающихся царств» Лю Сян собрал различные записи, соединил их вместе в одной книге»¹. Попытка опровергнуть традиционную концепцию происхождения «Планов Сражающихся царств» и распространить на исследуемый памятник чье-либо авторство была предпринята лишь исследователями нового времени.

Историкам древнекитайской литературы хорошо известно свидетельство ханьского ученого Бань Бяо (3—54 гг. н. э.)², повторенное затем его сыном Бань Гу (32—92)³ в похвальном слове к «Биографии Сыма Цяня», о том, что «Планы Сражающихся царств» были одним из источников «Записей историографа». В то же время из предисловия Лю Сяна к исследуемому сочинению явствует, что свое название оно получило уже после смерти Сыма Цяня. Эти свидетельства древних породили у не-

¹ «Каталог всех книг четырех разделов» («Сы ку цюань шу цзун му»), Шанхай, 1926, цз. 51, стр. 17-а.

² «История Поздней Хань» («Хоу хань шу»), серия «Сы бу бэй яо», цз. 70, ч. 1, стр. 587.

³ «История [Ранней] Хань» с дополнительным комментарием Ван Сянь-цяня («Хань шу бу чжу»), Шанхай, 1959, цз. 62, стр. 4272.

которых ученых убеждение в том, что текст «Планов Сражающихся царств» был известен знаменитому древнекитайскому летописцу под иным названием. Еще филолог и историк цинского времени Моу Тин-сян (ок. 1750—1827) обратил в этой связи внимание на следующую фразу в похвальном слове Сыма Цяня к «Биографии Тянь Дая»: «Куай Тун⁴ был искусным в составлении речей о достоинствах и недостатках; рассуждал о том, как Сражающиеся царства меняли свои позиции в зависимости от обстановки, создал [книгу], состоявшую из 31 раздела (шоу)»⁵.

Эта фраза послужила исходным пунктом для построений Моу Тин-сяна, в которых он доказывал идентичность упоминаемого Сыма Цянем сочинения Куай Туна и «Планов Сражающихся царств». Поскольку само сочинение Куай Туна⁶ не сохранилось, то для подтверждения своей версии Моу Тин-сян использовал косвенные свидетельства. Так, в «Записях историографа» Сыма Цяня в главе «Биография хуайиньского хоу» сообщает о том, что Куай Тун советовал Хань Синю устранить ханьского Гао-цзу и захватить власть в стране. В комментарии Сыма Чжэна (VIII в.) к данному отрывку сказано: «“История Ранней Хань“ и “Планы Сражающихся царств“ содержат этот текст»⁷.

Кроме того, внимание Моу Тин-сяна привлекло сообщение Бань Гу, приведенное в его «Биографии Куай Туна»: «[Куай] Тун рассуждал о том, как дипломаты периода Чжаньго меняли свои позиции в зависимости от обстановки; к тому же он сам в определенном порядке

⁴ Куай Тун (ок. 236—196 гг. до н. э.) был советником ряда государственных деятелей в период прихода к власти династии Хань.

⁵ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 94, стр. 4122.

⁶ В справочно-библиографическом разделе «Истории Ранней Хань» («Цянь Хань шу») под рубрикой «школа цзун-хэн» упомянуты 12 книг, большая часть которых была создана на протяжении первых десятилетий правления Ранней Хань. В их ряду стоит и «Куай-цзы», книга, носившая имя Куай Туна и состоявшая, согласно описанию, из пяти связок. Она, так же как и сочинение, упоминаемое в приведенных выше текстах, не дошла до наших дней. Нет абсолютно никаких оснований, чтобы утверждать или отрицать их идентичность.

⁷ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 92, стр. 4082 (комм.).

располагал свои высказывания, [его книга] состояла из 81 раздела и называлась «Цзюань-юн»⁸.

Считая осведомленность и научную добросовестность Сыма Чжэна бесспорными, Моу Тин-сян сопоставил его утверждение со словами Бань Гу о том, что Куай Тун «сам в определенном порядке располагал свои высказывания», и пришел к выводу, что танский текст «Планов» содержал речи самого Куай Туна, и его сочинение, распространенное в эпоху Хань. Это положение и стало центральным доказательством его теории.

Моу Тин-сян для подкрепления версии об авторстве Куай Туна использовал и ряд внешних, случайных совпадений. Так, он обратил внимание на послужившее названием для книги Куай Туна иероглифосочетание «цзюань-юн», значение которого, по-видимому, раскрывалось как «[рассуждения] сладостные и бесконечные». Иероглифосочетание «цзюань-юн», по мнению Моу Тин-сяна, соответствовало названиям книг «Чан шу» и «Сю шу», использованных Лю Сяном при редактировании текста «Планов Сражающихся царств», поскольку в состав их также входил иероглиф, имевший в некоторых случаях значение «долгий, длинный» и т. д.⁹.

Моу Тин-сян принадлежал к числу исследователей, труды которых к началу XX в. были основательно забыты. Даже в Китае его сочинения сделались малодоступной библиографической редкостью. Его теория относительно личности создателя «Планов Сражающихся царств» была заново открыта в начале 30-х годов в статьях Ло Гэнь-цзэ¹⁰, который в свою очередь значительно расширил арсенал аргументов в ее защиту. В частности, он утверждал, что в «Планах Сражающихся царств» заметно влияние идеологии «школы цзун хэн»¹¹.

⁸ «История [Ранней] Хань», цз. 45, стр. 3631.

⁹ Суждения Моу Тин-сяна изложены по тем обширным извлечениям из его этюда об авторстве «Планов Сражающихся царств», которые приведены в статье Ци Сы-хэ «Об авторстве и о времени создания "Планов Сражающихся царств"» (стр. 275—276).

¹⁰ См.: Ло Гэнь-цзэ, Куай Тун — первоначальный создатель «Планов Сражающихся царств», стр. 231—232; Исправления и дополнения к предыдущей статье, — сб. «Гу ши бянь», вып. IV, 1938, стр. 697.

¹¹ Ло Гэнь-цзэ, Замечания к статье г-на Пэнь Чжэня «Обсуждение вопроса о создателе "Планов Сражающихся царств"». — Ло Гэнь-цзэ, Собрание исследований древних авторов (Чжу-цзы каос), Пекин, 1958, стр. 561.

В качестве примера он отметил, что в «Планах царства Цинь» устами составителя восхваляется Су Цинь¹². Кроме того, Ло Гэнь-цзэ пытался разрешить ряд противоречий, обойденных молчанием его предшественником, ответить на некоторые неясные вопросы его теории. Известно, что в своем предисловии к «Планам Сражающихся царств» Лю Сян упомянул в качестве источников памятника шесть книг с различными названиями. Ло Гэнь-цзэ по этому поводу утверждал, что все они представляли собой различные варианты (редакции) одного и того же сочинения Куай Туна¹³. Отсутствие среди упомянутых Лю Сяном источников исследуемого памятника книги под названием «Цзюань-юн» он пытался объяснить следующими обстоятельствами:

1. В период Чжаньго и в начале эпохи Хань еще не была распространена традиция, согласно которой автор давал собственному произведению определенное название. Различные названия сочинение приобретало обычно после смерти автора в кругу его последователей и читателей.

2. Бань Гу пользовался историческими материалами хроник и жизнеописаний, восходящих к тому времени, когда сочинение Куай Туна именовалось «Цзюань-юн».

3. В период работы Лю Сяна над текстом «Планов Сражающихся царств» это название уже было забыто, вместо него появились другие. Лю Сян в своем предисловии говорил лишь о доступных ему вариантах сочинения Куай Туна.

Заключая краткий обзор аргументов Ло Гэнь-цзэ, выдвинутых в защиту версии об авторстве Куай Туна, следует сказать, что точка зрения этого исследователя получила известное распространение среди авторов, занимающихся древнекитайской литературой¹⁴.

Современный китайский литературовед Цзинь Дэ-цзянь, подобно Моу Тин-сяну и Ло Гэнь-цзэ, исходил из того убеждения, что сочинение, вышедшее из рук Лю Сяна под названием «Планы Сражающихся царств», было

¹² «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 5-а, б.

¹³ Ло Гэнь-цзэ, Куай Тун — первоначальный создатель «Планов Сражающихся царств», стр. 231; Замечания к статье г-на Пэнь Чжэня, стр. 560.

¹⁴ Ср: Käthe Dschao, *Alte chinesische Fabeln*, Peking, 1957, стр. 30.

известно Сыма Цяню как труд Куай Туна¹⁵. Однако в предложенной им схеме формирования первоначального текста этого памятника кроме сочинения Куай Туна оказался еще один компонент. Последний, по Цзинь Дэ-цзяню, сложился после завершения труда Сыма Цяня, поэтому в нем он не упомянут и не использован. Среди ученых периода Ранней Хань, интересовавшихся чжань-гоской дипломатией, Цзинь Дэ-цзянь выделил Чжуфу Яня¹⁶, произвольно представив его в качестве ближайшего преемника Куай Туна. Как известно, в литературно-библиографическом разделе «Истории Ранней Хань» под рубрикой «школа цзун-хэн» упомянуто сочинение Чжуфу Яня, состоявшее из 28 связок, которое, как и другие книги этого раздела, утрачено много столетий назад. Цзинь Дэ-цзянь, связав имена Куай Туна и Чжуфу Яня, постулировал близость принадлежавших им сочинений. Первоначальный текст «Планов Сражающихся царств», по его мнению, сложился в результате простого суммирования 5 связок «Куай-цзы» и 28 связок «Чжуфу Яня»¹⁷. Совпадение полученного числа (33) с числом связок в принадлежавшей Лю Сяну редакции памятника Цзинь Дэ-цзянь счел достаточно основательным подтверждением предложенной им версии¹⁸.

Не требуется тщательного анализа, чтобы установить беспочвенный схематизм Цзинь Дэ-цзяня, полный отрыв его построений от подлинного текста «Планов Сражающихся царств». Это отмечалось даже сторонниками авторства Куай Туна. Ло Гэнь-цзэ писал о том, что теория двух компонентов, предложенная Цзинь Дэ-цзянем, противоречит коренным особенностям структурного строе-

¹⁵ См.: Цзинь Дэ-цзянь, Предположения относительно авторов «Планов Сражающихся царств», стр. 1; его же, Предварительные замечания о книгах, просмотренных Сыма Цянем, — «Шисюе нянь бао», т. 1, 1933, № 5, стр. 42, 49.

¹⁶ Чжуфу Янь — государственный деятель и ученый, активно боровшийся в период правления императора У-ди (140—87 гг. до н. э.) за уничтожение влияния местной знати. Ср.: «История [Ранней] Хань», цз. 64, ч. I, стр. 4335—4342.

¹⁷ Хотя Сыма Цянь жил в одно время с Чжуфу Янем, но, по Цзинь Дэ-цзяню, знаменитому историографу не было известно сочинение этого автора, ибо оно получило распространение лишь в результате усилий его учеников и последователей.

¹⁸ См.: Цзинь Дэ-цзянь. Предположения относительно авторов «Планов Сражающихся царств», стр. 1, 2.

ния памятника¹⁹. Он, в частности, указывал на следующие обстоятельства: каждая из 33 глав «Планов Сражающихся царств» посвящена определенному этапу в истории одного из царств V—III вв. до н. э., поэтому создание единого сочинения, подобного рассматриваемому памятнику, методом простого суммирования двух источников было бы возможным лишь в случае тесного сотрудничества их авторов²⁰. Поскольку Куай Тун и Чжуфу Янь не были современниками, а конструируемая Цзинь Дэ-цзянем идейная преемственность между ними не находит никаких определенных подтверждений, версия Цзинь Дэ-цзяня буквально повисает в воздухе.

Боле сложной представляется оценка гипотез Моу Тин-сяна и Ло Гэнь-цзэ. При критическом разборе их аргументации сразу бросаются в глаза несоответствия, подрывающие веру в авторство Куай Туна. Действительно, его сочинение должно было, по-видимому, содержать серию иллюстрированных рассуждений о дипломатическом искусстве государственных деятелей периода Чжаньго. Что касается «Планов Сражающихся царств», то составляющие основу их текста исторические материалы имеют сугубо самостоятельное значение и никоим образом не укладываются в узкие рамки собрания примеров к чьим-либо теоретическим построениям. Несомненно, что и древний текст «Планов Сражающихся царств» обладал этой же особенностью.

Традиционное представление о характере исследуемого памятника, сложившееся в древней и раннесредневековой библиографической литературе, было совершенно определенным. Уже в первой древнекитайской научной библиографии Лю Синя (ум. в 23 г. н. э.) и Бань Гу памятник был отнесен к разделу «исторических сочинений» (чуньцю)²¹. Составители монументальных сводок — «Истории династии Суй»²² и «Истории династии Тан в старой [редакции]»²³ также видели в нем прежде всего историческое произведение. Лишь Чао

¹⁹ Ло Гэнь-цзэ. Дискуссия об авторе «Планов сражающихся царств», стр. 15.

²⁰ Там же, стр. 2.

²¹ «История [Ранней] Хань», цз. 30, стр. 3113.

²² «История династии Суй», цз. 33, стр. 304-а.

²³ «История династии Тан в старой [редакции]» («Цзю Тан шу»), серия «Сы бу бэй яо», цз. 46, стр. 586-а.

Гун-у (ум. ок. 1144 г.) внес изменения в библиографическую классификацию «Планов Сражающихся царств». Трактую исследуемый памятник как произведение безымянного представителя «школы цзун-хэн», он причислил его к разделу «цзы» — «авторские сочинения этико-политического и философского содержания»²⁴. Однако в библиографическом труде Чэнь Чжэнь-суня, жившего в ту же эпоху, «Планы Сражающихся царств» вновь оказались в разделе «цзаши» — «разные исторические сочинения»²⁵. Точку зрения Чао Гун-у на рассматриваемый памятник поддержал Ма Дуань-линь (ум. ок. 1325 г.)²⁶. Однако несколько столетий спустя ученые-библиографы цинского времени в «Каталоге всех книг четырех разделов» восстановили полностью прерванную было традицию, восходившую к авторитету Лю Сяня и Бань Гу.

Недоверие к утверждению, что Лю Сян при создании «Планов Сражающихся царств» имел дело с сочинением Куай Туна, подкрепляют и слова самого Лю Сяня. В его предисловии к рассматриваемому памятнику достаточно определенно сказано, что при составлении «Планов Сражающихся царств» были использованы шесть книг с различными названиями. Это позволяет думать, что и содержание их было несходным. Даже если встать на позиции Моу Тин-сяня — Ло Гэнь-цзэ и признать эти книги вариантами одного и того же сочинения Куай Туна, вряд ли можно найти удовлетворительное объяснение тому, что ни одна из них не называется «Цзюань-юн». Что касается объяснения Ло Гэнь-цзэ, то оно выглядит явной натяжкой.

Особое место среди вышеприведенных доводов Моу Тин-сяня — Ло Гэнь-цзэ занимает комментарий Сыма Чжэна. Его можно назвать «ключевым» аргументом их концепции. Естественно, что вопрос о том, мог ли текст «Планов Сражающихся царств», вышедший из рук Лю Сяня, содержать речь Куай Туна, произнесенную в 203 г. до н. э., заслуживает специального рассмотрения. Как известно, во всех современных изданиях памятника.

²⁴ «Записи о прочитанных книгах» («Цзюнь чжай ду шу чжи»), серия «Сы бу цун кань», цз. 3, ч. 1, стр. 20-6.

²⁵ «Каталог книг Чжи чжая с пояснениями» («Чжи чжай шу лу цзе ти»), серия «Цун шу цзи чэн», цз. 5, стр. 136.

²⁶ Ма Дуань-линь, Обозрение письменных памятников (Вэнь сян тункао), Шанхай, 1936, цз. 212, стр. 1743.

восходящих к ксилографическим изданиям Яо Хуна и Бао Бяо, историческое повествование прерывается на событиях, непосредственно предшествовавших объединению Китая под властью дома Цинь (221 г. до н. э.). Однако в тексте Лю Сяна, по-видимому, содержались речи государственных деятелей, относящиеся к более позднему времени. В своем предисловии Лю Сян дал сжатый обзор содержания памятника, включающий его собственные высказывания о причинах падения шести царств и возвышения дома Цинь. Завершает его следующий пассаж: «По этой причине [Цинь] Ши-хуан использовал неприступность четырех застав, опирался на теснины Сяо[шаня] и Хань[гу], оседлал плодородные области Лун и Шу, заслушивал планы, предложенные множеством людей, применял достижения шести поколений, благодаря чему, как шелковичный червь, пожрал шесть царств, уничтожил местных владетелей, овладел Поднебесной. [Он] полагался на низость коварных планов, что привело к исчезновению искренности и доверия. [В его правлении] не было ни нравственных наставлений, ни преобразующих начал гуманности и справедливости, которые помогли бы объединить сердца Поднебесной. [Он] учреждал наказания и считал это [истинным] правлением, верил мелким ухищрениям и считал это [истинным] путем. Тогда-то [он] и сжег “Ши-[цзин]” и “Шу-[цзин]”, казнил конфуцианцев. Углубляясь в древность, [он] умалял Яо и Шуня; что касается более поздних времен, то [он] удалился [от образца] трех ванов. Эр Ши превзошел [злодеяния отца]. Милости не распространялись в низах, любовь не достигала верхов, господин и подданные пребывали во взаимном недоверии, кости отделились от мяса. Преобразующие начала и [истинный] путь изничтожились, устои рухнули, народ отвращал лик свой от справедливости и пребывал в беспокойстве. Четырнадцать лет держали они в своих руках Поднебесную, и в Поднебесной начался великий разброд, вызванный тем злом, которое таилось в коварстве и лжи [правителя]». Отсюда со всей очевидностью следует, что первоначально текст «Планов Сражающихся царств» содержал исторические материалы, относящиеся к четырнадцатилетнему периоду существования империи Цинь. Действительно, в другом месте предисловия Лю Сян говорит о том, что одной из хронологических граней «Планов Сра-

жающихся царств» было время, когда «восстали Чу и Хань» (т. е. 209—208 гг. до н. э.).

Таким образом, историческое повествование памятника в его первоначальном виде завершалось гибелью династии Цинь. Это вполне закономерно, ибо ученые эпохи Хань, находившиеся под влиянием периодизации, выработанной Сыма Цянем, видели в Цинь Ши-хуане и Эр Ши не представителей самостоятельного исторического этапа, а лишь последних правителей периода Чжаньго²⁷. В свою очередь Сыма Цянь в данном случае следовал за циньской историографией, которая сохранила сведения о том, что официальные идеологи Ши-хуанди видели в факте уничтожения шести Сражающихся царств и превращения Цинь в единственного хозяина Поднебесной лишь завершение традиционной миссии циньских правителей прошлого. Однако упоминаемая Сыма Чжэном речь Куай Туна была произнесена через несколько лет после гибели Эр Ши, когда Китаем правил Гао-цзу, основатель династии Хань, не связанной никакими традициями с позднечжоуским временем. Основанное на комментариях Сыма Чжэна утверждение, что эта речь входила в первоначальный текст «Планов Сражающихся царств», противоречит и приведенным выше свидетельствам Лю Сяна, и характеру содержания памятника, и его структуре. По-видимому, был прав Чжан Чжао (1691—1745), считавший, что в данном случае в комментарий Сыма Чжэна вкралась ошибка²⁸.

Наличие весьма определенных сведений о том, к какому времени относились наиболее поздние материалы, использованные Лю Сяном при составлении текста «Планов Сражающихся царств», указывает на беспочвенность утверждений Моу Тин-сяна — Ло Гэнь-цзэ.

Известно, что в литературно-библиографическом разделе «Истории Ранней Хань» утраченное сочинение Куай Туна было отнесено к разделу «школы цзун-хэн». Поэтому содержащиеся в «Планах Сражающихся царств» восторженные отзывы о Су Цине, одном из легендарных основателей «школы цзун-хэн», были при-

²⁷ См.: Курихара Томонобу, Исследования по истории эпох Цинь и Хань (Синканси-но кэнкё), Токио, 1960, стр. 108—111.

²⁸ См.: Чжан Синь-чэн, Общее исследование [вопроса] о фальсификации книг (Вэй шу тун као), т. 1, Шанхай, 1957, стр. 646.

няты Ло Гэнь-цзэ за новое подтверждение идентичности сочинения Куай Туна рассматриваемому памятнику. Далее, по утверждению некоторых историков древнекитайской философии, представители «школы цзун-хэн» находились под сильнейшим влиянием идей «Чжуан-цзы» и «Дао дэ дзина»²⁹. И действительно, герои «Планов Сражающихся царств» в будничной политической борьбе нередко использовали заимствованные из последнего сочинения высказывания Лао-цзы³⁰. Однако, как свидетельствует конкретный анализ «Планов Сражающихся царств», этот памятник испытал на себе влияние не только идей раннего даосизма, но и ряда других течений древнекитайской политической и философской мысли. Так, в некоторых речах встречаются высказывания, восходящие к этико-философским концепциям Мэн-цзы и Сюнь-цзы³¹, в других представлены морализаторские сентенции, близкие по духу к раннему конфуцианству. В комплексе речей, входящих в повествование о военной реформе чжаоского Улин-вана (307 г. до н. э.), встречаются суждения, несомненно навеянные теорией Цзоу Яня о «вечном движении пяти добродетелей» и рядом других построений философов «школы инь-ян»³². В свете вышеизложенного становится очевидным, что этот аргумент Ло Гэнь-цзэ носит весьма субъективный и односторонний характер. Его опровергает не только идеологическая многоликость «Планов Сражающихся царств», но и тот бесспорный факт, что памятник содержит наряду с хвалебными и отрицательные отзывы о Су Цине³³.

О том, что текст «Планов Сражающихся царств» не принадлежит одному создателю, свидетельствует наличие в нем ряда характерных особенностей: противоречий и повторений в изложении событий, хронологических расхождений, разноречивых оценок одних и тех же персонажей памятника. Таким образом, ни один из аргументов Моу Тин-сяна — Ло Гэнь-цзэ не может служить

²⁹ Хоу Вай-лу, Чжао Цзи-бинь, Ду Го-сян, Общая история китайской идеологии (Чжунго сьсян туши), т. 1, Пекин, 1957, стр. 643—644.

³⁰ «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 12-а—15-а.

³¹ Ли Цзюй-тянь, Новые суждения о «Планах Сражающихся царств», стр. 23.

³² Жун Чжао-цзу, Критическое исследование «Книги правителя области Шан», — «Яньцин сюебао», 1937, № 21, стр. 77.

³³ «Планы Сражающихся царств», цз. 2, стр. 5-а.

доказательством причастности Куай Туна к созданию текста «Планов Сражающихся царств». Это заключение вновь поднимает вопрос о том, в какой форме рассматриваемый памятник был известен Сыма Цяню. Не вызывает сомнений, что почти четвертая часть материала, содержащегося в его современном тексте, была использована Сыма Цянем при написании разделов «Записей историографа», освещающих историю Китая IV—III вв. до н. э.³⁴ В полном соответствии с этим фактом Бань Бяо и Бань Гу помещают «Планы Сражающихся царств» в ряду таких источников знаменитого историографа, которые были принципиальными собраниями информации относительно целых исторических периодов. Однако среди большого числа названий книг, упомянутых в труде Сыма Цяня³⁵, нет такого, за которым могли бы скрываться будущие «Планы Сражающихся царств». Объяснение этому можно найти в одном весьма интересном обстоятельстве, отмеченном уже исследователями «Записей историографа»: «Нередко авторы “Шин цзи” не давали подробной характеристики тем литературным произведениям, которые и так были хорошо известны образованным людям эпохи У-ди (141—87 гг. до н. э.). Так, в послесловии Господина великого астролога к гл. 62 “Шин цзи” о книге “Янь-цзы чуньцю” сказано: “Что касается его (т. е. Янь-цзы) книги, [то в наш] век [люди] в большом числе имеют ее, поэтому [я] не рассуждаю [о ней]”»³⁶. Следовательно, когда Сыма Цянь имел дело с книгами, широко распространенными в кругу его литературно образованных современников, он не давал о них детальной и точной библиографической информации, а лишь ограничивался обобщенно-описательным упоминанием³⁷. Так, по-видимому, случилось и с источниками

³⁴ Ср.: Сунь Дин-и, Введение в филологическое изучение «Планов Сражающихся царств», — «Гогоан цзачжи», 1936, № 16, стр. 61.

³⁵ См.: Цзинь Дэ-цзянь, Предварительные замечания о книгах, просмотренных Сыма Цянем; Ло Гэнь-цзэ, Об источниках «Записей историографа», упоминаемых в тексте этого сочинения (на кит. яз.), — «Bulletin of the National Library of Peiping», vol. 4, 1930, № 2, стр. 9—10 и сл.

³⁶ Ю. Л. Кроль, Критическая работа Сыма Цяня над текстом «Вёсны и осени княжеств Чу и Хань» Лу Цзя, — «История и филология стран советского и зарубежного Востока», М., 1961, стр. 614.

³⁷ Ср. там же, стр. 615.

«Планов Сражающихся царств». И действительно, касаясь вопроса о том, что было положено в основу «Погодовой таблицы шести царств» («Лю го нянь бяо»), Сыма Цянь писал: «Есть лишь “Записи [царства] Цинь”, да к тому же в них не упоминаются ни дни, ни месяцы, их текст краток и неполон. Однако имеются еще [сочинения] о том, как Сражающиеся царства использовали изменяющуюся обстановку, которые можно собрать в значительном количестве...»³⁸. Здесь под «[сочинениями] о том, как Сражающиеся царства использовали изменяющуюся обстановку», несомненно скрываются источники рассматриваемого памятника. В свое время уже отмечалась полная беспочвенность каких-либо попыток установить имена их авторов³⁹. Очевидно, в этой области придется ограничиться лишь исследованиями о том, с каким периодом может быть связано их творчество и каков характер созданных ими сочинений.

³⁸ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 15, стр. 1055.

³⁹ Чжун Фэн-нянь, Исследование «Планов [Сражающихся] царств», стр. 1.

ГЛАВА III

ОБ ИСТОЧНИКАХ «ПЛАНОВ СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ»

Общая характеристика источников

При изучении вопроса об источниках «Планов Сражающихся царств» первостепенное значение имеют сведения, которые содержит предисловие к ним Лю Сяна. О сочинениях, использованных при его составлении, в этом предисловии сообщается следующее: «Что касается подобных мною книг о планах Сражающихся царств из дворцовых книгохранилищ, то сохранившиеся там свитки пребывали в беспорядке, были взаимно перемешаны. Имелось еще восемь связок бамбуковых планок, в которых [повествование велось] по отдельным царствам, но они страдали неполнотой. Исходя из [повествований] об отдельных царствах, я в общих чертах расположил [все собранные материалы] во временной последовательности. Отделил друг от друга [тексты], которые не были приведены в порядок, чтобы [различные материалы] дополняли друг друга, устранил повторения и получил тридцать три связки бамбуковых планок... Среди использованных мною книг из дворцовых книгохранилищ были первоначально и “Го цэ”, и “Го ши”, и “Дуань чан”, и “Ши юй”, и “Чан шу”, и “Сю шу”».

Из текста этой цитаты следует, что источники рассматриваемого памятника делились на две группы: с одной стороны, сочинения, о структуре которых Лю Сян отзывается весьма скептически, а с другой — восемь связок, «в которых [повествование велось] по отдельным царствам»¹. Упоминаемые здесь «Го цэ» («Планы

¹ Это обстоятельство было уже отмечено некоторыми исследователями. См.: Сю ань Пу, Избранные образцы исправлений текста «Планов Сражающихся царств», — «Нюйши сюеюань цикань», т. 1, 1933, № 2, стр. 1.

царств»)² и «Го ши» («События [из истории] царств»), судя по их названиям, относились к последней группе. Первая же, по-видимому, включала «Дуань чан» («Недостатки и достоинства»), «Ши юй» («Повествования о событиях»)³, «Чан шу» и «Сю шу» (две «Книги о достоинствах»).

² В названии исследуемого памятника, которое предложил Лю Сян, значение иероглифа «цэ» он весьма точно определил, как «планы, замыслы». (Лю Сян писал: «Странствующие ученые, чтобы помочь тем царствам, которые использовали их [способности], составляли планы и придумывали [дипломатические] уловки и хитрости, поэтому я и счел выражение “Чжань го цэ” подходящим названием для данной книги». См.: Лю Сян, Предисловие к «Планам Сражающихся царств», — «Планы Сражающихся царств», тетр. 1, Введение, стр. 1-а). Что же касается сочетания «Го цэ», то здесь какие-либо указания, уточняющие смысловое содержание его компонентов, отсутствуют. Поэтому вышеприведенный перевод является в известной мере условным, ибо, как известно, иероглиф «цэ» имел в древности еще целый ряд значений. Так, он широко употреблялся как название для связок исписанных бамбуковых планок. Книги исторического содержания типа царских хроник тоже именовались цэ. Ярким подтверждением этого является следующая запись в «Цзо чжуане», относящаяся к 553 г. до н. э.: «Когда Нин Хуй-цзы заболел, он призвал своего сына Дао-цзы и сказал ему: “Я виноват перед нашим государем. Мое имя попало в хроники (цэ) разных правителей, где записано: “Сунь Линь-фу и Нин Чжи изгнали своего государя”...» («Цзо чжуань», 20-й год Сян-гуна, — в кн.: J. Legge, The Chinese Classics, vol. V, The Ch'un Tsew with the Tso Chuen, Hongkong — London, 1872, стр. 485). (Множественно отмечалось, что название данного памятника «Цзо чжуань» — «Комментарий Цзо» не соответствует характеру его содержания. В отечественной и мировой синологической литературе принято передавать его название с помощью транскрипции). В период Чжаньго случаи аналогичного применения иероглифа «цэ» также, по-видимому, имели место. Лю Се (465—522) писал об историографии того времени: «И в эпоху вертикальных и горизонтальных [союзов царств] сохранилась должность историографа. Когда Цинь объединило [земли] семи ванов, оказалось, что Сражающиеся царства обладали хрониками, именовавшимися цэ. Поскольку они лишь регистрировали, но не описывали [события], то и стали их называть словом, обозначающим бамбуковые планки [для письма]». Лю Се, Литературная мысль и резной дракон с комментарием Фань Вэнь-ланя («Вэнь сян дяо лун. [Фань Вэнь-лань] чжу»), Пекин, 1958, стр. 284. В свете этих фактов представляется не лишним основания и мнение ученых, считавших, что в данном случае сочетание «Го цэ» также могло означать «Бамбуковые книги (или хроники) царств». См.: Е Дэхуй, Беседы о книжных собраниях, стр. 14; Найтё Торадзиро, История китайской историографии (Сина сигакуси), Токио, 1953, стр. 100.

³ Некоторые исследователи склоняются к тому мнению, что в данном сочетании иероглиф «юй» должен был иметь значение

В замечаниях Сыма Чжэна на комментарий Пэй Иня (V в. н. э.) к «Записям историографа» сохранился следующий фрагмент предисловия Гао Ю, написанного к исследуемому памятнику: «[Книги, в которых были собраны] речи сторонников [междоусобных союзов] цзун⁴

«речь», «высказывание» (см.: Ци Сы-хэ, Об авторе..., стр. 172). Однако ряд обстоятельств порождает сомнения в правильности такого толкования. В некоторых случаях в дошедших до нас памятниках позднечжоуской литературы цитируются несохранившиеся сочинения, в названия которых входит иероглиф «юй». Например, в «Повествованиях о царствах» («Го юй») записано: «В «Нравоучительных повествованиях» («Сюнь цзи») имеется [место], где сказано: «Когда [дом] Ся пришел в упадок, духи людей из Бао, обратившись двумя драконами, прилетели во дворец вана...». Вслед за этим «сказочным» зачином приводится ряд необычайных историй: о новых превращениях духов из Бао, о чудесном рождении и детстве Бао Сы, любимой наложницы Ю-вана (правил в 781—771 гг. до н. э.). См. «Повествования о царствах» («Го юй»), серия «Го сюэ цзибэнь цуншу», цз. 16, стр. 187. Ср.: E. Erkes, Die historische Stellung der Pao Se, — «Ostasiatische Studien», Berlin, 1959, стр. 54—55. Видимо, в данном случае иероглиф «юй» должен был быть употреблен в значении «история», «рассказ», «повествование». (Таким образом, «Сюнь юй» переводится как «Нравоучительные повествования»). Фольклорные «притчи», передававшиеся в период Чжаньго изустно, также именовались юй. Так, в трактате «Мо-цзы» сказано: «Слышал ты историю (юй), [рассказываемую в царстве] Лу? Было в Лу пять братьев, у которых умер отец...». «Трактат Мо-цзы с комментарием» («Мо-цзы сяньгу»), серия «Чжу цзи цзи чэн»), цз. 12, стр. 279 (далее — «Мо-цзы»). Ср.: «Трактат Сюнь-цзы с краткими пояснениями» («Сюнь-цзы цзяньши»), серия «Чжу цзи цзи чэн», цз. 32, стр. 406 (далее — «Сюнь-цзы»). Данным наблюдениям соответствует тот факт, что в конце эпохи Чжоу и в эпоху Хань иероглиф «юй» весьма часто употреблялся и в значении «историческое повествование», «сказание». Например, Сыма Цянь писал: «Расчеты и планы Чжао Цюя во многом способствовали тому, что [цзиньский] Вэнь-гун возвратился в свое владение и достиг положения гегемона. Повествование (юй) об этом помещено там, где говорится о событиях [из истории] Цзинь» (Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 5, стр. 378).

⁴ Хэ-цзун, или союз царств, расположенных по вертикали (т. е. с севера на юг), объединял в период Чжаньго владения, простиравшиеся к востоку от гор Тайхан. Как полагают современные исследователи, в процессе исторического развития состав и цели этой коалиции менялись. Так, во второй половине IV в. до н. э., когда на востоке и на юге у царства Цинь имелись соперники, равные ему по силе (Ци и Чу), хэ-цзуны представляли собой «объединение нескольких слабых для защиты от трех сильных» (см.: Сюй Чжун-шу, Хэ Сяо-да, Борьба за гегемонию между царствами Ци и Вэй в ранний период Чжаньго и начало коалиций хэ-цзун и лян-хэи. — «Сычуань дасюэ сюебао», серия общественных наук, 1956, № 2, стр. 56). Сто лет спустя, во второй половине III в.

и хэн⁵ из шести царств, иногда выступали под названием «Недостатки и достоинства», имелись еще именовавшиеся так: «События [из истории] царств». Лю Сян составил из них [сочинение], содержащее 33 связки бамбуковых планок». Здесь Гао Ю, давая суммарную характеристику источникам «Планов Сражающихся царств», выделил среди них две группы, аналогичные вышеупомянутому, персонифицировав каждую в названии наиболее характерного для нее сочинения.

Впоследствии источники «Планов Сражающихся царств» были, по-видимому, утрачены. Известно, что позднейшая литература, за исключением только что упомянутого предисловия Гао Ю, сведений о них не содержит⁶.

Сообщение Лю Сяна о том, что в процессе работы по составлению «Планов Сражающихся царств» им были использованы сочинения, «в которых [повествование] велось по отдельным царствам», представляет большой интерес, так как оно находит подтверждение при анализе современного текста этого памятника. При этом обнаруживаются достаточно характерные признаки зависимости от таких источников, в которых содержание располагалось в соответствии с особенностями политической географии V—III вв. до н. э. В текст «Планов Сражающихся царств» в ряде случаев введено по несколько вариантов рассказа об одном и том же событии, каждый из которых носит сугубо локальный характер, т. е. освещает те аспекты события, которые представляли насущный интерес для одного из семи Сражающихся царств. Так, дважды сообщается о дипломатической борьбе

до н. э., когда необычайно быстрый рост военного потенциала царства Цинь сделал реальной перспективу объединения Китая под властью циньских ванов, «сторонники [союза] цзун объединяли многих слабых, чтобы выступить против одного сильного (т. е. Цинь)». См. «Хань Фэй-цзы», цз. 9, стр. 347.

⁵ В лян-хэн, или объединение царств по горизонтали (т. е. с запада на восток), обычно входило царство Цинь и одно или несколько владений, расположенных к востоку от него.

⁶ В «Важнейших сведениях к каталогу всех книг четырех разделов» рассказывается о находке нескольких глав сочинения, называвшегося «Недостатки и достоинства». Там же приводится предположение о том, что оно имело непосредственное отношение к тексту «Планов Сражающихся царств». К сожалению, это предположение не аргументировано. См. «Каталог всех книг четырех разделов», цз. 52, стр. 1-а.

явившейся следствием военного столкновения между царствами Янь и Ци в районе Цюаня, причем в каждом случае приводятся сведения об акциях одной из сторон, участвовавших в этой борьбе:

1. «Затруднения в Цюане. Между царствами Ци и Янь началось война. Цинь послало Вэй Жэня в Чжао, [чтобы побудить его] вывести войска для оказания помощи Янь в борьбе против Ци. Се-гун⁷ послал Вэй Чу в Чжао. Тот сказал [чжаоскому] Ли Сяну: “Если ты, господин, нападешь на Ци, чтобы поддержать Янь, то Ци непременно попадет в трудное положение. В этом случае оно с помощью земельных уступок добьется мира с Янь, чтобы самому вести войну с Чжао. Если так, то ты, господин, самолично соберешь войска для Янь, чтобы оно приобретало [для себя] земли. Поэтому предлагаю тебе такой план: лучше прекрати военные приговорения, не посылай войск за пределы [страны], тогда Ци непременно начнет мешкать [с заключением мира], а это приведет к возобновлению военных действий между [Ци] и Янь. Если [Ци] одержит победу в войне, то его войска будут измотаны, и Чжао сможет приобрести Тан и Цюйни⁸. Если [Ци] потерпит поражение, то оно будет следовать распоряжениям из Чжао. Если так, то мы окажемся в положении арбитров и отторгнем земли как у истощенного [войной] Ци, так и у ослабевшего Янь. Власть над этими двумя царствами перейдет к тебе, господин“»⁹.

2. «Затруднения в Цюане. Янь потерпело поражение еще в одной битве. Чжао отказалось ему помочь. Гуайцзы сказал [яньскому] Вэнь-гуну: “Лучше с помощью земельных уступок добиваться соглашения с Ци. Чжао непременно поможет нам. Если оно откажется это сделать, то все равно придется договариваться [с Ци]“. Вэнь-гун сказал: “Хорошо“. Приказал Го Жэню, чтобы тот, обещая уступить земли, просил [циского вана] начать мирные переговоры. Как только Чжао услышало об этом, оно послало войска на помощь Янь»¹⁰.

⁷ Се-гун, или Господин над областью Се, — титул сяна царства Ци по имени Тянь Ин.

⁸ К этому месту сохранился следующий комментарий Гао Ю: «Тан и Цюйни принадлежали в то время [царству] Янь».

⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 8-а, б.

¹⁰ Там же, цз. 9, стр. 3-а, б.

Об этом циско-яньском конфликте известно лишь из «Планов Сражающихся царств». В приведенных эпизодах упомянуты яньский правитель Вэнь-гун (361—333 гг. до н. э.) и циньский сановник Вэй Жань. Поскольку Сыма Цянь относит начало служебной карьеры последнего ко времени циньского Хуйвень-вана (337—320 гг. до н. э.)¹¹, то столкновение под Цюанем должно было произойти примерно в 337—333 гг. до н. э. Местонахождение Цюаня — неясно.

В той же связи привлекают внимание четыре эпизода, начинающиеся с известия об осаде крупнейшего чжаоского города Ханьдана войсками царства Вэй (354 г. до н. э.)¹². Они параллельно повествуют о влиянии вэйско-чжаоского конфликта на внешнеполитический курс царств Ци, Чу, Хань и Сун. Многократно повторяется в «Планах Сражающихся царств» лаконичное изложение истории военно-политического провала антициньской коалиции царств Ци, Чжао, Хань, Вэй и Чу, возглавлявшейся чжаоским сяном Ли Дум (288 г. до н. э.)¹³. Связанные с этим эпизодом тексты¹⁴ рассказывают о реакции правителей отдельных царств на поражение войск коалиции под Чэнгао¹⁵.

Такого рода параллельные повествования чаще всего начинаются с лаконичного сообщения об определенном событии. Для этого обычно используются трафаретные выражения: «Затруднения близ Цюаня», «Затруднения в Ханьдане», «Затруднения в Чанша», «Затруднения в Наньляне», «Сражение близ Юнши», «Сражение под Ияном», «Сражение под Сюйчжоу», «Сражение под Чанпином», «Сражение под Сянлином», «Инцидент близ Синшаня», «Инцидент в верховьях реки Пу». В некоторых случаях сообщения об определенной исторической ситуации, предшествующие речам государственных деятелей заинтересованных царств, оказываются более про-

¹¹ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 72, стр. 3563.

¹² «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 15-б; цз. 5, стр. 1-б—2-а; цз. 8, стр. 6-а; цз. 10, стр. 2-б—3-б.

¹³ «Планы Сражающихся царств» являются единственным источником, хранящим память об этом событии. Вопрос о точной датировке его разобран в книге Ян Куаня «История периода Чжаньго» (стр. 165).

¹⁴ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 31-б; цз. 6, стр. 34-б; цз. 8, стр. 32-а. б.

¹⁵ На территории современного уезда Чэнгао провинции Хэнань.

странными: «Циньские [войска] напали на армию вэйского военачальника Си У близ Ицюе» (293 г. до н. э.)¹⁶, «Си У потерпел поражение близ Ицюе»¹⁷, «Си У потерпел поражение»¹⁸, «[Царство] Цинь нанесло поражение Восточному Чжоу, вступило в битву с [царством] Вэй близ Ицюе; убит Си У»¹⁹.

Подобные вводные сообщения служили, по-видимому, своеобразным шифром, с помощью которого внутри сочинения отыскивались повествования с параллельным содержанием. Несомненно, что вводные сообщения могли выступать и в роли хронологических ориентиров: упоминая крупные события политической жизни, хорошо известные по хроникам отдельных царств, они должны были связывать данные повествования с определенным моментом в истории периода Чжаньго. Последнее обстоятельство представляет особый интерес в связи с утверждением Лю Сяна, что «[повествования] об отдельных царствах» служили для него путеводной нитью при распределении собранных материалов во временной последовательности. Отсюда явствует, что в этой группе источников «Планов Сражающихся царств» были представлены сочинения, в композиции которых соблюдался не только географический, но и хронологический принцип. Сопоставление последнего утверждения с тем обстоятельством, что вводные сообщения дают определенную хронологическую ориентацию следующим за ними текстам, заставляет увидеть в них реликты хронологической канвы, существовавшей некогда в «Планах царств» и в «Событиях [из истории] царств». То же, по-видимому, можно сказать и о вводных сообщениях, начинающихся указанием на год правления местного вана²⁰.

Очевидно, использование Лю Сяном систематизированных исторических сочинений типа «Планов царств» и «Событий [из истории] царств» было также причиной того, что содержание важнейших разделов исследуемого памятника — «Планы царства Цинь», «Планы царства

¹⁶ «Планы Сражающихся царств», цз. 1, стр. 8-6.

¹⁷ Там же, стр. 9-6.

¹⁸ Там же, стр. 10-6.

¹⁹ Там же, цз. 7, стр. 35-а.

²⁰ См.: «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 36-б; цз. 6, стр. 51-а; цз. 7, стр. 58-б.

Ци», «Планы царства Чжао» — отличается последовательностью и полнотой при освещении важнейших исторических событий, определявших эволюцию отношений между Сражающимися царствами в V—III вв. до н. э.

Как отмечалось выше, в процессе компилирования текста рассматриваемого памятника кроме «[повествований] об отдельных царствах» был использован еще ряд сочинений, в частности «Недостатки и достоинства». У авторов эпохи Хань выражение «дуань чан» (или иногда — «чан дуань») встречается довольно часто: «Куай Тун любил рассуждать о чан дуань (достоинствах и недостатках)»²¹; «Бянь Тун изучал дуань чан (искусство рассуждать о недостатках и достоинствах)»²²; «Чжуфу Янь — житель города Линьцзы в царстве Ци. Он изучал искусство [рассуждать] о достоинствах и недостатках, о союзах цзун и хэн»²³. Приведенные отрывки заставляют предположить, что «дуань чан», или «чан дуань», — это специфический *terminus technicus* для особой разновидности практического красноречия.

Действительно, позднеханьский эрудит Фу Цянь (II в. н. э.) в комментарии к третьей из упомянутых цитат писал: «Искусство [рассуждать] о достоинствах и недостатках, о [союзах] цзун и хэн представлено в суждениях, которые содержатся в книгах различных авторов и построены по образцу [речей] Су Циня». Следовательно, система «рассуждений о достоинствах и недостатках» выросла из культивировавшегося в период Чжаньго искусства достигать намеченной цели в междуцарских сношениях с помощью речей и посланий, символом которого был Су Цинь. В этих речах были представлены образцы дипломатического обмана, изворотливости, для них была нормой практика фактических и логических искажений. Все это перекочевало в систему «рассуждений о достоинствах и недостатках», сторонники которой, по словам Сыма Чжэна, «если хотели заставить [других] увидеть в данном деле благо, то говорили о его выгодных сторонах; если хотели заставить [других] увидеть в данном деле зло, то говорили о его теневых сторонах»²⁴.

²¹ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 94, стр. 4122.

²² «История Ранней Хань», цз. 59, стр. 4171.

²³ Там же, цз. 64, стр. 4335.

²⁴ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 94, стр. 4122 (комм.).

Уже на грани эпох Цинь и Хань были известны сочинения, в которых данная система разрабатывалась на материале, связанном по своей тематике с периодом Чжаньго. Об этом говорится, например, в трактате Лю Аня (ум. в 122 г. до н. э.) «Хуайнань-цзы»: «Во времена циского Хуань-гуна Сын неба был презираем и бессилен, местные владетели, пуская в ход силу, выступали против соседей, южные и северные ди друг за другом нападали на срединные государства, положение срединных государств было весьма опасным; земли царства Ци на востоке граничили с морем, а на севере ограждались рекой Хуанхэ, территория его была [весьма] стеснена, полей было мало, и народ постоянно предавался всяким ухищрениям; Хуань-гун думал о бедах срединных государств, печалился о беспорядках, приносимых варварами; он хотел спасти погибающих, пробудить угасающие [фамилии], сделать почитаемым сан Сына неба, развить дело, начатое Вэнь-[ваном] и У-[ваном], поэтому и появилась книга “Гуань-цзы”... В более поздние времена владетели шести царств, отделенных друг от друга потоками и ущельями, реками и горами, самовластно правили внутри границ [своих государств], блюли доставшиеся на их долю земли, держали в своих руках кормило власти; [они] присвоили себе право издавать указы, в низших сферах не было [тогда] гегемонов, в высших — Сына неба; пуская в ход силу, они выступали [против соседей] и боролись за влияние; победитель [всегда] оказывался правым; для того чтобы защитить свою страну, чтобы сохранить свои алтари земли и злаков, они полагались на союзные отношения с другими государствами, стремились к укреплению договоров, разламывали верительные бирки, привлекали помощь издалека, поэтому и появилась [книга] о союзах цзун и хэн, о достоинствах и недостатках»²⁵. Итак, рассуждения о достоинствах и недостатках, зародившиеся в период Чжаньго, во времена Лю Аня были уже сведены в отдельную книгу, в которой речь шла о взаимоотношениях Сражающихся царств, об их объединении в союзы цзун и хэн. Содержание этой книги, если судить по той характеристике, которую дал ему Лю Ань, во многом перекликалось с «Планами Сражающихся царств», что на-

²⁵ «Хуайнань-цзы», серия «Чжу цзы цзи чэн», цз. 21, стр. 376.

водит на мысль об ее идентичности рассматриваемому здесь источнику Лю Сяна. Если взять за основу это предположение, а также другие данные, бесполезной, по-видимому, будет попытка выделить в современном тексте «Планов Сражающихся царств» те материалы, которые могли бы восходить к «Недостаткам и достоинствам».

Как известно, китайская историческая традиция считает Су Циня родоначальником идеи объединения царств по вертикали. Для упомянутых Фу Цянем сочинений, содержавших рассуждения о достоинствах и недостатках, дипломатия Су Циня служила образцом. Эти обстоятельства позволяют отнести к числу таких материалов автономный комплекс, объединяющий семь едичных по стилю и композиции речей Су Циня, шесть из которых содержат развернутую проповедь объединения царств по вертикали, обращенную к шести различным правителям²⁶. Еще Чжан Ци (1765—1833) обратил внимание на то, что описание в них пограничных земель царств Цинь и Чжао в ряде случаев оказывается в противоречии с политической географией древнего Китая в 30-х годах IV в. до н. э.²⁷. Об этом писали и современные китайские историки²⁸. Кроме того, текст речей Су Циня изобилует деталями, противоречащими подлинным историческим фактам. Достаточно характерен в этом

²⁶ Согласно хронологии, выработанной средневековыми авторами (Сыма Гуан, Люй Цзу-цян), эти речи были произнесены перед семью чжангоскими ванами в период между 337 и 333 гг. до н. э. В «Планах Сражающихся царств» они разбросаны по разным главам, а в труде Сыма Цяня собраны воедино и являются основой его «Биографии Су Циня». Семь речей Су Циня неоднократно переводились и пересказывались в работах западных ученых: A. P f i z m a i e r, *Das Rednergeschlecht Su*, — «Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften», *Philosophische-historische Klasse*, Bd 32, 1852, стр. 642 и сл.; Ch. P i t o n, *The Six Great Chancellors of Tsin*, — «China Review», vol. XIII, 1884—1885, стр. 129—131, 133—135; P. T h e u n i s s e n, *Su Tsin und die Politik der Längs und Quer Achse in chinesischen Altertum*, Breslau, 1938, стр. 22—48.

²⁷ «Толкование названий местностей, упомянутых в “Планах Сражающихся царств”» («Чжань го цэ ши-ди»), серия «Цун шу цзи чэн», цз. 1, стр. 10; цз. 2, стр. 85.

²⁸ Чжан Гун-лян, Установление неаутентичности речи Су Циня, произнесенной в царстве Цинь, — «Юй гун», т. 3, 1935, № 5, стр. 9, 10; Чжан Вэй-хуа, О «великой стене» царства Вэй, — «Юй гун», т. 7, 1937, № 6—7, стр. 230.

отношении следующий пример: в речах Су Циня правителям царств Вэй и Хань приписывается намерение «объявить себя восточными вассалами [Цинь], выстроить императорский дворец [для приемов циньского вана], получить [от Цинь] пояс и шапку, весной и осенью участвовать в жертвоприношениях [предкам циньского вана]». Однако на фоне междуцарских отношений 30-х годов IV в. до н. э. эта формула признания вассальной зависимости выглядит явным анахронизмом. Первое достоверное упоминание о том, что Хань и Вэй признали себя восточными вассалами Цинь, связано с событиями 293 г. до н. э., когда объединенная ханьско-вэйская армия была наголову разбита циньцами под Ицюе²⁹.

Поразителен анахронизм, содержащийся в обращении Су Циня к чжаоскому государю Су-хоу (правил в 349—326 гг. до н. э.). Один из периодов этого обращения начинается словами: «Ныне Фэнъян-цзюнь покинул сей мир...»³⁰. В действительности Фэнъян-цзюнь (Ли Дуй) был сяном царства Чжао в первой четверти III в. до н. э. Его имя появляется впервые на страницах других источников намного позднее 333 г. до н. э.³¹. Перечисленные особенности этих речей делают естественным вывод о том, что их содержание носит вымышленный характер и не отражает реально исторической деятельности самого Су Циня³².

²⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 57-а, б.

³⁰ Там же, цз. 6, стр. 9-б.

³¹ Этим годом Сыма Гуан датирует визит Су Циня к Су-хоу. См.: «Всеобщее зеркало, помогающее управлению» («Цзычжи тун-цзянь»), серия «Сы бу бэй яо», цз. 2, стр. 28-а.

³² Внимательное ознакомление с материалами «Планов Сражающихся царств», выходящими за рамки того комплекса единых по своему стилю, структуре и идейной ориентации речей, о которых говорилось выше, свидетельствует о необоснованности мнения ряда современных авторов, относящих Су Циня к числу «полностью вымышленных персонажей» (см.: I. R. Hightower, *Topics in Chinese Literature*, Cambridge, Massachusetts, 1953, стр. 14). Согласно «Планам Сражающихся царств», в 90-х годах III в. до н. э. Су Цинь был весьма заметной фигурой среди сановников царства Ци. Рассматриваемый памятник содержит ряд конкретных примеров влияния дипломатического дарования Су Циня на внешнюю политику царства Ци в этот период. Так, по совету Су Циня в 288 г. до н. э. циский Минь-ван отказался от предложенного циньским правителем почетного титула «император Востока» («Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 40-б—41-б). В период аннексии владения Сун (286 г. до н. э.) Су Цинь неоднократно выступал в роли ци-

Антитезой речей Су Циня являются речи Чжан И³³, обращенные к правителям царств Вэй, Чу, Хань, Ци, Чжао и Янь. Тема их — борьба за создание провинциально-объединения царств по горизонтали как военно-дипломатического союза, антагонистического «цзуну» Су Циня. Речи Чжан И — это, собственно, полемические параллели речей Су Циня. Они построены по такому же композиционному трафарету, а для создания «реального фона» в них использованы аналогичные факты. Однако все то, что в речах Су Циня имеет вид достоинств и прочных гарантий успеха, в речах Чжан И искусно превращено в недостатки и опасные просчеты. Оба комплекса объединяет еще одна весьма выразительная черта: тексты шести речей, связанных с именем Чжан И, изобилуют анахронизмами³⁴ и, по-видимому, столь же исторически недостоверны, как и тексты семи речей, приписываемых Су Циню. Достоин упоминания и тот факт, что и тем и другим свойственны общие ошибки. Отмеченные нами признаки очевидной внутренней близости этих комплексов дают основание полагать, что они были созданы одновременно и входили первоначально в состав единого сочинения³⁵, которое с

ского дипломатического агента (там же, цз. 8, стр. 32-б—33-б; цз. 10, стр. 3-б—4-а). Приведенные факты несомненно историчны. Они нашли отражение в тексте «Люй ши чуньцю», где говорится: «В царстве Сун был Тан Ян, в царстве Ци был Су Цинь. Вся Поднебесная знает, что они (т. е. Сун и Ци) погибли» («Люй ши чуньцю», цз. 17, стр. 210). «Гибель Ци» — это военная катастрофа 284 г. до н. э. Естественно, что авторы «Люй ши чуньцю» могли связывать имя Су Циня с поражением 284 г. до н. э. только в том случае, если его деятельность в Ци непосредственно предшествовала этому событию.

³³ Их перевод см.: F. Hübötter, *Aus den Plänen der kämpfenden Reiche*, Berlin, 1912, стр. 1—8, 13—37.

³⁴ Чжан Гун-лян, Установление неаутентичности речей Чжан И, произнесенных в царствах Ци, Чжао и Янь, — «Юй гун», т. 3, 1935, № 7, стр. 6.

³⁵ В литературно-библиографическом разделе «Истории Ранней Хань» под рубрикой «школа цзун-хэн» упоминается несохранившееся сочинение Су Циня — «Су-цзы». А. Масперо, подвергший специальному исследованию биографию Су Циня, вслед за Шэнь Циньханем (1775—1832) считал, что рассмотренный выше комплекс речей в защиту коалиции «цзун» был составной частью этого сочинения (см.: H. Maspero, *Le roman de Sou Tsin*, — *Études Asiatiques. Publiées à l'occasion du XXV anniversaire de l'École Française d'Extrême-Orient*, t. II, Paris, 1925, стр. 138; H. Maspero, *Le roman historique dans la littérature chinoise de l'antiquité*, —

течением времени оказалось, по-видимому, включенным в состав «Недостатков и достоинств».

Серия речей-антиподов Су Циня и Чжан И некогда была сцементирована повествовательной канвой, которая лучше всего сохранилась в соответствующих биографических главах труда Сыма Цяня. Ее фрагменты встречаются и в «Планах Сражающихся царств». В некоторых случаях эти отрывки весьма оригинальны и восходят к варианту сочинения о «странствующих ученых», отличному от того, который был использован Сыма Цянем. Весьма выразителен следующий пример: «[Су Цинь] обращался к циньскому вану, писал ему более десяти раз, но его увещевания не были приняты. [К тому времени] его халат, подбитый черным соболем, износился, сотня цзиней³⁶ золота была истрачена, его достояние истощилось, и он покинул [царство] Цинь, чтобы вернуться [домой]. Ноги его были оплетены завязками сандалий, за спиной подвешены книги, на плече он тащил короб [с пожитками]. Он исхудал, лицо и глаза его потемнели, вид у него был пристыженный. Когда он возвратился в свое семейство, то жена не встала из-за своего ткацкого станка, [чтобы встретить его], невестка не приготовила поест, отец с матерью не побеседовали с ним. Су Цинь тяжело вздыхая, сказал: “Жена отказывается признать меня своим мужем, невестка — свояком, отец и мать — сыном. Во всем этом виновато [царство] Цинь!” Тогда ночью достал он свои книги, разложил несколько десятков футляров [со свитками] и взялся за планы тайгуна³⁷, изложенные в [его сочинении] “Инь фу”. Склонившись над ним, он заучивал его наизусть. Он отобрал в нем [наиболее существенное], усовершенствовался [в его истолковании], с тем чтобы достигнуть [умения] применяться к сложившейся обстановке... Через год, когда [метод] использования сложившейся обстановки был выработан, [Су Цинь] сказал: “Подлинно, это

Н. Масперо, *Mélanges posthumes sur les religions et l'histoire de la Chine*, Paris, 1950, стр. 58). Однако это утверждение, основанное на чисто умозрительных соображениях, вряд ли может быть использовано сейчас как конструктивный элемент при изучении речей Су Циня.

³⁶ В большинстве Сражающихся царств 1 цзинь составлял около 256 г. См.: Сэкино Такэси, *Исследование по археологии Китая* (Тюгоку кокогаку кэнкю), Токио, 1956, стр. 428—432.

³⁷ Тайгун — титул Цзян Шана, соратника чжоуского Вэнь-вана.

может убедить правителей наших дней“. Тогда-то, миновав [заставу] Яньуцзицюе, он встретился для беседы с чжаоским ваном в прекрасном дворце. Он стал говорить, сопровождая свою речь ритмическими жестами. Чжаоский ван был весьма обрадован. Пожаловал ему титул Уань-цзюня (господина над Уанем), вручил ему печать сяна и сотню боевых колесниц; тысяча кусков парчи и узорной ткани, сто пар круглых дисков из белой яшмы и десять тысяч и³⁸ золота были посланы за ним. [Су Цинь] объединил царства по вертикали и рассеял объединение по горизонтали, чтобы привести в повиновение сильное [царство] Цинь. По той причине, что Су Цинь стал сяном в Чжао, заставы [шести царств] сделались непроходимыми [для циньских войск]. В те времена и обширность Поднебесной, и обилие ее бесчисленных жителей, и авторитет ванов и хоу, и влияние политических советников — все, казалось, слилось в едином стремлении осуществить планы Су Циня. Не было израсходовано ни одного доу провианта, не было хлопот ни с одним панцирем, ни один воин не участвовал в битве, не лопнула ни одна тетива, не изломалась ни одна стрела, а владетели стали близки между собой больше, чем братья...»³⁹. В этом отрывке механически объединены два структурных элемента повествовательного обрамления речей Су Циня, связанных с разными моментами в его вымышленной карьере. Первый, рассказывая о неудаче Су Циня в царстве Цинь и ее ближайших последствиях, объясняет причину антициньской направленности всех дальнейших поступков героя, а также служит введением к его речи, обращенной к чжаоскому вану, которая приведена в другом разделе рассматриваемого памятника (в «Планах царств Чжао»). Второй же явно представляет собой похвальное слово в адрес героя, первоначально завершавшее весь комплекс его речей, с помощью которых правители шести Сражающихся царств будто бы были вовлечены в антициньский союз⁴⁰.

³⁸ 1 и = 24 позднечжоуским ланам, 1 лан составлял около 16 г. См.: Сэкино Такэси, Исследование по археологии Китая, стр. 449.

³⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 4-а—5-б.

⁴⁰ В «Биографии Су Циня» Сыма Цяня рассказ о деятельности героя по созданию антициньского объединения царств по верти-

В «Планах Сражающихся царств» сохранился также текст, который, по-видимому, служил некогда связующим звеном между речами Су Циня и речами Чжан И: «Циньский Хуй-ван сказал Хань Цюань-цзы: “Су Цинь нанес мне обиду. Он хочет, рассчитывая на свои способности, изменить позиции правителей царств, расположенных к востоку от гор, и объединить их для того, чтобы унижить Цинь. Царство Чжао во всем полагается на многочисленность [своих поданных], поэтому оно первым послало Су Циня [в другие царства] для заключения союзов между владельцами с помощью денег и шелка. Однако владельцы не смогут стать едиными, подобно тому как петухи не смогут [спокойно] оставаться рядом на одном насесте. Это тоже очевидно. Я давно уже исполнен негодования [на Су Циня]. Я хочу повелеть Уань-цзы Ци отправиться в [соседние царства] и объявить там, [что они не смогут стать едиными]”. Хань Цюань-цзы сказал: “Нельзя [посылать Уань-цзы]. Вот когда потребуются атаковать стены, разрушать города, я стану просить, чтобы послали Уань-цзы. Это принесет нашей стране удачу. Послом же к другим владельцам я прошу назначить заезжего сановника Чжан И”. Циньский Хуй-ван сказал: “С почтением принимаю приказ”»⁴¹. Таким образом, здесь сообщается, каковы были конкретные обстоятельства, побудившие Чжан И отправиться в те

кали прерывается следующей повествовательной вставкой: «В это время [цинский] Хуй-ван послал Си-шоу против Вэй. [тот] схватил военачальника Лун Цзя, занял вэйский [город] Дяоинь [на территории современного уезда Фусянь провинции Шэньси] и вознамерился двинуть войска на восток» (см.: Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 69, стр. 3436). Развал этого объединения связывается с другим событием: «Некоторое время спустя Цинь послало Си-шоу, чтобы тот обманном путем вовлек Ци и Вэй в союз для совместного выступления против Чжао... Ци и Вэй пошли походом на Чжао» (там же, стр. 3547). Итак, согласно «Биографии Су Циня», начало созданной им коалиции датируется падением Дяоиня, а ее конец — циско-вэйским вторжением в земли Чжао. Однако другие исторические материалы свидетельствуют, что первое событие произошло в 330 г. до н. э., а второе — в 332 г. до н. э., т. е. коалиция Су Циня распалась раньше, чем была создана. Это несоответствие отмечал еще Лян Юй-шэн [см.: Лян Юй-шэн, Замечания и сомнения относительно. «Записей историографа» («Ши цзи» чжи и)], серия «Ши сюе цун шу», цз. 29, стр. 2-а]. Окончательно ее установил и аргументировал Масперо. (См.: Н. Масперо, Le roman..., стр. 128—134.)

⁴¹ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 6-б—7-а.

царства, где незадолго до того побывал Су Цинь, и произнести перед их правителями речи, представлявшие собой антитезу речей Су Циня.

Современный текст памятника содержит реликты еще одной композиции с вымышленным содержанием, построенной в виде серии речей «странствующего ученого», призывавшего правителей нескольких Сражающихся царств установить между собой союзные отношения. Мы имеем в виду обращение Чэнь Чжэня к цискому вану⁴², анонимные речи, произнесенные в царствах Хань⁴³ и Чжао⁴⁴, и анонимное послание яньскому вану⁴⁵. У Шидао первым обратил внимание на то обстоятельство, что между этими выступлениями, содержащими страстную и образную проповедь объединения центральнокитайских царств, существует несомненная взаимосвязь⁴⁶. Действительно, анализ их содержания показывает, что во всех четырех случаях неизменно повторяются следующие основные положения: 1) нападение царства Цинь на Вэй и Хань представляет непосредственную угрозу для всех соседних владений; 2) единственная гарантия территориальной целостности и политической самостоятельности центральнокитайских царств — это консолидация сил и взаимная поддержка; в первую очередь необходимо предпринять совместные меры по охране западных границ Вэй и Хань; 3) создание прочного союза центральнокитайских царств заставит Цинь сосредоточить свою внешнеполитическую активность на юге, в чуских землях.

Установление реального внутреннего единства рассматриваемых текстов влечет за собой вывод о единстве их первоначальной атрибуции. Следовательно, весь комплекс условно может быть связан с именем Чэнь Чжэня⁴⁷. Его хронологическая ориентация определяется первыми годами III в. до н. э., поскольку в одной из речей

⁴² Там же, цз. 4, стр. 21-б—22-б.

⁴³ Там же, цз. 6, стр. 28-а—30-а.

⁴⁴ Там же, цз. 8, стр. 33-б—34-а.

⁴⁵ Там же, цз. 9, стр. 10-а—11-б.

⁴⁶ Там же, цз. 6, стр. 30-а; цз. 4, стр. 23-а.

⁴⁷ Обычно в позднечжоуских и ханьских источниках имя Чэнь Чжэня связывается с событиями последней четверти IV в. до н. э. См.: Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 70, стр. 3524—3529. Ср.: Чэнь Минь-шу, Исследование дипломатии семи царств периода Чжаньго, — «Ханьское юэкань», т. 2, 1933, № 3, стр. 122.

Чэнь Чжэня упоминается об аресте чуского Хуай-вана в царстве Цинь (299 г. до н. э.)⁴⁸. Неаутентичность содержания данного комплекса становится очевидной, если сопоставить некоторые утверждения, характерные для речей Чэнь Чжэня, с подлинной картиной междуцарских отношений в тот период. Так, в чжаоской речи и в послании яньскому вану сообщается о том, что герою якобы удалось создать коалицию из трех Цзинь (т. е. Чжао, Вэй, Хань)⁴⁹. В действительности на протяжении всей первой половины 90-х годов III в. до н. э. царство Чжао ни разу не объединяло свои силы с царствами Вэй и Хань, последовательно игнорируя все включавшие их военно-дипломатические группировки. Еще более неправдоподобен факт присоединения к коалиции трех Цзинь царств Янь и Ци, о чем в рассматриваемых речах сообщается дважды⁵⁰. Как известно, при освещении событий, относящихся к периоду между 318 и 288 гг. до н. э.⁵¹, другие источники не упоминают ни одного случая организации широкого антициньского союза с участием всех владений, расположенных к востоку от гор Тайхан. Несомненно, что первоначальные конкретные политические цели, преследовавшиеся составителями речей Чэнь Чжэня, несходны с теми, которые вложены в речи Су Циня и Чжан И, однако оба комплекса сближает не только внешнее композиционное сходство — и тот и другой представляют собой оригинальные образцы политической прозы, в которых обобщен опыт чжаньгоской дипломатической практики. Для содержания всех эти речей характерен синкретизм двух разнородных эле-

⁴⁸ О датировке этого события см.: Ли Мэн-чу, Таблица годов правления чуского Хуай-вана, — «Аньхуй дасюе юэкань», т. 1, 1933, № 1, стр. 8—9.

⁴⁹ В 453 г. до н. э. царство Цзинь фактически перестало существовать. Его земли были поделены между тремя вновь образовавшимися независимыми владениями — царствами Чжао, Вэй и Хань. В позднечжоуской и ханьской историко-географической литературе для обозначения этих царств иногда использовали выражение «три Цзинь», которое, по-видимому, указывало на то, что каждое из них считалось наследником царства Цзинь.

⁵⁰ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 22-б; цз. 9, стр. 11-б.

⁵¹ В 318 г. до н. э. впервые в истории периода Чжаньго царства Чжао, Хань, Вэй, Янь и Чу объединили свои силы и выступили против Цинь. В 288 г. до н. э. этот союз был воссоздан (с той только разницей, что вместо Янь в нем участвовало царство Ци).

ментов, порожденных специфическими условиями периода Чжаньго: искусства дипломатической хитрости и достижений формальной логики.

Названия трех последних сочинений, упомянутых Лю Сяном среди источников «Планов Сражающихся царств», весьма невыразительны. Вряд ли можно надеяться на успех, попытавшись связать с этими сочинениями какие-либо элементы содержания рассматриваемого памятника. По типу своему они, вероятно, являлись разного рода тематическими сборниками исторической прозы, которые, судя по описаниям библиотеки, обнаруженной в 280 г. н. э. в погребении одного из вэйских сановников, были хорошо известны в период Чжаньго. Так, например, в состав этой библиотеки входило сочинение, называвшееся «Разные повествования» («Со юй»), в котором, по словам одного из первых исследователей знаменитой находки в Цзи, были собраны «записи о том, как в разных царствах гадали по странному и загадочным явлениям, снам, щитам черепах»⁵². Упомянутые Лю Сяном «Повествования о событиях» могли представлять аналогичную по форме подборку текстов, заимствованных из исторических сочинений V—III вв. до н. э.

В «Планах Сражающихся царств» несомненно нашло отражение одно весьма заметное направление поздне-чжоуской исторической литературы. Есть ряд прямых и косвенных свидетельств того, что в позднечжоуское время получают распространение различные виды писаний биографического характера. Так, по словам Сюнь-цзы, во время погребальной церемонии наследники усопшего «вырезают [на камне или металле] эпитафию и родословную, чтобы с благоговением передать [потомкам] его имя»⁵³. Такие краткие надгробные тексты, прославлявшие заслуги усопшего и рассказывавшие о его происхождении, очевидно, могли дать биографам знатных родов форму и материал для полуофициальных повествований о жизни их покровителей. Известно, что в «Происхождении поколений» («Ши бэнь»), сочинении, составленном в конце периода Чжаньго⁵⁴, уже имелся

⁵² Цит. по: Ч жу Си - цзу, О книгах из гробницы в Цзи (Цзи чжун шу као), Пекин, 1960, стр. 26.

⁵³ «Сюнь-цзы», цз. 19, стр. 270.

⁵⁴ Чэнь Мэн - цзя, Хронология шести царств (Лю го цзи-нянь), Шанхай, 1955, стр. 139.

раздел индивидуальных жизнеописаний. Об этом свидетельствует следующая цитата, восходящая к утраченному разделу «Происхождения поколений», которая приведена в комментарии Сыма Чжэна к «Записям историографа»: «Согласно “Происхождению поколений”, Хуань-цзы породил Вэнь-хоу по имени Сы. В посвященном ему повествовании сказано: “Жуцзы Ци — это сын Вэй Цзюя”». Один из современных авторов, анализирувавший данный текст, писал: «Таким образом, в цитируемой Малым Сыма (т. е. Сыма Чжэном) книге “Происхождение поколений” действительно была представлена такая структурная единица, как повествование, при этом в нем описывались не события, а [жизнь] человека»⁵⁵.

Наряду с этими формами индивидуальных жизнеописаний, основанных на родовых преданиях и разного рода документальных данных, в конце эпохи Чжоу и в эпоху Цинь появились биографические сочинения, представлявшие собой серию самостоятельных апокрифических рассказов о деяниях героя, связанных лишь общей политической тенденцией. Такова, например, созданная в начале периода Чжаньго книга «Весны и осени мудреца Яня» («Янь-цзы чуньцю») ⁵⁶, рассказывающая о советах сановника VI в. до н. э. К сожалению, большая часть «неофициальных» биографий не дошла до наших дней и известна лишь по библиографическим описаниям и цитатам, сохранившимся в трудах комментаторов, средневековых энциклопедиях и т. д.

Современные исследователи считают, что реликты ряда утраченных текстов такого рода сохранены также на страницах биографических глав в труде Сыма Цяня ⁵⁷. Такое предположение будет вполне обоснованным и по отношению к «Планам Сражающихся царств». Действ-

⁵⁵ Чэн Цзинь-цао, Истоки структурного строения «Записей историографа», — «Яньцзин сюебао», 1949, № 34, стр. 116.

⁵⁶ R. L. Walker, Some notes on the Yen-tzu Ch'un ch'iu, — «Journal of the American Oriental Society», vol. 73, 1953, № 3, стр. 162.

⁵⁷ Ю. Л. Кроль, О некоторых особенностях метода использования источников в «Исторических записях» Сыма Цяня, — сб. «Дальний Восток», М., 1961, стр. 125, 130; Ю. Л. Кроль. Выдумал ли Сыма Цянь речи для исторических лиц?, — «Межвузовская научная конференция по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки», тезисы, Ленинград, 1963, стр. 62.

тельно, дошедшие до наших дней фрагменты биографического повествования о Лу Чжун-ляне («Лу Чжун-ляньцзы») находят близкие аналогии в современном тексте рассматриваемого памятника⁵⁸. Коллекции речей и диалогов, связанных с именами чжаоского Улин-вана, циньского сяна Фань Суя (Ин-хоу), циского вельможи Тянь Вэня (Мэнчан-цзюня) и других, также, по-видимому, были заимствованы безымянными составителями источников памятника из соответствующих биографических повествований.

Таким образом, в книге, составленной Лю Сяном, получил отражение широкий круг произведений историко-повествовательного, теоретико-политического и историко-биографического направлений.

«Планы Сражающихся царств» и историческая литература эпохи Чжоу

Невозможно выяснить причины появления в конце Чжоу — начале Хань сочинений, представляющих собой цепь речей, бесед и посланий, в которых раскрываются те или иные политические либо стратегические ситуации, обрисовывается внутреннее состояние государства и борющиеся в нем политические силы, отмечаются основные черты характера государственных деятелей и полководцев, без детального ознакомления с развитием древнекитайской исторической литературы. Хотя ее образцы, дошедшие до нас, весьма немногочисленны, сохранилось достаточное число свидетельств, рассеянных по страницам произведений древних и средневековых авторов, которые позволяют судить об истоках и основных направлениях этой литературы.

Хорошо известно, что первые датированные записи были сделаны еще в эпоху Шан (начиная примерно с XV в. до н. э.) жрецами аньянского оракула. Регулярно составлявшиеся ими полные гадательные тексты⁵⁹ включали наряду с упоминанием предмета гадания и ответа

⁵⁸ Ср., например: «Высочайше просмотренный [свод] годов правления Тай-пин» («Тай-пин юй-лань»), цз. 810, стр. 3600-б; «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 62-б—66-б.

⁵⁹ Гадательные тексты вырезали или писали с помощью красящих веществ на щитах черепах и костях млекопитающих.

на заданный вопрос также результативную часть, содер-
жавшую сведения о том, как проявились сделанные жре-
цом предсказания.

В XII в. до н. э. составители гадательных текстов
начинают применять в некоторых случаях точную хроно-
логическую фиксацию гаданий и связанных с ними со-
бытий по годам правления шанских ванов⁶⁰.

К этому же периоду относятся надписи на костях,
лишенные гадательных формул. Они носят чисто «свет-
ский» характер и обычно представляют собой весьма
краткие рассказы о деяниях вана⁶¹. Очевидно, в подоб-
ных случаях шанский писец использовал готовую форму
результативной части гадательного текста. На это, в
частности, указывает способ датировки этих сообщений.

Интересно отметить, что некоторые современные ис-
следователи видят в такого рода надписях не результат
случайно возникшей потребности сохранить память о
каком-либо событии, а свидетельство зарождения в кон-
це Шан практики регулярного составления придворны-
ми писцами вана текстов историко-документального ха-
рактера⁶². Это, по-видимому, соответствует действитель-
ности, ибо эпиграфические материалы, относящиеся к
периоду, непосредственно следовавшему за падением
государства Шан и установлением власти династии
Чжоу, открывают картину необычайного роста общест-
венно-политического значения документальных и исто-
рических записей. Тексты, покрывающие поверхность
сотен западночжоуских бронзовых ритуальных сосудов,
содержат сведения о передаче территорий в управление
представителям знати, о многообразных методах воз-
награждения за службу, о походах против соседних
«варварских» племен и захваченной при этом добыче, о
границах между территориями, подвластными различ-
ным чжоуским кланам, и т. д. Бронза в этих случаях
играла роль «вечного» материала, который должен был
сохранить документ в течение многих поколений.

О том внимании, которое в период Западного Чжоу

⁶⁰ Чэнь Мэн-цзя, Свод сведений о надписях на иньских
гадательных костях (Иньской буцы цзуншу), Пекин, 1956, стр. 233.

⁶¹ T. H. Tsien, *Written on Bamboo and Silk: The Beginnings
of Chinese Books and Inscription*, Chicago, 1962, стр. 33—37.

⁶² Cheng Te-kun, *Archaeology in China. Shang China*,
Cambridge, 1960, стр. 186.

уделялось официальным документам, свидетельствует наличие при ванском дворе специальных архивов для их хранения⁶³. (Интересно, что четыре наиболее ранних из числа западночжоуских документов на бронзовых сосудах еще сохраняют некоторые внешние особенности шанских надписей: датировочная формула помещена в них в конце текста. Позже дату стали проставлять в начале текста⁶⁴. В дальнейшем эта особенность сохраняется на протяжении столетий, она становится характерной не только для документов, выданных от имени чжоуского вана, но и от имени многочисленных местных правителей VIII—III вв. до н. э., ее переносят в свои труды составители хроник).

На вопрос, в чем ведении находились функции, связанные с составлением документальных и исторических записей (наблюдение за календарем и определение, на каком году правления, в каком месяце и в какой день свершилось событие, хранение государственных архивов, точное фиксирование фактов), отвечают свидетельства нарративных источников, относящиеся уже к восточночжоускому периоду, когда в древнем Китае произошло заметное ослабление политической власти чжоуских ванов, сопровождавшееся ростом самостоятельности местных правителей. Современными исследователями было установлено, что составление календаря, включавшего программу государственных богослужений, входило в обязанности ши, особой коллегии чиновников-жрецов⁶⁵. Известно, что им принадлежал также высший надзор за государственными культами: при священнодействиях и церемониях они выступали как жрецы и священнослужители, они же гадали по костям животных и были астрологами⁶⁶.

⁶³ «Цзо чжуань», 26-й год Си-гуна, стр. 197.

⁶⁴ Чэнь Мэн-цзя, Свод сведений о надписях на иньских гадательных костях, стр. 237.

⁶⁵ Иидзима Тадао, Исследования по древней истории Китая (Сина кодай сирон), Токио, 1925, стр. 265.

⁶⁶ O. Franke, Der Ursprung der chinesischen Geschichtsschreibung. — «Sitzungsberichte der Preussische Akademie der Wissenschaften», Philosophische-historische Klasse, Bd XXIII, 1925, стр. 285—295; H. O. H. Stange, Die älteste chinesische Literatur im Lichte der Ausgrabungsfunde. — «Asia Major», Neue Folge, Bd I, H. 1, 1944, стр. 125—127.

Меньше внимания исследователи обращали на ту сторону деятельности представителей коллегии ши, которая с современной точки зрения носила чисто «светский» характер. Однако свидетельства источников и здесь достаточно выразительны. Начнем с наиболее ранних. В речи чжоуского Цзин-вана⁶⁷, приведенной в «Цзо чжуане», содержится следующий рассказ о том, каково было происхождение клановых прозваний нескольких ши, живших в царстве Цзинь в VIII в. до н. э.: «Сунь Бо-янь ведал в Цзинь законами (дянь) и списками (цзи), участвовал в делах управления [страной], поэтому ему дали родовое прозвище Цзи. Когда два сына Синь-ю⁶⁸, [происходившие из рода] Дун, прибыли в Цзинь, там появились [новые] ши, носившие фамилию Дун»⁶⁹. В этом отрывке цзиньский ши Сунь Бо-янь выступает как хранитель архива, причем тот факт, что он активно участвовал в политической жизни страны, недвусмысленно указывает на то, что находившийся в его ведении архив был государственным, а не религиозным. Есть другие свидетельства, характеризующие представителей коллегии ши как чиновников, ведавших государственными документами. Так, согласно «Цзо чжуаню», чжоускому нэй ши Шу Син-фу было поручено участвовать в акте вручения указа вана цзиньскому государю (вторая половина VII в. до н. э.)⁷⁰. В том же источнике сообщается, что некий цзиньский вай ши по просьбе одного из сановников дал справку о содержании начальных статей официальных договоров между правителем и главами сильных родов (середина VI в. до н. э.)⁷¹.

Согласно «Планам Сражающихся царств», в Чжао имелась должность юй ши, на обязанности которого лежал прием дипломатических посланий, направленных к чжаоскому вану⁷². Как показывает история с луским да ши по имени Кэ (конец VII в. до н. э.), ши, выступая в сложных случаях, возникавших в ходе государственной жизни, в качестве советников, не только знако-

⁶⁷ Правил в 544—519 гг. до н. э.

⁶⁸ По свидетельству нарративных источников, Синь-ю был современником чжоуского Пин-вана (правил в 770—719 гг. до н. э.) См.: «Цзо чжуань», 22-й год Си-гуна, стр. 181.

⁶⁹ «Цзо чжуань», 15-й год Чжао-гуна, стр. 658.

⁷⁰ «Цзо чжуань», 28-й год Си-гуна, стр. 205.

⁷¹ «Цзо чжуань», 23-й год Сян-гуна, стр. 499.

⁷² «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 14-6.

мили сановников с документальными записями, но и подыскивали подходящие к данной ситуации поучительные примеры как из недавнего прошлого своей страны, так и из общечжоуских исторических преданий и генеалогических легенд⁷³.

Последнее обстоятельство перекликается с сообщениями источников о том, что некоторые представители коллегии ши исполняли функции хронистов. Так, в «Основных записях царств Цинь» Сыма Цяня под 763 г. до н. э. сказано: «Впервые учредили [должность] ши, чтобы записывать события»⁷⁴. Имеются аналогичные сообщения, относящиеся к периоду Чжаньго: «[Чжаоский ван] встретился с циньским ваном в Мянчи. Выпив вина и захмелев, циньский ван сказал: “Я слышал, что ты, чжаоский ван, хороший музыкант. Прошу тебя, сыграй на гусях”. Когда чжаоский ван коснулся струн, циньский юй ши вышел вперед и записал: “В такой-то год, в таком-то месяце, в такой-то день циньский ван и чжаоский ван пировали во время встречи и [циньский ван] приказал чжаоскому вану сыграть на гусях”»⁷⁵. Сведения о чжаньгоских юй ши были обобщены Ду Ю (735—812), который писал: «В период Чжаньго тоже имелись юй ши. На встрече Цинь и Чжао в Мянчи каждая из сторон повелела [им] записывать свои поступки. Еще [известно, что] Шуньюй Кунь говорил цискому вану: “Когда юй ши выходят вперед, они выполняют обязанности регистраторов фактов”»⁷⁶.

Таким образом, среди многочисленных обязанностей членов коллегии ши выделяется весьма выразительный комплекс, имеющий непосредственное отношение к наблюдению и развитию древнекитайской историографии: наблюдение за временем, выполнение функций архивариусов, регистрация фактов. Действительно, в позднечжоуских нарративных источниках имеются ссылки на несохранившиеся сочинения хроникального характера, которые назывались ши цзи (записи ши). В «Люй ши чуньцю» сказано: «Цзы Ся по дороге в [царство] Цзинь оказался проездом в [царстве] Вэй. Был там [один че-

⁷³ «Цзо чжуань», 18-й год Вэнь-вана, стр. 279.

⁷⁴ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 5, стр. 341.

⁷⁵ Там же, цз. 81, стр. 3776.

⁷⁶ Ду Ю, Обзорные установлений (Тун дян), серия «Ванью взньку», цз. 24, стр. 141.

ловек], который прочел [одну фразу] в ши цзи [следующим образом]: “Цзиньское войско, как три свиньи, переправилось через Хуанхэ“. Цзы Ся сказал: “Это неверно. Здесь говорится, что [событие произошло] в день “ихай”. Известно, что иероглиф “и“ походит на “сань“ (три), а “ши” (свинья) напоминает “хай”»⁷⁷. Упоминает запись ши и Сыма Цянь: «Кун-цзы читал ши цзи. Дойдя до того места, где говорилось о восстановлении [владения] Чэнь [царством] Чу, он воскликнул: “Сколь мудр чуский Чжуан-ван”»⁷⁸. Эти сообщения с несомненностью свидетельствуют, что к V в. до н. э. из отдельных хроникальных записей были уже составлены сводные тексты.

Материалы официальных хронистов служили иногда основой также и для исторических сочинений, обозначавшихся термином «чуньцю» (весны и осени)⁷⁹. К началу периода Чжаньго такого рода сочинения были созданы в большинстве восточночжоуских царств. В одном из фрагментов утраченного ныне раздела из трактата Мо-цзы (ок. 468—376 гг. до н. э.) говорится: «Я видел происходящие из ста царств чуньцю и ши [цзи]»⁸⁰. По кратким упоминаниям в памятниках древней и средневековой литературы, по отдельным дошедшим до нас цитатам сейчас известны чуньцю царств Лу⁸¹, Цзинь⁸² и др.

В нашем распоряжении имеется лишь один источник, по которому можно в достаточной мере судить о внутренней структуре и особенностях изложения исторического материала, присущих восточночжоуским хроникам. Это «Чуньцю», известный конфуцианский канон, для которого вышеупомянутый *terminus technicus* стал именем собственным. Согласно свидетельствам Мэн-цзы⁸³ и

⁷⁷ «Люй ши чуньцю», цз. 22, стр. 294—295.

⁷⁸ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 36, стр. 2286.

⁷⁹ Как свидетельствует позднейшая комментаторская традиция, происхождение термина было связано со структурно-стилистическими особенностями этих исторических сочинений. Иероглифосочетание «чуньцю» должно было, очевидно, указывать на то, что в них представлен полный цикл посезонных записей и, кроме того, символизировать последовательность и полноту содержащегося в них исторического повествования.

⁸⁰ «История династии Суй», цз. 42, стр. 370-а.

⁸¹ «Цзо чжуань», 2-й год Чжао-гуна, стр. 582.

⁸² Лю Чжи-цзи, Обзорение исторических сочинений (Ши тун), Шанхай, 1961, цз. 1, стр. 3-а.

⁸³ «Трактат Мэн-цзы с комментарием» («Мэн-цзы чжэнъи»), серия «Чжу цзы цзи чэн», цз. 8, стр. 338 (далее — «Мэн-цзы»).

Сыма Цяня⁸⁴, Конфуций составил «Чуньцю» на основе различных ши цзи. Материал расположен в ней по годам правления луских царей, живших в период между 722 и 481 гг. до н. э. Внутри каждого годового комплекса записи распределяются по сезонам, иногда по месяцам и дням. Для собранных в «Чуньцю» хроникальных записей характерны крайняя лаконичность и нечеткость в описаниях, что, очевидно, отражает достаточно низкую потребность в фиксации исторических событий. К этому следует добавить, что круг фиксируемых хронистом событий в «Чуньцю» весьма узок, а связь, устанавливаемая между ними, чисто внешняя.

То обстоятельство, что авторство «Чуньцю» с глубокой древности приписывали Конфуцию, поддерживало постоянный интерес к вопросу об истинном характере содержания памятника. Уже в высказываниях столпов раннего конфуцианства были заложены основы ставшего впоследствии традиционным представления о том, что в «Чуньцю» таится концентрированное выражение этико-политической идеи Конфуция.

На протяжении двух тысячелетий «Чуньцю» обросла необозримой ортодоксальной экзегетической литературой, создатели которой неумолимо пытались истолковать ее хроникальные записи как зашифрованные моральные формулы. Это было особенно характерно для ученых направления «школы нового текста» (цзинь вэнь цзя), один из позднецинских реставраторов которой писал следующее: «Те, кто берется рассуждать о “Чуньцю”, должны знать, что целью труда Конфуция было создание канона для всех последующих поколений, а не написание истории для одной эпохи. Различия по стилю и структуре между каноном и историей заключаются в том, что история содержит непосредственное изложение собранных [ее создателем] фактов, правда и ложь в ней очевидны, и нет нужды прибегать к восхвалениям и порицаниям, в то время как в каноне необходимо превозносить правду и порицать ложь, чтобы утвердить [неизменные] устои и законы»⁸⁵.

Обычно противоречие между крайней скудостью содержания «Чуньцю» и выпенными апологиями ее

⁸⁴ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 14, стр. 896.

⁸⁵ Пи Си-жуй, Введение в науку о канонах (Цзин сюе тунь-лу), Шанхай, 1954, гл. IV, стр. 2.

экзегетов пытались разрешить, истолковывая хроникальные записи этого сочинения как символы определенных этико-политических суждений, изустно передававшихся в кругу сторонников конфуцианской догмы: «“Чуньцю” состоит, таким образом, из двух частей — кратких писанных формул и связанного с ними устного тайного учения. Это тайное учение было сообщено некогда ученикам Конфуция»⁸⁶.

Как китайские экзегеты, так и некоторые западные ученые ищут доказательств таинственного «символизма» «Чуньцю» в фактической неполноте и терминологической непоследовательности ее хроникальных записей. Следует сказать, что в течение последних десятилетий проделана значительная работа по реабилитации «Чуньцю» как хроники. С помощью специального статистического анализа доказано, что в тексте «Чуньцю» не содержится никакой скрытой закономерности, свидетельствующей бы об его символической нарочитости, и все его особенности объясняются скорее несовершенством и ограниченностью информации, имевшейся в распоряжении составителя памятника⁸⁷. Лапидарность и неустойчивость «формул» «Чуньцю» обусловлена еще и тем, что они восходят к весьма архаическим и несовершенным хроникам.

Имеются и другие доказательства того, что «Чуньцю» действительно была одной из древнейших хроник, а не зашифрованным конспектом этико-политических лекций Конфуция. Так, в ходе специальных исследований было установлено, что из 37 известий о солнечных затмениях, приведенных «Чуньцю», 30 соответствуют расчетам современных астрономов. Данное обстоятельство не только свидетельствует о подлинной историчности этих известий, но и в значительной мере подтверждает достоверность хронологии «Чуньцю»⁸⁸.

Как известно, VI—IV вв. до н. э. для древнекитайских царств были знаменательны ростом внутренних

⁸⁶ O. Franke, Das Problem des Tschun-ts'iu und Tung Tschung-schu's Tschun-ts'iu fanlu, — «Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen», Jahrgang XXI, Abteilung 1, 1918, стр. 16.

⁸⁷ G. A. Kennedy, Interpretation of the Ch'un-ch'iu, — «Journal of the American Oriental Society», vol. 62, 1942, № 1, стр. 40—48.

⁸⁸ Ssu-ho Ch'i, Prof. Hung on the Ch'un Ch'iu, — «The Yen-ching Journal of Social Studies», vol. I, № 1, 1938, стр. 58.

социально-экономических противоречий, сопровождавшимся необычайным усложнением и обострением общественно-политической жизни. В этих условиях, естественно, должен был наступить момент, когда рядом с хрониками, объединявшими официальные записи о событиях, стали появляться исторические сочинения, проникнутые разноликой и весьма агрессивной тенденциозностью. Одновременно с этим, как свидетельствуют высказывания тогдашних идеологов, происходила окончательная кристаллизация взгляда на историческое сочинение как на средство воспитания или политическое руководство. Так, один из сановников чжуского Чжуан-вана (правил в 613—590 гг. до н. э.), комментируя перечень дисциплин, на основе которых было построено образование наследника, утверждал: «Преподавая ему (т. е. наследнику) чуньцю, побудишь его почитать добро и порицать зло»⁸⁹. По-видимому, круг чуньцю, упоминаемых в данной цитате, не был ограничен официальными хрониками и включал нравоучительные повествования, подобные тем, которые использовал в своем трактате Мо-цзы. Ставшая известной благодаря последнему обстоятельству «Чжоуская чуньцю» («Чжоу-чжи чуньцю») содержала рассказ о безвинно казненном сановнике Сюань-вана, который имел совершенно определенную назидательную сущность, сформулированную Мо-цзы в следующих словах: «Государи поучают своих сановников, а отцы предостерегают своих сыновей: “Будь осторожен, будь осмотрителен! Всякого, кто казнит невинного, постигает несчастье, ему мстят духи”».

Несомненно, что использованное Мо-цзы сочинение не было официальной чжоуской хроникой, а представляло собой серию моралистических памфлетов, созданных на основе устных полуполюгендарных сказаний о героях и событиях прошлого. Такого рода сказания, слагавшиеся во многих восточночжоуских царствах, постепенно складывались в своеобразную историческую традицию, параллельную той, которая фиксировалась хронистами. Чжаньгоские авторы обращались к ней как к источнику информации. Так, в трактате Мо-цзы мы читаем: «С древности до нынешнего времени, начиная с того момен-

⁸⁹ «Повествования о царствах», цз. 17, стр. 191; ср. там же, цз. 13, стр. 160.

та, как появился человек, видывал ли кто-нибудь такое явление, как судьба, слыхивал ли кто-нибудь о ней? Конечно, нет... В таком случае, почему не справиться об этом в передающихся [из поколения в поколение] высказываниях правителей, в распространенных повсюду повествованиях?»⁹⁰.

Наряду с приведенным выше примером с «Чжоуской чунью», у чжаньгоских авторов можно найти достаточное число свидетельств того, что генеалогические легенды, полупоэтические предания и нравоучительные сказания собирались и записывались в достаточно широких масштабах. Так, объединявшие их сочинения⁹¹ упоминаются в «Люй ши чунью» под названием гу цзи (записи о былом)⁹² и шан гу цзи (записи о глубокой древности)⁹³. Составители трактата «Хань Фэй-цзы», неоднократно цитировавшие такого рода тексты, именуют их просто цзи (записи)⁹⁴. Имеются также упоминания особых тематических сборников с легендарно-мифологическим содержанием: «Когда возвысился [дом] Чжоу, феникс кричал в горах Цишань. [Когда дом Чжоу] стал приходить в упадок, Ду Бо поразил стрелой вана в Хао. Все это есть в записях о духах»⁹⁵.

Опыт развития исторической литературы в разных странах мира учит, что, когда изображение событий прошлого начинает служить целям преподнесения известного поучения, возникает потребность рассматривать поступки правителей и их приближенных, а также весь комплекс государственных дел вообще в связи с их причинами, сопровождающими обстоятельствами и следствиями. Для создания развернутых и внутренне мотивированных повествований как нельзя лучше подходили и форма и обширный материал зафиксированного в позднечжоуское время исторического предания.

Период Чжаньго был временем создания первой пространной летописи, соединившей краткие хроникальные записи с развернутыми историческими повествованиями, сложившимися под влиянием исторического фольклора.

⁹⁰ «Мо-цзы», цз. 9, стр. 169.

⁹¹ Утраченные, по-видимому, еще до начала эпохи Хань.

⁹² «Люй ши чунью», цз. 11, стр. 106, 107.

⁹³ Там же, цз. 13, стр. 133.

⁹⁴ «Хань Фэй-цзы», цз. 17, стр. 310, 312.

⁹⁵ «Повествования о царствах», цз. 1, стр. 10

Мы имеем в виду сочинение, известное со времен Лю Синя как «Цзо чжуань». В серии специальных исследований, посвященных анализу «Цзо чжуаня», время составления этого памятника определяется второй половиной IV в. до н. э.⁹⁶ или же концом IV — серединой III в. до н. э.⁹⁷. Историческое повествование в «Цзо чжуане» охватывает период с 722 по 463 г. до н. э. Материал в нем распределен по годам правления луских царей. Однако собственно луская история занимает в памятнике довольно незначительное место. В центре внимания историографа оказываются важнейшие события, происходившие на территории всех владений того времени.

Следует отметить, что содержание памятника включает два разнородных элемента: большую общекитайскую летопись и весьма ограниченную по размерам серию комментаторских заметок к «Чунью». Пока еще точно не установлено, когда эти элементы были слиты в едином тексте. Характерно, однако, что в наиболее ранних сообщениях об этом памятнике он предстает прежде всего как историческое сочинение. Одно из таких сообщений принадлежит Сыма Цяню, предложившему свою версию истории его создания: «Цзо Цю-мин, благородный из царства Лу, испугался, что у учеников и последователей [Кун-цзы] основы [мировоззрения] станут несходными, что [каждый] будет следовать своим устремлениям, что исчезнет истинный смысл [учения Кун-цзы]. По этой причине он, следуя ши цзи, [собранным] Кун-цзы, подробно обсудил его высказывания и создал “Чунью господина Цзо” (“Цзо ши чунью”)⁹⁸».

⁹⁶ В. А. Рубин, О датировке и аутентичности «Цзо чжуань», — «Проблемы востоковедения», 1959, № 1, стр. 82.

⁹⁷ H. Maspero, La composition et la date du Tso tchouan, — «Mélanges chinois et bouddhique», vol. I, 1932, стр. 192.

⁹⁸ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 14, стр. 897. В данном отрывке впервые утверждается, что автором рассматриваемого памятника являлся Цзо Цю-мин. Поскольку Сыма Цянь считал Цзо Цю-мина современником Конфуция, подобное утверждение оказывается в очевидном противоречии с той датой создания «Цзо чжуань», которая установлена современной наукой. К тому же сопоставление содержания данного отрывка с другими ранними свидетельствами, в которых упоминается имя Цзо Цю-мина, указывает на то, что сведения о нем, имевшиеся в распоряжении Сыма Цяня, отличались внутренней противоречивостью и крайней неопределенностью и носили скорее характер легенды, нежели исторического факта [ср.: Вэй Цзюй-сянь, Исследования «Цзо чжуаня», —

Общепризнано, что за «Чуньцю господина Цзо» здесь скрывается то же сочинение, которое впоследствии стали именовать «Цзо чжуанем». Следовательно, первоначально в названии этого сочинения отсутствовали какие-либо указания на его зависимость от конфуциевой «Чуньцю».

К аналогичным выводам заставляет прийти содержание двух нижеприведенных фраз, заимствованных нами из других разделов труда Сыма Цяня: «В 26-й год [правления] чжоуского Сян-вана прибавили три дополнительных месяца, а чуньцю осудила это»⁹⁹; «Прочитав древний текст чуньцю, я узнал, что [царство] Юй, расположенное между срединными владениями, и Гоу-у, расположенное среди цзиньских [варваров] мань, были связаны братскими узами»¹⁰⁰. В обоих случаях Сыма Цянь, ссылаясь на безлично-обобщенную чуньцю, как бы символизировавшую восточночжоуский исторический источник вообще, имел в виду, как многократно уже отмечали и старые комментаторы и современные исследователи, факты и утверждения, представленные ныне в тексте «Цзо чжуаня»¹⁰¹.

Одна из самых характерных особенностей «Цзо чжуаня», резко отделяющая его изложение от изложения хроники, положенной в основу «Чуньцю», — это обилие прямой речи. Если повествовательная часть «Цзо чжуаня» дает ясное описание внешнего хода событий, то в речах содержится ключ к уразумению их внутренней истории. Как правило, в «Цзо чжуане» через речи открывается субъективный мир действующих лиц летописи, в них они выражают свои намерения и побудительные причины своих поступков.

Каковы же истоки того пристрастия, которое историографы периода Чжаньго питали к прямой речи? Очевидно, не последнюю роль здесь играла зависимость от традиций и приемов исторического фольклора. Но был более

сб. «Исследования по древней истории» («Гуши яньцзю»), Шанхай, 1931, стр. 76]. В свете этих обстоятельств традиционная версия, приписывающая Цзо Цю-мину авторство «Цзо чжуаня», представляется малодостоверной.

⁹⁹ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 26, стр. 1758.

¹⁰⁰ Там же, цз. 1, стр. 2105.

¹⁰¹ Вэй Цзюй-сянь, Исследования «Цзо чжуаня», стр. 74; То да Тоёсабуро, О происхождении «Цзо чжуаня», — «Тохёгаку», т. IV, 1952, стр. 14.

важный, на наш взгляд, исток, о котором свидетельствуют весьма выразительные материалы древних эпиграфических и нарративных памятников. Мы имеем в виду то влияние, которое оказывали на историографов некоторые стилевые особенности ранней документальной прозы, а также высокая культура посольской, воинской и других типов устной речи, характерная для позднечжоуского времени.

Как известно, приказы и установления первых чжоуских правителей, нанесенные различными способами на поверхность бронзовых ритуальных сосудов, составлялись придворными писцами в форме речей, обращенных к владельцу сосуда и всем читателям надписи¹⁰². Распространенность подобных документальных текстов, содержание которых, по-видимому, имитировало речи, произносившиеся во время торжественного вручения инвеституры и в других официальных случаях, указывает на то, что речь издревле считалась важнейшим элементом государственного ритуала и политической жизни. В связи с этим особый интерес представляют сообщения источников о том, что в чжоуское время существовало обыкновение записывать содержание устных выступлений. Если верить дошедшим до нас преданиям, то этот обычай был известен уже во времена первых ванов из дома Чжоу.

В источниках периода Восточного Чжоу появляются уже вполне достоверные упоминания о практике письменной фиксации устных выступлений¹⁰³. В составленной Сыма Цянем биографии Мэнчан-цзюня, циского сановника, жившего на грани IV—III вв. до н. э., сказано: «Когда Мэнчан-цзюнь (т. е. Тянь Вэнь.— К. В.) готовился принять гостя для беседы, то за ширмами обычно располагался сопровождавший его ши. [Он] записывал суть беседы между господином и гостем»¹⁰⁴. В текстах памятников, сложившихся в V—III вв. до н. э., можно найти еще целый ряд упоминаний о том, как ученики

¹⁰² Так, надпись на знаменитом треножнике «Мао-гун дин», относящемся, по-видимому, к годам правления Чэн-вана (1115—1079 гг. до н. э.), состоит из 500 иероглифов и содержит 5 параграфов, каждый из которых начинается словами: «Ван сказал:...».

¹⁰³ «Повествования о царствах», цз. 4, стр. 57; «Мо-цзы», цз. 5 стр. 82.

¹⁰⁴ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 75, стр. 3618—3619

записывали слова своих наставников¹⁰⁵, как придворные писцы записывали понравившиеся правителям высказывания советников¹⁰⁶.

К периоду Восточного Чжоу относятся сообщения источников о появлении при дворах ряда правителей особой категории высших сановников, которые, будучи знатоками государственного красноречия, подготавливали официальные выступления своих коллег. Весьма показательные сведения о том, каким важным моментом подготовки дипломатических акций в царстве Чжэн было составление посольских речей, содержатся в следующем отрывке из «Цзо чжуаня»: «[Одной из сторон] государственной деятельности Цзы-чаня был отбор и использование [людей], наделенных способностями. Фэн Цзянь-цзы мог принимать решения по поводу важнейших дел. Цзы-дашу был красив и образован. Гунсунь Хуй обладал способностью знать обо всем, что делалось в соседних владениях, а также мог определять родовые и фамильные прозвища тамошних сановников, последовательность занимаемых ими постов, степень их знатности, их способности и отрицательные свойства¹⁰⁷, кроме того, он был искусен в составлении речей и распоряжений. Би Чэнь был способным советником, он добивался успеха, когда не город, а открытое поле становилось ареной [осуществления] его замыслов. Когда в царстве Чжэн намечались войти в какие-либо сношения с местными владетелями, Цзы-чань справлялся у Цзы-юя о том, что происходит в соседних царствах, и поручал ему составить речи и распоряжения. Би Чэня он посылал в колеснице в поле и повелевал ему поразмыслить, подходят или нет [эти речи и распоряжения для данного случая]. Сообщив об этом Фэн Цзянь-цзы, он поручал ему [подготовить] окончательное решение. После этого [все] передавалось Цзы-дашу, обязанностью которого было

¹⁰⁵ «“Лунь юй” с комментарием» («Лунь юй чжэнь»), серия «Чжу цзы цзи чэн», цз. 18, стр. 335.

¹⁰⁶ «Трактат Гуань-цзы с комментарием» («Гуань-цзы цзяо чжэн»), серия «Чжу цзы цзи чэн», цз. 9, стр. 139.

¹⁰⁷ Независимые от этого текста источники свидетельствуют, что в позднечжоуское время дипломатия ряда царств пользовалась уже достаточно развитой системой сбора сведений о положении дел в соседних владениях. См.: Сюй Чжуань-бао, Памятники международного права доциньского периода (Сянь Цинь гоцзи фажжи ицзи), Шанхай, 1931, стр. 155, 156.

дать ход [делу] и отвечать гостю (т. е. послу из другого царства)»¹⁰⁸. Описываемые здесь специальная подготовка и обсуждение содержания речей, предварявшие произнесение их перед послами соседнего государства, свидетельствуют о том, что речи имели большое политическое значение и оказывали на события достаточно заметное влияние.

Таким образом, из вышеприведенных материалов с очевидностью следует, во-первых, что в позднечжоуское время произнесенные в официальной обстановке речи приравнивались к важным государственным документам, во-вторых, что для тогдашних историографов речи, как и события, должны были в равной мере иметь значение фактов, с которыми необходимо считаться. Данные обстоятельства, очевидно, и породили у позднечжоуских авторов стремление собирать нанесенные на бамбуковые дощечки записи содержания устных выступлений, а также разного рода сведения о них, передававшиеся в устной традиции. Они же, по-видимому, привели к тому, что описание внутренних факторов, определявших, по мнению создателей «Цзо чжуаня», эволюцию междущарских отношений и развитие политической ситуации внутри царств, было осуществлено с помощью интерполирования речей в текст развернутых исторических повествований.

Если вспомнить приведенные выше слова Сыма Цяня о том, что ши фиксировали суть речей и бесед, то станет очевидным, что в распоряжении позднечжоуских авторов первоначально были лишь контуры устных выступлений. В то же время все сколько-нибудь значительные образцы государственного красноречия, представленные в «Цзо чжуане», обладают весьма богатым, многоплановым содержанием и часто напоминают скорее публицистические трактаты на политические темы, чем речи, предназначенные для произнесения.

Очевидно, литературная судьба речи в позднечжоуское время мало зависела от «произнесенного» оригинала, ибо контуры ее, сохраненные первоначальной записью, дополнялись через несколько десятилетий, а может быть, и столетий после того, как была сделана эта запись. Такая обработка первоначальной записи могла

¹⁰⁸ «Цзо чжуань», 31-й год Сян-гуна, стр. 561.

быть произведена официальным историографом, от которого потребовали идеологического обоснования каких-либо внешнеполитических акций или внутренних реформ правителя. Под его кистью запись оживала, заполнялась историческими уподоблениями, цитатами из древних од, извлеченными из преданий, образцами народной мудрости и т. д. Аналогичная операция могла быть проделана и кем-либо из литературно образованных людей позднечжоуского Китая, не связанных с официальной историографической школой, среди которых также было достаточно ценителей и знатоков государственного красноречия, коллекционировавших записи его лучших образцов. По-видимому, в результате усилий и тех и других были созданы многочисленные комплексы самостоятельных исторических рассказов, в которых в ткань повествовательно-летописного изложения введены передаваемые прямой речью устные наставления, увещевания и советы, произнесенные «добродетельными» сановниками и учеными при разнообразных обстоятельствах и перед различной аудиторией¹⁰⁹. Собранные вместе, эти рассказы составили книгу под названием «Повествования о царствах».

Наиболее ранние исторические события, упоминаемые в «Повествованиях о царствах», относятся ко времени Западного Чжоу. Однако содержание основной массы исторических рассказов памятника связано с более поздним периодом — VIII—V вв. до н. э. В соответствии с особенностями политической географии этого времени текст памятника включает несколько больших разделов: «Повествования о царстве Чжоу», «Повествования о царстве Лу», «Повествования о царстве Ци», «Повествования о царстве Цзинь», «Повествования о царстве Чжэн», «Повествования о царстве Чу», «Повествования о царстве У» и «Повествования о царстве Юэ». Цепь исторических рассказов каждого раздела часто скреплена лишь хронологической последовательностью изложения и не имеет той логической связи, ко-

¹⁰⁹ Каидзука Сигэки считает, что непосредственными предшественниками таких рассказов были нравоучительные сказания о делах и речах легендарных предков чжоуских ванов, которые на придворных пирах декламировали слепые барды (гу ши). См. Каидзука Сигэки, О форме исторических рассказов в «Повествованиях о царствах», — «Тōхогаку», т. XIV, 1957, стр. 1—3.

торая присуща сходным или же вытекающим одно из другого явлениям.

Поскольку вопрос о датировке «Повествований о царствах» не был еще предметом специального исследования, время составления дошедшего до наших дней текста памятника¹¹⁰ может быть определено лишь приблизительно, на основании некоторых частных наблюдений. Так, установлено, что встречающиеся в тексте разделов «Повествования о царстве Чжоу»¹¹¹ и «Повествования о царстве Цзинь»¹¹² характеристики положения Юпитера были основаны на астрономических наблюдениях, выполненных в IV в. до н. э.¹¹³ Доказано также, что данная в описании административной реформы Гуаньчжуна («Повествования о царстве Ци») ¹¹⁴ статистическая характеристика такой территориальной единицы, как сянь, соответствует стандартам, сложившимся лишь в период Чжаньго¹¹⁵. Следовательно, момент, когда «Повествования о царствах» появились на свет в форме, близкой к современной, должен был наступить где-то на протяжении IV—III вв. до н. э.

¹¹⁰ Современный текст «Повествований о царствах» содержит то же число структурных единиц, каким, согласно первому в Китае библиографическому описанию, он обладал и в эпоху Хань. И в древности и в средние века памятник неоднократно привлекал внимание комментаторов. К сожалению, до наших дней целиком дошел лишь комментарий Вэй Чжао (204—273). Все известные сейчас издания текста «Повествований о царствах» восходят к двум сунским ксилографическим изданиям. Одно из них было осуществлено в 30-х годах XI в. Его обычно именуют «Тянь шэн Мин дао бэнь». Этот ксилограф впоследствии был воспроизведен известным цинским филологом Хуан Пи-ле в его библиотеке — серии «Ши ли цзюй цуншу». В эпоху Сун получил также распространение ксилограф под названием «Го юй» бу инь», изданный Сун Сяном (996—1066). В эпоху Цин большую работу по сопоставлению этих двух текстов «Повествований о царствах» проделали Хуан Пи-ле и Ван Юань-сунь (1789—1835), создавшие специальные исследования о разночтениях. Ван Юань-суню принадлежит, кроме того, критический комментарий, озаглавленный «Раскрытие истинного [смысла] “Повествований о царствах”» («Го юй» фа чжэн»). Толкованием текста памятника занимался и ряд других цинских ученых (Дун Цзэн-лин, Ван Инь-чжи, Хуан Мо).

¹¹¹ «Повествования о царствах», цз. 3, стр. 47.

¹¹² Там же, цз. 10, стр. 121.

¹¹³ Синдзё Синдзё, О хронологии древнекитайских классических текстов, — «Сириус», т. XIV, 1929, № 1, стр. 26—28.

¹¹⁴ «Повествования о царствах», цз. 6, стр. 83.

¹¹⁵ Гу Цзе-ган, Территориальная единица «сянь» в период Чуньцю, — «Юй гун», т. VII, 1937, № 6/7, стр. 117—118.

Как следует из изложенного выше, хронологические рамки «Повествований о царствах» и «Цзо чжуаня» совпадают. Поэтому вполне естественно, что в обоих памятниках весьма часто действуют одни и те же герои, упоминаются одни и те же события, приводятся одни и те же выступления. Видимо, последнее обстоятельство в свое время немало способствовало зарождению версии, считающей мифического Цзо Цю-мина автором и «Цзо чжуаня» и «Повествований о царствах».

Бань Гу, синтезировавший противоречивые сведения о Цзо Цю-мине, сообщаемые Сыма Цянем, первым коснулся вопроса о взаимоотношениях этих источников. По его мнению, в «Повествования о царствах» были включены материалы, оставшиеся у Цзо Цю-мина после завершения «Цзо чжуаня»¹¹⁶.

Новая интерпретация этого вопроса была предложена почти два тысячелетия спустя, когда среди цинских ученых начали раздаваться голоса о неаутентичности «Цзо чжуаня». В трудах Кан Ю-вэя, одного из вождей реформаторского движения в Китае конца XIX в., окончательно выкристаллизовалась теория, согласно которой «Цзо чжуаня» представлял собой искусную подделку Лю Синя¹¹⁷. По Кан Ю-вэю, основой для «Цзо чжуаня» послужила хронологическая схема «Чуньцю», которую Лю Синь заполнил историческими материалами, заимствованными из древнего текста «Повествований о царствах»¹¹⁸. В современном тексте памятника Кан Ю-вэй и его сторонники видели лишь «остатки расчлененного Лю Синем [древнего текста]»¹¹⁹.

Как известно, в ходе возникшей в 20-х годах XX в. дискуссии большинство исследователей отвергли взгляды Кан Ю-вэя на «Цзо чжуаня». В связи с этой дискуссией рядом филологов и историков был проделан параллельный анализ «Цзо чжуаня» и современного текста «Повествований о царствах». Результаты его весьма вы-

¹¹⁶ «История Ранней Хань», цз. 62, стр. 4272.

¹¹⁷ Анализ идеологических предпосылок этой теории, ее критическая оценка даны В. А. Рубиным в ст. «О датировке и аутентичности “Цзо чжуаня”» (стр. 83—85).

¹¹⁸ См.: Кан Ю-вэй, Изучение фальсифицированных канонов (Вэй цзин као), Шанхай, 1936, т. 1, цз. 3, ч. 1, стр. 71.

¹¹⁹ Гу Цзе-ган, Краткий очерк истории науки эпохи Хань, (Хань дай сюешу шилуе), Шанхай, 1935, стр. 100.

разительны. Вот вывод одного из исследователей: «Грамматический строй, структура, [особенности] описания событий и имена, характерные для “Повествований о царствах”, отличают их от “Цзо чжуаня”, поэтому оба источника никоим образом не могли возникнуть в результате расчленения одной книги»¹²⁰.

Однако отказ от теорий Сыма Цяня — Бань Гу и Кан Ю-вэя вовсе не означал решения проблемы взаимоотношений текстов «Цзо чжуаня» и «Повествований о царствах». Наличие в них параллельных по теме исторических повествований, в которых изложение часто ведется в одних и тех же выражениях, естественно, требовало своего объяснения. Согласно мнению Хун Е, причина данного явления заключалась в том, что авторы «Цзо чжуаня» использовали в качестве одного из источников материалы «Повествований о царствах»¹²¹. Ценность этой гипотезы, как и всякой гипотезы вообще, определяется тем, охватывает ли она своим объяснением все подлежащие ей материалы или же только часть материалов. Здесь мы сталкиваемся с достаточно большим количеством случаев, когда взаимоотношения между текстами этих двух памятников не находят объяснения с позиций данной теории.

Прекрасной иллюстрацией служит рассказ о том, как по настоянию Цай Шэн-цзы чуский влиятельный сановник Цзы-му вернул из изгнания сановника Цзяо Цзюя. (Эти события происходили в 40-х годах VI в. до н. э.). В речи Цай Шэн-цзы, обращенной к Цзы-му, сообщается о том, какой вред внешнеполитическому положению царства Чу наносит бегство за границу его талантливейших сановников и военачальников, находящихся приют и покровительство в царстве Цзинь. Цай Шэн-цзы перечисляет военные и дипломатические успехи Цзинь, достигнутые с помощью эмигрантов из Чу. В «Повествованиях о царствах» и в «Комментарии Цзо» перечень этот составляет большую часть рассказа, однако его конкретное содержание в каждом случае обладает рядом весьма характерных различий.

¹²⁰ Ян Сян-куй, О характере «Цзо чжуаня» и о связях его с «Повествованиями о царствах», — «Шисюе цзикань», т. II, 1936, стр. 80.

¹²¹ См.: Ssu-ho Ch'i, Prof. Hung on the Ch'un Ch'iu..., стр. 63.

1. «Ван Сунь-ци бежал в Цинь. Цзиньцы приняли его [на службу]. Когда произошло столкновение под Чэнпу¹²², Цзинь намерено было отступить. Ван Сунь-ци вмешался в управление армией... Разгром чуского войска был делом рук Ван Сунь-ци» (цз. 17, стр. 194).

2. «Си-гун бежал в Цзинь. Цзиньцы приняли его на [службу]. За то, что его оклеветали, разбил [царство] Чу. То, что [царству Чу] пришлось отказаться от Дунся, было делом рук Си-гуна» (цз. 17, стр. 194).

3. «Юн-цзы бежал в Цзинь. Цзиньцы приняли его [на службу]. Когда произошло столкновение под Янь[лином]¹²⁴, Цзинь намерено было отступить. Юн-цзы вмешался в управление армией... Луань Шу (цзиньский военачальник), последовал его

1. «Си-гун бежал в Цзинь. Цзиньцы поставили его в арьергарде боевых колесниц, назначили советником. Когда произошло столкновение под Жаоцзюе¹²³, Цзинь намерено было отступить... Цзиньцы последовали [советам] Си-гуна, и чуское войско было рассеяно в ночной мгле» (26-й год Сян-гуна, стр. 521).

2. «Юн-цзы бежал в Цзинь. Цзиньцы пожаловали ему область Чжу, назначили его советником. Во время столкновения под Пэнчэном¹²⁵ [после того, как цзиньцы исполнили его распоряжения] чуское войско было рассеяно в ночной мгле» (26-й год Сян-гуна, стр. 521).

3. «Цзы Лин бежал в Цзинь. Цзиньцы пожаловали ему область Син, назначили его советником. [Он возглавил] оборону против северных ди, наладил отношения между царствами У и Цзинь» (26-й год Сян-гуна, стр. 522).

¹²² 631 г. до н. э.

¹²³ 584 г. до н. э.

¹²⁴ 574 г. до н. э.

¹²⁵ 572 г. до н. э.

[советам] и нанес большое поражение чускому войску. То, что [чуского] вана ранили в лицо, было делом рук Юн-цзы» (цз. 17, стр. 194).

4. «[Цзы Лин] затем бежал в Цзинь. Цзиньцы приняли его [на службу]. [Он] наладил отношения между царствами У и Цзинь» (цз. 17, стр. 195).

4. «Фэнь-хуан, сын Бо-фэня, бежал в Цзинь. Цзиньцы пожаловали ему [область] Мяо и назначили советником. Во время столкновения под Яньлином¹²⁶ цзиньцы последовали его [советам] и нанесли большое поражение чускому войску» (26-й год Сян-гуна, стр. 522).

Из этого сопоставления явствует, что хотя в обоих случаях рассказ несомненно восходит к какой-то единой версии, однако его дальнейшая литературная обработка была произведена самостоятельно. Отсюда несходство многих исторических деталей и стилистические расхождения, характерные для двух вариантов речи Цай Шэн-цзы. Очевидно, что здесь зависимость между «Повествованиями о царствах» и «Цзо чжуанем» могла быть только опосредствованной: через устный или письменный рассказ-основу, который каждым автором был переработан в соответствии с его литературным вкусом, политическими задачами и исторической эрудицией.

К сходному заключению можно прийти в результате сопоставления двух версий рассказа о судьбе наследника цзиньского Сян-гуна. Как известно, переломным моментом в судьбе царевича Шэнь-шэна было назначение его командующим второй армией царства Цзинь (661 г. до н. э.)¹²⁷. По поводу этого назначения сановник Ши Вэй произнес речь, которая представлена в обоих памятниках, но в различных редакциях:

¹²⁶ 574 г. до н. э.

¹²⁷ Об этих событиях см. подробнее: P. Jos Thiel, Ch'ungerh und sein Glück. Das Leben des Wen-kung von Chin, — «Sinologica», 1962, № 2, стр. 118—120.

«Повествования о
царствах»

«Выйдя [из дворца], Ши Вэй сказал людям: “Наследник не получит престола. Изменяя область его управления и не заботясь о его затруднениях, понижая его в должности и не печалась о подстерегающих его опасностях, государь проявляет двоедушие. Как сможет он получить престол? Если поход окажется успешным, его будет подстерегать беда, если же он потерпит поражение, то будет на этом основании обвинен. Так что — победит он или нет — избежать осуждения ему не удастся. [Для наследника] лучше скрыться [в другом царстве], чем исполнять свои обязанности не проникая [в намерения государя]. Государь получит то, к чему стремится, а наследник отсрочит свою смерть. К тому же, обладая добрым именем, разве не сможет он тоже стать тем, кем стал Тайбо из царства У?”» (цз. 7, стр. 96).

«Цзо Чжуань»

«Ши Вэй сказал: “Наследник не получит престола. Он был отдельно помещен в одном из главных городов, его назначили на пост сановника. [Его влияние] давно уже достигло предела. Как же он может получить престол? Лучший выход для него — бежать [в другие владения], чтобы лишить [не друзей] возможности ложно обвинить его в преступлении. Разве он не сможет стать тем, кем стал Тайбо из царства У? Он еще сохраняет доброе имя, [лучше ему бежать за пределы царства], чем дожидаться, когда его постигнет [беда]. К тому же, пословица гласит: “Если сердце твое без изъяна, зачем печалиться, что нет у тебя семьи?” Если небо награждает наследника счастливой судьбой, разве не будет у него [царства] Цзинь?”» (1-й год Миньгуна, стр. 123—124).

Характерные расхождения между двумя версиями речи Ши Вэя исключают возможность использования первой в качестве непосредственной основы для второй. Очевидно, что в распоряжении авторов обеих версий

имелось зафиксированное письменно или дошедшее в устной передаче сообщение о том, что Ши Вэй предсказал наследнику приближение опасности и посоветовал ему бежать за границу. Воссоздавая на этом основании содержание речи Ши Вэя, каждый автор делал акцент на тех моментах, которые были конструктивно важны для его повествования: в первом случае много внимания уделено утверждению, что противоречащее государственным традициям царства Цзинь назначение наследника служит целям тех, кто добивается его устранения; во втором — содержание речи заполнено соображениями в пользу бегства наследника за пределы царства.

Кроме разобранных нами примеров в «Повествованиях о царствах» и в «Цзо чжуане» есть достаточно много других параллельных по теме исторических рассказов, содержание которых, как установили современные исследователи, расходится настолько, что возможность прямой зависимости между ними исключена. Объясняя причины этого явления, один из исследователей писал: «По нашему мнению, и создатель “Повествований о царствах” и создатель “Цзо чжуаня” видели одни и те же исторические материалы, но использовали их в различных целях»¹²⁸.

Наши наблюдения, а также данные других исследователей заставляют прийти к выводу, что, несмотря на распространение в период Восточного Чжоу практики фиксации устных высказываний, основное содержание речей, введенных в текст «Повествований о царствах» и «Цзо чжуаня», не представляет собой воспроизведения слов оратора. Те же различия, которые обнаруживаются при сопоставлении разных версий одних и тех же речей и касаются их общего характера, построения, аргументации и т. д., зависят, по-видимому, не от того, что одна речь является первичной записью, сохраняющей в целостности действительно сказанное оратором, а другая — ее беллетризованным вариантом. Эти различия являются результатом тенденциозной переработки безымянными

¹²⁸ Лю Цзе, Сравнительное изучение «Цзо чжуаня», «Повествований о царствах» и «Записей историографа», — Лю Цзе, Собрание исследований по древней истории (Гуши као цунь), Пекин, 1958, стр. 320.

создателями обоих сочинений того материала, который был в их распоряжении.

Конкретные методы составления речей, к которым прибегали восточножюуские историографы, были многообразны. Некоторые, очевидно, руководствовались при этом соображениями, сходными с теми, о которых писал Фукидид: «Что касается речей, произнесенных отдельными лицами в пору приготовления к войне или во время уже самой войны, то для меня трудно было запомнить сказанное в этих речах со всею точностью, как то, что я слышал сам, так и то, что передавали мне с разных сторон другие. Речи составлены у меня так, как, по моему мнению, каждый оратор, сообразуясь всегда с обстоятельствами данного момента, скорее всего мог говорить о настоящем положении дел...»¹²⁹. Однако в «Повествованиях о царствах» нередки случаи, когда потребности проведения определенной политической тенденции в речах, вкладываемых историографом в уста известных исторических личностей, оказывались в противоречии с необходимостью согласовать их содержание «с обстоятельствами данного момента». В этом причина появления анахронизмов. Последние обнаружены, например, в обширном обращении чжоуского тай ши к Хуань-гуну, основателю царства Чжэн (IX в. до н. э.), составляющем основу текста «Повествований о царстве Чжэн»¹³⁰.

В «Повествованиях о царствах» использованы также высказывания, приписываемые знаменитым мудрецам и наставникам (например, Конфуцию), которые явно имеют апокрифический характер и заимствованы, очевидно, из устных рассказов — преданий, ходивших в народе¹³¹.

«Цзо чжуань» и «Повествования о царствах» содержат синтез достижений восточножюуской историографии. В них собрано все лучшее, что было выработано официальными хронистами в области упорядочения и обработки исторических материалов, использованы приемы развернутого и внутренне мотивированного повест-

¹²⁹ Цит. по: С. Жебелев, Творчество Фукидида, — в кн.: Фукидид, История, т. II, М., 1915, стр. LX.

¹³⁰ Вэй Цзюй-сянь, Исследование «Повествований о царствах», — «Исследования по древней истории», стр. 160—163.

¹³¹ Ср.: «Повествования о царствах», цз. 5, стр. 68—69.

ования, зародившегося в недрах исторического фольклора, отражены успехи государственного красноречия и т. д.

В состав «Планов Сражающихся царств» вошли сочинения, унаследовавшие многие особенности «Повествований о царствах» и «Цзо чжуаня». Около половины исторических рассказов, составляющих текст сунской редакции исследуемого памятника, построено по структурно-стилистической схеме, характерной для «Повествований о царствах»: вначале в лаконичной повествовательной манере сообщается об определенной исторической ситуации, а далее следуют передаваемые прямой речью высказывания государственных деятелей заинтересованных царств по поводу этой ситуации. Процесс составления этих высказываний был, очевидно, связан с теми же закономерностями, которые отмечены нами на материале «Повествований о царствах» и «Цзо чжуаня».

Нельзя забывать еще об одном весьма важном обстоятельстве: безымянные авторы собранных Лю Сяном сочинений были хорошо знакомы с теми историческими повествованиями, которые нам сейчас известны по «Цзо чжуаню». Действительно, в «Планах Сражающихся царств» имеется несколько больших и малых цитат, заимствованных, как гласит текст памятника, из сочинений типа чунью¹³². В настоящее время исторические рассказы, сходные по стилю и содержанию с использованными в тексте «Планов Сражающихся царств», представлены в «Цзо чжуане»¹³³. То обстоятельство, что «Планы Сражающихся царств» включают материалы сочинений, сформировавшихся в русле восточножюуской историографической традиции, заставляет с большим уважением относиться к этому памятнику как к историческому источнику.

Пока еще не предпринималось попыток выделить в тексте памятника элементы, связанные с официальным летописанием периода Чжаньго. Препятствием на пути к этому служит широко распространенное среди исследователей убеждение, что летописные материалы царств

¹³² «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 39-б, 41-а; цз. 7, стр. 41-а.

¹³³ «Цзо чжуань», 5-й год Си-гуна, стр. 143; 25-й год Сян-гуна, стр. 510; 1-й год Чжао-гуна, стр. 574.

Чу, Ци, Чжао, Хань, Вэй и Янь не были доступны ханьским историографам, ханьским редакторам и реставраторам позднечжоуской литературы. Убеждение это базируется на известном свидетельстве Сыма Цяня: «Когда Цинь достигло желаемого, были сожжены распространенные в Поднебесной [списки] “Ши-[цзина]” и “Шу-[цзина]”, особенно [пострадали] ши цзи местных владельцев, ибо в них содержалось то, что давало повод для враждебных выпадов и насмешек [над Цинь]. “Ши-[цзин]” и “Шу-[цзин]” появились вновь, так как много их списков хранилось в частных домах, а ши цзи хранились лишь в [архиве] дома Чжоу, поэтому они погибли»¹³⁴.

Очевидно, однако, что в данном случае словам Сыма Цяня придают слишком расширенный и категорический смысл. Действительно, Сыма Цянь говорит лишь о том, что в 213 г. до н. э. был уничтожен комплекс полных летописных сводов шести Сражающихся царств, собранных в архиве чжоуских ванов. Но его свидетельство никоим образом не распространяется на фрагменты и извлечения из ши цзи, которые могли попасть в частные собрания и, подобно «Ши-цзину» и «Шу-цзину», ускользнуть от литературной инквизиции Цинь Ши-хуана. Ведь приведенное выше сообщение Мо-цзы, а также аналогичные сведения, содержащиеся в других источниках периода Чжаньго, свидетельствуют о том, что круг читателей ши цзи был достаточно широк, в него входили не только высшие сановники царств, но и частные лица. Кроме того, в уцелевшем отрывке из утраченной книги Вэй Хуна (I в. н. э.) «Древние установления [дома] Хань» («Хань цзю и») прямо говорится, что Сыма Цянь начал свою многолетнюю научную деятельность с поездок в разные концы великой империи, чтобы собрать ши цзи древних правителей¹³⁵, которые, очевидно, содержали и летописные материалы периода Чжаньго.

Очевидно, его розыски не были безуспешными. Ученые давно уже обратили внимание на то обстоятельство, что в главах труда Сыма Цяня, посвященных наследственным домам конца эпохи Чжоу, обильно представлены

¹³⁴ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 15, стр. 1055.

¹³⁵ «Высочайше просмотренный [свод] годов правления Тайпин», цз. 235, стр. 1114-а.

исторические записи, сделанные от первого лица¹³⁶. По словам одного из современных исследователей, в подобных случаях «Цзы-чан (т. е. Сыма Цянь.— К. В.) цитировал хроники [типа] чуньцю, происходящие из различных царств»¹³⁷.

Известно также, что составленная Сыма Цянем «[История] наследственного дома яньского Чжао-гуна» неоднократно именуется последним яньского правителя Си «нынешним ваном». Анализ этого своеобразного анахронизма показал, что в данном разделе труда Сыма Цяня «были использованы исторические материалы, [составленные в то время], когда царство Янь еще не было покорено [царством Цинь]»¹³⁸. Следовательно, при создании своих «[Историй] наследственных домов» Сыма Цянь несомненно опирался на летописные тексты, входящие к V—III вв. до н. э.¹³⁹, причем нередко воспроизводил их, сохраняя все стилистические особенности.

Последнее обстоятельство помогает установить наличие контактов между «Планами Сражающихся царств» и позднечжоуским летописанием. В некоторых случаях повествовательные введения к речам государственных деятелей, собранным в рассматриваемом памятнике, имеют прямые аналогии в летописных текстах, использованных в труде Сыма Цяня:

*«Планы
Сражающихся царств»*

1. «Цинь захватило чуский Ханьчжун, снова сражалось [с Чу] в Ланьтяне. Чуской армии было нанесено большое пора-

*«Записи
историографа»*

1. «Весною 17-го года [правления чуского Хуайвана] сражались с Цинь под Даньяном. Цинь нанесло большое пораже-

¹³⁶ Ср.: E. Chavannes, Les mémoires historiques de Se-ma Ts'ien, t. I, Paris, 1898, стр. CLVII и сл.

¹³⁷ Чэнь Цзин, Историография эпох Чжоу и Цинь, — «Чжунда цзикань», т. 1, 1927, № 4, стр. 2.

¹³⁸ Чэнь Мэнь-цзя, Хронология шести царств, стр. 138.

¹³⁹ Есть основания предполагать, что оригинальные летописные материалы доциньского времени были известны и авторам, жившим после смерти Сыма Цяня. Так, в «Трактате о пяти стихиях» («У син чжи»), входящем в состав «Истории Ранней Хань», имеются многочисленные ссылки на доциньские ши цзи (см. «История [Ранней] Хань», цз. 27, стр. 2311—2312).

жение. Хань и Вэй, услышав о трудностях, выпавших на долю Чу, с юга вторглись [в чуские земли] и дошли до [области] Дэн. Чуйский ван, собрав войска, отступил [из Цинь]» (цз. 3, стр. 32а, б).

2. «На 20-м году Цинсян-вана циньский полководец Бо Ци захватил чуский Силин. Он захватил Янь, [столичный город] Ин и усыпальницу в [местности] И. Сжег гробницы прежних ванов. Ван бежал на северо-восток и укрылся за стенами [города] Чэнь» (цз. 3, стр. 36-а).

ние нашей армии, обезглавило восемьдесят тысяч латников, взяло в плен нашего главного полководца Цюй Гая, младшего военачальника Фэн Хоу-чоу и еще более семидесяти человек. Вслед за тем захватило [наш] Ханьчжунский военно-административный округ. Чуский Хуай-ван сильно разгневался и, собрав со всего царства войска, вновь атаковал Цинь. Битва произошла в Ланьтяне. [Она закончилась] большим поражением чуской армии. Хань и Вэй, услышав о трудностях, выпавших на долю Чу, с юга вторглись в чуские [земли] и дошли до области Дэн. Узнав об этом, Чу собрало войска и отступило [из Цинь]» (цз. 40, стр. 2530).

2. «На 20-м году [правления чуского Цинсян-вана] циньский полководец Бо Ци захватил наш Силин. Вслед за тем, на 21-м году циньский полководец Бо Ци захватил нашу [столицу] Ин, сжег усыпальницу в [местности] И, где располагались погребения прежних ванов. Войска чуского Сян-вана были рассеяны, и он лишился возможности вновь всту-

пить в битву. Он укрылся на северо-востоке за стенами [города Чэнь]» (цз. 40, стр. 2535).

В левой колонке даны переводы повествовательных введений к речам дипломатического агента трех Цзинь, содержащим остроумный план расторжения циньско-чуского соглашения о взаимной поддержке, заключенного в 304 г. до н. э., и к заявлению чуского посла Хуан Се, пытавшегося доказать циньскому Чжао-вану (правил в 306—251 гг. до н. э.) целесообразность прекращения завоевательных походов на юг¹⁴⁰. Простое сопоставление свидетельствует, что эти введения представляют собой краткие пересказы летописных статей утраченной чуской истории.

Кроме того, в сунской редакции «Планов Сражающихся царств» сохранилось несколько повествований, которые по содержанию резко отличаются от своих соседей. Ряд специфических особенностей, присущих им, позволяет, по нашему мнению, видеть в них фрагменты сочинений летописного характера. Одно из таких повествований представлено в разделе «Планы царства Чжао»: «[Царство] Вэй нанесло поражение [царству] Чу близ Синшаня, захватило [чуского военачальника] Тан Мина. Чуский ван испугался и приказал Чжао Ину вручить наследнику престола полномочия на заключение мира с владельцем области Се (Се-гуном). Отец-повелитель (Чжу-фу), стремившийся расстроить [их замыслы], договорился с Цинь, завязал отношения с Сун, приказав Чоу Хэ стать сяном в Сун, а Лоу Хуаню стать сяном в Цинь. Чуский ван заключил союз с Чжао. Мирные отношения между Сун и Вэй окончательно расстроились»¹⁴¹.

Для данного повествования в первую очередь характерно то, что сведения, в нем содержащиеся, вплоть до частных деталей хорошо укладываются в рамки исторической реальности, восстанавливаемой на базе других источников. Действительно, что касается битвы близ Синшаня, то имя чуского военачальника, потерпевшего

¹⁴⁰ Там же, цз. 3, стр. 32-а, б, 36-а—41-б.

¹⁴¹ Там же, цз. 6, стр. 27-б.

в ней поражение, позволяет идентифицировать ее с событием, описанным в «Люй ши чуньцю» и в «Основных записях царства Цинь»:

1. «[Царство] Ци приказало военачальнику Чжан-цзы в союзе с [войсками] Хань и Вэй атаковать [царство] Цзин¹⁴². Цзин приказало военачальнику Тан Ме дать им отпор... Люди из царства Цзин заняли боевую позицию на реке Бишуй»¹⁴³.

2. «Ци послало Чжан-цзы, Вэй послало Гунсунь Си, Хань послало Бао Юаня. Они совместно атаковали чуский Фанчэн, захватили Тан Мэя»¹⁴⁴.

В «Основных записях царства Цинь» это событие датировано 8-м годом правления циньского Чжао-вана, т. е. 299 г. до н. э. В соответствии с данными «[Историй] наследственных домов» Чу, Ци, Вэй и Хань эта дата должна быть исправлена на 301 г. до н. э. В «[Истории] наследственного дома Чу» под следующим годом (300 г. до н. э.) приведена запись, напоминающая краткий пересказ второй фразы из приведенного выше повествования: «Тогда [чуский] Хуай-ван испугался и послал наследника престола заложником в [царство] Ци, чтобы добиться заключения мира»¹⁴⁵. Упомянутый в повествовании Се-гун (Мэнчан-цзюнь) занимал в то время пост сына царства Ци. Еще год спустя (299 г. до н. э.) в царстве Чжао произошли знаменательные события. Улин-ван формально отказался от престола в пользу сына, однако фактическое руководство внешней политикой царства продолжало находиться в его руках. Особый статус Улин-вана в царстве после передачи престола сыну отразился и в воспринятом им тогда титуле «отец-повелитель».

В источниках сохранились скудные известия, в которых обнаруживаются признаки энергичного политического сближения между царствами Ци и Цинь в конце IV—начале III в. до н. э.: в 302 г. до н. э. циньский сановник Цзиньян-цзюнь отправился с особой миссией в Ци¹⁴⁶, а к концу срока его пребывания там (299 г. до н. э.) циский Мэнчан-цзюнь был приглашен в Цинь, чтобы

¹⁴² Имеется в виду царство Чу.

¹⁴³ «Люй ши чуньцю», цз. 25, стр. 324—325.

¹⁴⁴ Сьма Цянь, Записи историографа, цз. 5, стр. 393—394.

¹⁴⁵ Там же, цз. 40, стр. 2532.

¹⁴⁶ Там же, цз. 5, стр. 393.

занять пост сяна¹⁴⁷. Обессиленное серией военных поражений, царство Чу искало покровительства у этих могущественных союзников. Такой тройственный союз представлял непосредственную угрозу для Чжао, поэтому Улин-ван «договорился с Цинь, завязал отношения с Сун». Последняя акция имела явно антицискую направленность, ибо царство Ци предприняло в это время серию энергичных мер, стремясь прибрать к рукам владение Сун, которое оно считало сферой своего влияния. Проводившаяся Улин-ваном политика союза с Цинь и изоляции Ци нашла свое наиболее отчетливое выражение в том, что он «приказал Чоу Хэ стать сяном в Сун, а Лоу Хуаню стать сяном в Цинь». Эта фраза перекликается с хроникальной записью циньского историографа: «В результате вмешательства Цзинь Шоу был отставлен от должности Вэнь, [владелец] Се (т. е. Мэнчан-цзюнь), а Лоу Хуань стал чэнсяном»¹⁴⁸. Сведения, содержащиеся в «Планах Сражающихся царств», дают возможность раскрыть смысл этой записи, ранее казавшейся некоторым комментаторам неясной. Если исходить из текста двух повествований раздела «Планы восточного Чжоу», Цзинь Шоу (в «Планах Сражающихся царств» — Цзинь Тоу) являлся в то время чжаоским представителем в Цинь¹⁴⁹. Одним из результатов его деятельности и было, по-видимому, то, что Лоу Хуань стал во главе административного аппарата данного царства, ибо анализируемое нами повествование прямо называет последнего ставленником Улин-вана.

К сожалению, содержание двух последних фраз этого повествования не находит пока что достоверных параллелей ни в труде Сыма Цяня, ни в иных источниках.

Другой причиной, побуждающей нас видеть в данном повествовании фрагмент одной из чжаньгоских летописей, служит то, что содержащееся в нем лапидарное описание исторических событий напоминает по стилю сохранившиеся в цитатах тексты из вэйских «Погодных записей на бамбуковых планках» («Чжу шу цзинянь»).

Есть еще одно повествование, которое может представлять интерес в плане поставленного нами вопроса

¹⁴⁷ Там же стр. 394

¹⁴⁸ Там же.

¹⁴⁹ «Планы Сражающихся царств», цз 2, стр. 13-6, 14-а.

о летописных заимствованиях. Оно завершает раздел «Планы царства Чжао»: «Цинь послало Ван Цзяня против Чжао. Чжао послало Ли Му и Сыма Шана, чтобы дали отпор [Цинь]. Ли Му много раз наносил поражения циньской армии и обращал ее в бегство, убил циньского военачальника Хуань И. Разгневанный этим Ван Цзянь передал много золота Го Каю, фавориту чжаоского вана, и другим [сановникам], сделал их своими лазутчиками [при чжаоском дворе]. Те стали говорить: “Ли Му и Сыма Шан хотят изменить Чжао и перейти на сторону [государя] Цинь, чтобы получить от него многочисленные пожалования“. У чжаоского вана возникли сомнения [в верности своих военачальников], и он послал Чжао Цуна и Янь Цзуя на их место. Ли Му был обезглавлен, а Сыма Шан отстранен [от должности]. Прошло три месяца, и Ван Цзянь, воспользовавшись этим, принял стремительное нападение, нанес большое поражение [царству] Чжао, уничтожил чжаоскую армию, взял в плен Цяня, чжаоского вана, и его военачальника Янь Цзуя. Так погибло [царство] Чжао»¹⁵⁰.

По стилю и конструктивной форме рассказ об обстоятельствах гибели царства Чжао близок к тому типу пространственных летописных статей, которые представлены в «Основных записях о Цинь Ши-хуане» Сыма Цяня. Последний в своем труде дважды использовал этот рассказ: в одном случае он дал его в кратком переложении¹⁵¹, в другом — процитировал почти полностью, опустив, однако, некоторые характерные детали (в частности, приведенное в «Планах Сражающихся царств» сообщение о том, что Ли Му убил известного циньского военачальника Хуань И)¹⁵². Оба параллельных текста, внесенные в «Записи историографа», начинаются со столь обычной для летописных статей датирующей формулы, гласящей, что события произошли на 7-м году правления чжаоского вана по имени Цянь. По-видимому, и анонимный составитель сочинения, материалы которого были введены Лю Сяном в «Планы Сражающихся царств», и Сыма Цянь заимствовали вышеприведенный рассказ из несохранившейся летописной повести о

¹⁵⁰ Там же, изд. 6, стр. 85-а, б.

¹⁵¹ Сыма Цянь, Записи историографа, изд. 43, стр. 2720.

¹⁵² Там же, изд. 81, стр. 3791—3792.

политических преступлениях чжаоского вана и его фаворитов, приведших к гибели царство Чжао.

Итак, зачатки исторической литературы в древнем Китае появились почти одновременно с возникновением письменности. На протяжении эпохи Чжоу древнекитайская историография прошла путь от архаических хроник, содержащих крайне лапидарные сообщения о больших и малых событиях в их формальной последовательности, до развернутых исторических повествований, проникнутых морализующей тенденцией и тесно связанных с историческим фольклором. Воздействие разнородных факторов привело к тому, что важнейшим конструктивным элементом этих исторических повествований стало литературное воспроизведение различных типов устной речи. Последняя особенность чжоуской историографии оказала несомненное влияние на авторов тех текстов, которые были собраны в источниках «Планов Сражающихся царств».

Проделанный нами анализ содержания памятника свидетельствует, что связи его источников с историографической традицией этим не ограничиваются. Как можно заключить из слов Лю Сяна, литературно-композиционным принципом «Планов царств» и «Событий [из истории] царств» была хронологическая последовательность изложения материала, что несомненно шло от официального летописания. Влияние этого принципа чувствуется в некоторых случаях и в современном тексте памятника. Кроме того, создатели источников «Планов Сражающихся царств», как мы установили выше, использовали отдельные фрагменты летописей периода Чжаньго в качестве повествовательных введений к речам государственных деятелей и военачальников. Были известны им и исторические повествования периода Чуньцю, заимствования из которых в виде небольших цитат рассеяны по страницам памятника.

О времени составления источников «Планов Сражающихся царств»

В западной востоковедной литературе уже было отмечено, что современный текст «Планов Сражающихся царств» обнаруживает характерные черты той грамма-

тической системы, которая свойственна произведениям, написанным в течение III в. до н. э. («Хань Фэй-цзы», «Люй ши чуньцю» и др.)¹⁵³. Поскольку рассматриваемый памятник представляет собой компиляцию и введенные в него материалы сохраняют свою первоначальную форму, отмеченная особенность свидетельствует, что процесс формирования его источников относится примерно к этому же периоду.

Дальнейшее уточнение и конкретизация этой общей датировки возможны, к сожалению, только в некоторых частных случаях. Здесь прежде всего обращают на себя внимание весьма характерные результаты сопоставления сведений, содержащихся в ряде повествований, включенных Лю Сяном в состав «Планов Сражающихся царств», с хронологической схемой «Погодовой таблицы шести царств» Сыма Цяня и реликтами хронологической схемы «Погодовых записей на бамбуковых планках». Они сводятся к следующему: в случае разногласий между «Погодовой таблицей» и «Погодовыми записями» по поводу датировки тех или иных событий «Планы Сражающихся царств» оказываются на стороне последнего источника. Так, «Погодовые записи» сообщают, что область Се была пожалована Тянь Ину (Цзинго-цзюню) в конце правления циского Вэй-вана¹⁵⁴. Согласно же «Погодовой таблице», это событие имело место лишь при Минь-ване, внуке Вэй-вана¹⁵⁵. В разделе «Планы царства Ци» имеется следующее повествование, содержание которого полностью гармонирует с утверждением «Погодовых записей»: «Цзинго-цзюнь был дружен с Ци Мао-бянем. Ци Мао-бянь был человеком, многократно порицавшим [других], что вызвало неудовольствие среди домашних [Цзинго-цзюня]. Ши Вэй осуждал за это Цзинго-цзюня. Цзинго-цзюнь не послушал его. Ши Вэй отказался [от места] и покинул [дом Цзинго-цзюня]. Мэнчан-цзюнь украдкой тоже стал было увещевать [отца]. Цзинго-цзюнь сильно разгневался. Выругав сына и всех домашних, он сказал: "Для того, кто будет с

¹⁵³ В. Karlgren, On the Authenticity and Nature of the Tso chuan,—«Göteborgs högskolas årsskift», vol. XXXII, 1926, № 3, стр. 61—62.

¹⁵⁴ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 75, стр. 3616 (комм.).

¹⁵⁵ Там же, цз. 15, стр. 1129.

приятно относиться к Ци Мао-бяню, я без рассуждений сделаю все, [что он пожелает]”. Тогда-то поместил его в лучших покоях, приказал своему старшему сыну прислуживать ему, утром и вечером подавать еду. Прошли годы и Вэй-ван умер. На престол вступил Сюань-ван, с которым Цзинго-цзюнь был не в ладах. [Цзинго-цзюнь] отказался [от должности] и удалился в [область] Се. Здесь он жил вместе с Ци Мао-бянем. Прошло немного времени, и Ци Мао-бянь откланялся и собрался в путь, чтобы повидать Сюань-вана. Цзинго-цзюнь сказал: “Ван весьма недоволен мною. Если ты, господин, отправишься к нему, не миновать тебе смерти”. Ци Мао-бянь сказал: “Поистине, никому нет дела до моей жизни, настоятельно прошу [разрешить мне] ехать [ко двору]”. Цзинго-цзюнь не смог удержать его. Когда Ци Мао-бянь прибыл в Ци, Сюань-ван услышал об этом и, затаив гнев, поджидал его. На аудиенции, данной Ци Мао-бяню, Сюань-ван сказал: “Ты тот, кого Цзинго-цзюнь любит и [чьи советы] он слушает”. Ци Мао-бянь ответил: “Первое — справедливо, а второе — нет. В бытность твою, ван, наследником, я как-то сказал Цзинго-цзюню: “Лучше устранить наследника, а на его место поставить Цзяо-синя, ребенка, [родившегося] у Вэй-цзи”. Цзинго-цзюнь заплакал и ответил мне: “Это невозможно. У меня рука не поднимется”. Послушай он тогда меня, теперь бы не было у него печали. Это — одно. Когда же прибыл он в Се, то [чуский сановник] Чжао Ян предложил обменять Се на [чуские] земли, во много раз превосходившие [область Цзинго-цзюня]. Я опять советовал пойти на соглашение [с Чжао Яном]. Цзинго-цзюнь сказал: “Я получил Се от покойного вана¹⁵⁶. Хотя я и в опале у его наследника, но как мне оправдаться перед ним самим? К тому же в Се находится храм покойного вана. Могу ли я отдать Чу храм покойного вана?” Здесь он тоже отказался послушать меня. Это — второе...”¹⁵⁷.

Другой пример. По хронологической схеме «Погодовой таблицы» вэйский Вэнь-хоу начал править на следующий год после смерти чжаоского государя Сян-цзы, т. е. в 424 г. до н. э.¹⁵⁸. В процессе критического пересмотра хронологии первых вэйских правителей, произ-

¹⁵⁶ То есть Вэй-вана.

¹⁵⁷ «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 19-б—21-а.

¹⁵⁸ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 15, стр. 1085.

веденного современными исследователями на базе известий «Погодовых записей», было установлено, что Вэнь-хоу занял вэйский престол не в 424 г. до н. э., а 22 годами ранее¹⁵⁹. Это исправление находится в полном соответствии с тем обстоятельством, что в последней главе «Планов Сражающихся царств», посвященной истории карликовых и полусамостоятельных владений периода Чжаньго (Сун, Вэй, Чжуншань), Вэнь-хоу и Сян-цзы выступают в качестве соперников в борьбе за раздел земель Чжуншань: «Вэйский Вэнь-хоу пожелал уничтожить [владение] Чжуншань. Чан Чжуан-тань сказал чжаоскому Сян-цзы¹⁶⁰: “Если Вэй приберет к рукам Чжуншань, то это приведет к исчезновению Чжао. Отчего бы тебе, господин, не попросить [отдать тебе] главные жены дочь [Вэнь-хоу] по имени Цинь? Благодаря [твоему сватовству] ей пожалуют земли Чжуншань. Так Чжуншань вновь утвердится”»¹⁶¹.

Наиболее разительные противоречия между «Погодовыми записями» и «Погодовой таблицей» наблюдаются в области хронологии правителей царства Ци, живших в V—IV вв. до н. э. Как уже отмечалось в восточноведной литературе, здесь также имеются весьма характерные случаи совпадения данных «Планов Сражающихся царств» и вэйской хроники¹⁶².

Очевидно, в ходе уничтожения летописей шести Сражающихся царств, осуществленного в 213 г. до н. э. по приказу Цинь Ши-хуанди¹⁶³, погибли и все доступные тогда списки вэйских «Погодовых записей на бамбуковых планках». Только в III в. н. э., когда это сочинение было найдено среди погребального инвентаря в гробни-

¹⁵⁹ Такэути Есио, Исправление ошибок «Таблицы шести царств», — «Цзиньлинь сюебао», т. I, 1931, № 2, стр. 428; Цянь Му, Исследования о годах жизни доцинских философов (Сянь цинь чжу цзы синянь), Шанхай, 1935, стр. 113; Чэнь Мэн-цзя, Хронология шести царств, стр. 26; Ян Куань, История периода Чжаньго, стр. 275.

¹⁶⁰ Средневековые комментаторы памятника, стремившиеся разрешить это противоречие, заменили имя Сян-цзы именем его наследника Хуань-хоу.

¹⁶¹ «Планы Сражающихся царств», цз. 10, стр. 11-б.

¹⁶² H. Maspero, La chronologie des rois de Tsi au IV-e siècle avant notre ère, — «Toung Pao», vol. XXV, livre 3/4, 1928, стр. 379; Цянь Му, Исследования о годах жизни доцинских философов, стр. 241, 246.

¹⁶³ Ср.: D. Bodde, China's First Unifier, Leiden, 1938, стр. 164.

це одного из сановников царства Вэй, содержание его стало известно историографам. Сыма Цянь, который, по-видимому, был знаком с летописанием царств Янь, Чжао, Вэй, Хань, Ци и Чу лишь по разрозненным фрагментам, при воссоздании «Погодовой таблицы шести царств» вынужден был основываться на «Записях [царства] Цинь». Составители последних, несомненно, были хуже осведомлены о последовательности событий, имевших место в центральнокитайских царствах, чем составители «Погодовых записей на бамбуковых планках». Отсюда обилие расхождений между хронологическими выкладками Сыма Цяня и датировками, содержащимися в дошедших до нас отрывках из последнего сочинения. Все это свидетельствует, что рассмотренное здесь совпадение представленных в ряде повествований «Планов Сражающихся царств» исторических данных с хронологической схемой «Погодовых записей» могло возникнуть лишь в доциньское время. Значит, для этих повествований 213 год до н. э. должен быть принят за *terminus post quem* поп.

Для других повествований, входящих в сунскую редакцию рассматриваемого памятника, время составления уточняет *terminus ante quem* поп. Так, комплекс вымышленных речей Су Циня и Чжан И связывает короткий рассказ, в котором циньского вана убеждают направить Чжан И в соседние владения для борьбы с дипломатической доктриной Су Циня. По мысли автора (или авторов) этого комплекса, эпизод должен относиться к 20-м годам IV в. до н. э. Однако в качестве претендента на должность дипломатического агента в этом эпизоде упоминается также Уаньцзы Ци¹⁶⁴, т. е. Бо Ци, циньский полководец первой половины III в. до н. э., получивший в 278 г. до н. э. титул Уань-цзюнь. Очевидно, что такой анахронизм мог появиться лишь спустя несколько десятилетий после смерти Бо Ци в 257 г. до н. э., когда основные вехи его биографии исчезли из памяти современников.

К аналогичным выводам приводит и следующее место в речи Чжан И, обращенной к цискому вану: «Я слышал, что в трех сражениях между [царствами] Ци и Лу последнее трижды одержало верх. Но вслед за тем

¹⁶⁴ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 6-б—7а.

как царство Лу попало в опасное положение, последовало его падение. Хотя оно и обладало именем победителя, но на деле погибло. В чем причина этого? Ци — большое [владение], а Лу — малое. Ныне отношения Чжао и Цинь напоминают отношения Ци и Лу. Цинь и Чжао сражались на реках Хуанхэ и Чжан. Дважды сражались они, и дважды Цинь было побеждено. Сражались они под Фанью. В двух битвах Цинь дважды терпело поражения. После четырех битв оказалось, что Чжао потеряло несколько сот тысяч воинов, что [столичный город] Ханьдань едва держится. Хотя это царство пользуется славой победителя Цинь, но оно потерпело поражение. В чем причина этого? Цинь — могущественное [владение], а Чжао — слабое. Ныне Цинь и Чу породнились с помощью перекрестных браков, Хань преподнесло [царству Цинь] Иян, Вэй передало ему [область] Хэвай, Чжао приняло участие во встрече в Мяньчи и отдало область Хэцзянь, чтобы поладить с Цинь»¹⁶⁵. Весьма интересно, что в данном отрывке упомянуты удачные для чжаосцев военные действия в районе Фанью. В «[Истории] чжаоского наследственного дома» о сражении между чжаосцами и циньцами близ Фанью сообщается только однажды: под 232 г. до н. э.¹⁶⁶. По мнению Лян Юй-шэна, сведения об этом событии как раз были использованы создателями вымышленных речей Чжан И, произвольно перенесшими их в иную историческую среду. В такой характерной детали, как упоминаемая в этом отрывке передача царству Цинь чжаоской области Хэцзянь, также, по-видимому, отражены события, имевшие место в конце периода Чжаньго. Как известно, царство Цинь впервые приобрело ряд районов Хэцзяня лишь в 236 г. до н. э.¹⁶⁷. Таким образом, комплекс вымышленных речей Су Циня и Чжан И вряд ли мог быть создан до 230 г. до н. э.

Как известно, историческое повествование в сунской редакции «Планов Сражающихся царств» завершается описанием событий, непосредственно предшествовавших окончательному установлению власти циньских ванов над всеми древнекитайскими царствами (в 221 г. до

¹⁶⁵ Там же, цз. 4, стр. 25-б.

¹⁶⁶ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 43, стр. 2719.

¹⁶⁷ Ян Куань, История периода Чжаньго, стр. 171.

н. э.). За исключением одного случая, оно никогда не переступает через эту грань. Следовательно, вполне закономерно, что объединитель Поднебесной циньский правитель Чжэн, который, по свидетельству Сыма Цяня, принял в 221 г. до н. э. титул Ши-хуанди (т. е. Первый хуанди), в тексте исследуемого памятника обычно именуется просто «циньским ваном», (т. е. выступает под титулом, который он носил с 246 по 221 г. до н. э.). Однако в трех эпизодах, именно там, где речь заходит о событиях конца периода Чжаньго, циньский правитель назван своим вторым титулом:

1. «Через несколько месяцев после того, как Цай Цзэ стал сяном циньского вана, кто-то оговорил его. Страшась наказания, [Цай Цзэ] под предлогом болезни отказался от должности и возвратил печать сяна. Его стали именовать Ганчэн-цзюнь. Он жил в Цинь более десяти лет и служил Чжао-вану, Сяовэнь-вану, Чжуансян-вану. До смерти своей служил Ши-хуанди, был циньским послом в [царстве] Янь. Через три года после того, [как он занял эту должность]. Янь послало наследника заложником в Цинь»¹⁶⁸.

2. «После смерти Сян-вана, сын его по имени Цзянь стал циским ваном¹⁶⁹. Мать [Цзяня] относилась к [царству] Цинь с почтением, доверяла правителям других царств, поэтому на протяжении сорока с лишним лет правления Цзяня [царство] Ци не вело войн. Циньский Ши-хуан как-то послал к ней гонца»¹⁷⁰.

3. «Что же касается сестры Ли Юаня, прежней любовницы Чуншэнь-цзюня, то она, будучи беременной, попала к [чускому] вану. Со временем родившийся у нее ребенок занял престол в Чу под именем Ю-вана¹⁷¹. Как раз в том году, 9-м от начала правления циньского Ши-хуана, было объявлено об истреблении всех родичей Лао Ая, который тоже устроил смуту в Цинь, и об отстранении Люй Бу-вэя»¹⁷².

Было высказано предположение, что те исторические рассказы «Планов Сражающихся царств», которые в соответствии с действительным положением дел именуют

¹⁶⁸ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 74-б—75-а.

¹⁶⁹ В 264 г. до н. э.

¹⁷⁰ «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 55-б.

¹⁷¹ В 237 г. до н. э.

¹⁷² «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 47-а, б.

будущего Ши-хуанди просто «циньским ваном», должны были быть написаны до 221 г. до н. э.¹⁷³ Однако ввиду того что соображения, лежащие в основе данной гипотезы, весьма умозрительны, этот *terminus ante quem* поп для вышеупомянутых рассказов не кажется нам достаточно надежным. Другое дело с датировкой материалов, в которых упомянут титул «Ши-хуанди» или «Ши-хуан». Их составление можно с несомненностью отнести ко времени после объединения Сражающихся царств под властью дома Цинь. К тому же существует весьма правдоподобное утверждение, что определение ши (первый) было введено в этот титул только после смерти его носителя¹⁷⁴. Значит, составление этих материалов было начато, по-видимому, не ранее 210 г. до н. э.

В ходе специального изучения установлено сравнительно позднее происхождение и содержащегося в разделе «Планы царства Чжао» комплекса исторических рассказов, в которых описывается политическая борьба вокруг военной реформы Улин-вана. В этих рассказах упоминаются локализуемые на территории современного Вьетнама племена оуюэ¹⁷⁵ и государство Дау¹⁷⁶, которые, по мнению современных исследователей, стали известны китайцам не ранее чем в конце Цинь — начале Хань¹⁷⁷. Таким образом, содержание данного раздела свидетельствует о достаточной длительности процесса сложения источников «Планов Сражающихся царств», протекавшего, по-видимому, на протяжении всего III и начала II в. до н. э.

¹⁷³ См. L. A u g o s s e o u, *La première conquête chinoise des pays annamites*, — «Bulletin de l'École Française d'Extrême-Orient», t. XXIII, 1923, стр. 247.

¹⁷⁴ Курихара Томонобу, *Исследование по истории эпох Цинь и Хань*, стр. 14—23.

¹⁷⁵ «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 19-а.

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ Жун Чжао-цзю, *Критическое исследование текста Шан-цзюнь шу*, — «Яньцзин сюебао», 1937, № 21, стр. 74—76.

ГЛАВА IV

«ПЛАНЫ СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ» КАК ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЧИНЕНИЕ И ПАМЯТНИК ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ

Из приведенных в предыдущей главе наблюдений явствует, что даже в тех случаях, когда речи и беседы правителей, высших сановников, дипломатов и военачальников, представленные в исторических сочинениях периода Восточного Чжоу, по-видимому, восходили либо к кратким документальным записям, либо к устойчивой устной традиции, передававшей из поколения в поколение суть высказываний того или иного лица, содержание этих речей и бесед не было идентично содержанию «произнесенных» оригиналов. Более того, в «Планах Сражающихся царств» есть речи, которые ввиду ряда хронологических, географических и других неувязок, обнаруженных в их тексте исследователями, никак не могли быть произнесены теми лицами, в уста которых они вложены. В мировой историографической традиции такого рода «фальсификации» не являются редкостью. Известно, что большинство речей в произведениях греческой и эллинистическо-римской исторической литературы, так же как и псевдоисторические речи новой софистики, несомненно вымышленны. Было бы по меньшей мере наивным требовать от анонимных создателей текстов, собранных Лю Сяном, чтобы все речи, которые они заставляли произносить разных лиц, соответствовали речам, действительно ими произнесенным. Весь вопрос в том, какое значение имело историческое содержание этих речей, кем и для чего они были написаны.

Ответ на второй вопрос был дважды предложен Ци Сы-хэ. В одном случае он касался лишь комплекса речей Су Циня и Чжан И: «Обращенные к [правителям] шести царств речи [Чжан] И и [Су] Циня, которые приведены в “Планах Сражающихся царств”, весьма часто

касаются событий, имевших место после [смерти двух дипломатов]. Должно быть, это не собственные сочинения [Чжан] И и [Су] Циня, а фальсификации тех, кто в более позднее время упражнялся в рассуждениях о [союзах] цзун и хэн, о достоинствах и недостатках¹. В другом — он распространил это утверждение на более широкий круг текстов, представленных в рассматриваемом памятнике: «“Планы Сражающихся царств” не голько не являются сочинением одного автора, но содержащиеся в них рассуждения странствующих ученых по большей части восходят к подражаниям [сочинителей] из “школы цзун-хэн”, а не к речам тех людей, которым они приписаны»².

Таким образом, Ци Сы-хэ, развивая традиционную точку зрения, восходящую к авторитету Чao Гун-у, утверждает, что источники «Планов Сражающихся царств» вышли из-под кисти сочинителей из круга «школы цзун-хэн»³.

Как известно, в ранних литературных каталогах Лю Синя и Бань Гу за термином «школа цзун-хэн» скрывалась литературная рубрика, включавшая 12 сочинений, ни одно из которых не дошло до наших дней⁴. В после-

¹ Ци Сы-хэ, Об авторе и о времени создания «Планов Сражающихся царств», стр. 263.

² Там же, стр. 269.

³ Следует отметить, что в разное время разными учеными было высказано мнение, что «странствующие ученые» в конце периода Чжаньго — начале Хань составляли ту среду, из которой вышли авторы, принадлежавшие к «школе цзун-хэн». Ср.: Кан Ю-вэй, О том, как Кун-цзы изменил установления (Кун-цзы гай чжи као), Пекин, 1953, стр. 156; Акира Уцуги, О том, как «школа цзун-хэн» отразилась в «Планах Сражающихся царств», — сб. «Проблемы древней истории Китая» («Тюгоку кōдайси-но сёмэндай»), Токио, 1954, стр. 141—143.

⁴ Предполагаемые авторы первых четырех сочинений этого раздела — Су Цинь, Чжан И, Пан Сюань и Цюе-цзы — жили в период Чжаньго. Однако последний из них неизвестен нарративным источникам того времени. Время его жизни определено Ма Го-ханем (1794—1857) на том основании, что упоминание о его сочинении «помещено после [упоминания] о [книге] Пан Сюаня и перед [упоминанием] о [книге] управителя циньского Лицилина по имени Синь». (Последний был современником Цинь Ши-хуанди). Цит. по: Яо Чжэнь-цзун, Систематизация материалов к литературно-библиографическому разделу Хань шу, — «Дополнения к 25 династийным историям» («Эршу ши пубянь»), т. II, Шанхай, 1955, стр. 1627. Творчество остальных восьми авторов связано с эпохой правления династии Цинь и первым столетием эпохи прав-

словии Лю Синя и Бань Гу к этой рубрике дается следующее пояснение: «Отрасль [литературы] представленная “школой цзун-хэн”, вышла [из недр] посольского управления (Син жэнь чжи гуань)⁵. Кун-цзы сказал: “Хоть он и выучил три сотни од, но пошли его за пределы страны, не сможет самостоятельно ответить [на заданные ему вопросы]. Хотя он и много знает, но какая от этого польза?” Еще он сказал: “Ну и посол! Ну и посол!” Это значит, что ему (т. е. послу) надлежит действовать, применяясь к обстоятельствам, руководствоваться [общими] распоряжениями, а не [детальными] инструкциями. В этом его достоинство. Когда же случается, что неправедные люди становятся [послами], то начинаются коварство и обман, которые лишают их доверия»⁶. Это послесловие коренным образом отличается от тех, которые сопровождают перечни сочинений, связанных со «старыми» школами, описанными еще Сыма Танем [т. е. со «школой жу» (жу цзя), «школой дао» (дао цзя), «школой инь-ян» (инь-ян цзя), «школой фа» (фа цзя), «школой мин» (мин цзя), «школой последователей Мо-цзы» (Мо цзя)]. В них даны лапидарные характеристики воззрений, которые, по мнению Лю Синя и Бань Гу, разделяли все адепты каждой данной школы. В вышеприведенном же отрывке содержится лишь косвенное сообщение о том, что представителей «школы цзун-хэн» объединяло отношение к посольской практике. Это различие наводит на мысль, что под «школой» в последнем случае подразумевалось не определенное направление в идеологической жизни древнего Китая, не группировка политических единомышленников, а скорее комплекс тематически однородных сочинений. Значит, фигурирующий в высказываниях Ци Сэ-хэ образ безы-

ления династии Хань. Название школы восходит, по-видимому, к дипломатической терминологии IV—III вв. до н. э. К этому времени относятся известия о междущарских союзах хэ-цзун и хэ-хэн (или лян-хэн). Историческая традиция связывает их возникновение с именами Су Циня и Чжан И, поэтому в приписываемых им сочинениях речь, по-видимому, шла о практике создания этих союзов. Иероглифосочетание «цзун-хэн», служившее, таким образом, символом содержания первых двух сочинений школы, и было избрано Лю Синем и Бань Гу в качестве ее общего наименования.

⁵ О его функциях и составе см.: Sven Broman, *Studies on the Chou Li*, Stockholm, 1961, стр. 51, 52.

⁶ «История [Ранней] Хань», цз. 30, стр. 3161.

мянного сочинителя из «школы цзун-хэн» лишен сколько-нибудь определенных идеологических и политических характеристик. Выяснение этого обстоятельства не только превращает его в некую бесплотную литературную тень, но и свидетельствует об отсутствии реальных оснований для атрибуции, предложенной Ци Сы-хэ.

С совершенно иных позиций к «Планам Сражающихся царств» подошел современный американский востоковед Крамп. Его отношение к этой проблеме сложилось под влиянием ставшей уже традиционной в среде западных литературоведов-китаистов точки зрения, что все содержание рассматриваемого памятника принадлежит к области художественного вымысла и должно рассматриваться лишь как явление древнекитайской художественной прозы⁷. Суть выводов Крампа относительно характера и происхождения памятника сводится к следующему:

1. В «Планах Сражающихся царств» собраны тексты, рассчитанные на чисто риторический эффект. Эти тексты представляют собой школьные упражнения, составленные учителями риторики и их учениками по заранее заданной схеме и предназначенные для развития ловкости речи и умения изобретать доказательства⁸.

2. Хотя история китайской риторики известна недостаточно, но тем не менее тип вымышленных речей, содержащихся в «Планах Сражающихся царств», представляется возможным определить исходя из античных образцов. Они соответствуют той разновидности декламационного красноречия, которую в римских риторских школах называли свазорией⁹.

Такого рода выводы могли бы показаться правдоподобными, если бы от рассматриваемого памятника и создавшей его эпохи не сохранилось ничего, кроме небольшого числа обращенных к правителям Сражающихся царств речей-советов, речей-наставлений, для которых характерны длинные морализующие рассуждения, излишнее многословие в разработке отдельных пунктов аргументации и бросающаяся порою в глаза чисто фи-

⁷ J. I. Crump, *The Chah-kuo t'se and its fiction*, стр. 305.

⁸ J. I. Crump, *Intrigues. Studies of the Chah-kuo t'se*, *Ann Arbor*, 1964, стр. 101—103.

⁹ То есть фиктивной «убеждающей речью», обращенной к какому-нибудь мифологическому или историческому герою.

зическая невозможность сообщаемых в них фактов. В этом случае весьма отдаленное формальное сходство последних с некоторыми образцами античной ораторской прозы стало бы единственным основанием для определения их характера и происхождения. Представляется вполне резонным, что при отсутствии какого-либо культурно-исторического контекста поверхностные аналогии с софистической риторикой заставили бы принять данные речи за пустые словесные ухищрения, полностью лишенные видимых реальных связей с действительностью.

Однако перед нами памятник, характеризующийся разнообразием повествовательного материала, разноликостью стилистической манеры, противоречивостью политических воззрений. Еще более важным представляется то, что в период Чжаньго, с которым связано содержание памятника, был создан ряд дошедших до наших дней исторических сочинений («Повествования о царствах», «Цзо чжуань»), дающих представление как о формах, так и об идеологических тенденциях тогдашней историографии. На протяжении этого периода сложилась богатая философская литература, в которой отразились характерные черты культурной и политической жизни Сражающихся царств. Того, кто будет судить о содержании «Планов Сражающихся царств» на основании этого богатого и разноголосого комплекса как внутренних, так и внешних по отношению к памятнику данных, вряд ли удовлетворит взгляд на него, как на набор риторических упражнений. Остановимся на некоторых внешних данных, которые, как нам кажется, особенно остро противоречат выводам американского ученого.

Теперь, когда в результате усилий историков разных стран достаточно хорошо изучен характер государственности и социально-политической жизни в древнем Китае, можно считать аксиомой утверждение, что там «не было почвы для расцвета ораторского искусства»¹⁰. До нас не дошло никаких известий о преподавании красноречия в школах ни в конце эпохи Чжоу, ни в начале Хань. Отсутствие публичного красноречия и необычайная ограниченность и специфичность той сферы, где

¹⁰ В. А. Рубин, Был ли в истории китайской литературы «этап ораторского искусства», — «Народы Азии и Африки», 1962, № 5, стр. 139.

прибегали к искусно построенной речи, препятствовали сложению в древнем Китае развитой риторической традиции, аналогичной по своему характеру античной.

Некоторые западные исследователи пытаются представить дело так, будто бы камерное красноречие древнекитайских придворных советников, философов и проповедников конфуцианской морали породило, подобно публичному красноречию античных ораторов, свою собственную риторическую теорию и практику. Следы ее обычно находят в главах «Трудности говорящего» и «Трудности убеждающего» трактата «Хань Фэй-цзы» и в главе «Речи, сказанные кстати» трактата «Люй ши чунью»¹¹. Однако мнение это не соответствует истине, ибо ни общие принципы построения речей, ни особые ораторские приемы, ни техника речи не нашли отражения в их содержании. В каждой строке этих глав авторы трактатов подчеркивают, что эффективность речи-совета, речи-убеждения зависит не от ее построения, не от способностей говорящего, а от умения последнего выбрать подходящий момент, когда правитель благосклонно отнесется к поучению. Действительно, в главе «Трудности убеждающего» сказано: «Трудности убеждающего — не есть трудности, которые зависят от моих знаний, вложенных в убеждающую речь, не есть трудности, которые зависят от моих способностей рассуждать, делающих ясными мои взгляды, не есть, наконец, трудности, которые зависят от моего дерзкого желания вложить все свои способности [в убеждающую речь]. Они состоят в том, чтобы, зная направление мыслей того, с кем говорю, согласовать с ним сказанное мною»¹². Следовательно, рассматриваемые здесь «методы убеждения» никакого отношения к риторике не имеют. По сути дела, это некоторые практические выводы из ходячей политической мудрости периода Чжаньго, призывавшей во всем и всегда применяться к обстоятельствам. Содержание вышеупомянутых глав весьма ярко свидетельствует о том, что в древнем Китае образованный человек, стремившийся к государственной деятельности, должен был выработать в себе совершенно иной комплекс умений и социальных реакций, нежели гражданин античного по-

¹¹ «Хань Фэй-цзы», цз. 1, стр. 14—16; цз. 4, стр. 60—66; «Люй ши чунью», цз. 15, стр. 170—172.

¹² «Хань Фэй-цзы», цз. 4, стр. 60.

лиса. В этих условиях искусство построения речи у носителей древнекитайской образованности, очевидно, ограничивалось рамками практических потребностей.

Следует добавить, что подготовка так называемых странствующих ученых и представителей некоторых других групп, относившихся к социальной категории ши¹³, включала, по-видимому, какие-то элементы риторики. Об этом, в частности, говорится в одной из полемических тирад трактата «Хань Фэй-цзы»: «Если взять тех, кто совершенствуется в литературе и науках, упражняется в речах и беседах, то они не трудятся на полях, но обретают богатство»¹⁴. Однако нет никаких оснований предполагать, что упоминаемая здесь выработка навыков практического красноречия была отражением развитой риторической традиции. Как мы уже отмечали, в древнем Китае не было для нее ни общественно-исторических условий, ни социальной силы, которая могла бы стать ее создателем и носителем. Что касается «странствующих ученых», то они, судя по тем немногочисленным объективным свидетельствам современников, которыми мы располагаем, играли третьестепенную роль в общественном организме Сражающихся царств¹⁵ и ран-

¹³ В V—III вв. до н. э. термин «ши» употребляли для обозначения таких привилегированных социальных групп населения, как профессиональные воины, низшие и средние слои бюрократии. Ср.: Кавадзи Сигэджо, Вопросы истории «ши» в доциньское время, — «Сириэн», т. XLII, 1959, № 5, стр. 31. Этот же термин выступал в качестве общего названия для наставников-энциклопедистов, проповедников конфуцианской морали, сторонников различных философских и этико-политических учений и «странствующих ученых». Общий перевод этого термина, ввиду его очевидной многозначности, весьма затруднителен. В разных конкретных случаях мы даем ему определяемые контекстом условные переводы: «воин», «наставник», «ученый» и т. д.

¹⁴ «Хань Фэй-цзы», цз. 19, стр. 347.

¹⁵ Впрочем, уже некоторые позднечжоуские авторы начинают тенденциозно преувеличивать влияние «странствующих ученых» на политическую жизнь Сражающихся царств (ср.: «Хань Фэй-цзы», цз. 19, стр. 348). Позднее складывается и получает широкое распространение взгляд, согласно которому в гибели шести Сражающихся царств были повинны дурные советники из числа «странствующих ученых», которые-де, не будучи связаны сколько-нибудь тесными узами ни с одним из тогдашних владений, легко изменяли своим «патронам» и превращали обман и подкуп в регулярное средство междуцарской дипломатии. Ср.: Да Ань, О политических советниках периода Чжаньго, — «Ячжоу сюешу цзачжи», т. I, 1922, № 3, стр. 13.

неханьской империи. Будучи категорией весьма неопределенной в политическом и идеологическом отношении, они обычно выступали в качестве разного рода царских дипломатических агентов и доверенных лиц государственных деятелей. В своих устных выступлениях и посланиях они выражали взгляды и мнения своих «патронов». Нет никаких достоверных данных о наличии развитых взаимных связей или преемственности в их среде. В таких условиях эта среда вряд ли могла выработать и постоянно поддерживать устойчивую школьную традицию риторического образования.

Приступая к изучению речей памятника, Крамп практически оставил в стороне данные древнекитайской литературной традиции, которые свидетельствуют, что в период Чжаньго вымышленная речь-совет была обычным конструктивным элементом исторического повествования, а также философских и этико-политических сочинений. Он изолировал речи «Планов Сражающихся царств» от их историко-культурного контекста. Относя их к категории лишенных конкретно-исторического содержания образцовых речей, пригодных для школьных целей, Крамп исходил не из внутреннего анализа, а из стремления провести «удобную» аналогию с фиктивными историческими речами поздних софистов: «На протяжении так называемой второй софистики в греческой и римской риторике получил распространение обычай, когда риторы предлагали своим ученикам [в качестве темы] исторические или легендарные события, по поводу которых последние должны были дать совет или предложить образ действий, как если бы они действительно были там. Эти школьные упражнения позднее стали весьма популярными как форма публичного красноречия, в которой риторы проявляли свое умение придумывать новые и замысловатые убеждающие речи и советы, соответствовавшие историческим ситуациям далекого прошлого. Эти упражнения получили название свазорий... Предположим, что китайская риторическая традиция включала такую схему, как свазория, предназначенную для обучения людей искусству убеждения; разве это не объяснило бы многое из того, что является наиболее загадочным в “Интригах” (т. е. в “Планах Сражающихся царств”. — К. В.)»¹⁶. Однако те «загад-

¹⁶ J. I. Crump, *Intrigues*, стр. 103.

ки», которые перечисляет затем Крамп в качестве примеров (Почему правители обычно выслушивали длинные речи своих советников, не прерывая их? Почему некоторые из этих речей присущи высокие литературные достоинства? Почему героям памятника удавалось в каждой данной ситуации выступать с удачными советами?), легко разрешимы и без помощи античных аналогий. Действительно, ответом на них служит простое признание того факта, что речи, лежащие в основе многих исторических текстов «Планов Сражающихся царств», вымышлены и представляют собой литературный прием для достижения определенных историографических или политических целей.

У то же время если вовлечь в сферу анализа более широкий, нежели в книге Крампа, круг материалов, то они поставят перед исследователем вопросы совсем иного рода, которые невозможно будет решить с помощью объявления этого памятника сборником риторических упражнений. К числу таких материалов принадлежит беседа некоего Дунь Жо с Цинь Ши-хуанди, относящаяся к тому времени, когда последний был еще циньским ваном: «Циньский ван захотел встретиться с Дунь Жо. Дунь Жо сказал: “Я взял себе за правило не наносить визитов [правителям]. Если ты, ван, сможешь избавить меня [от необходимости] являться к тебе с поклонами, то нам удастся встретиться, а в противном случае — нет”. Циньский ван разрешил ему. Поэтому, Дунь-цзы сказал: “Есть в Поднебесной такие, которые имеют свое достояние, но не имеют своего имени; и такие, которые не имеют своего достояния, но имеют свое имя; и такие, у которых нет ни своего имени, ни своего достояния. Ты, ван, знаешь о них?” Ван сказал: “Не знаю”. Дунь-цзы продолжал: “Торговец — это тот, кто имеет свое достояние, но не имеет своего имени. Земледелец — это тот, кто не имеет своего достояния, но имеет свое имя. Он пашет, когда спадут холода, он полет, когда зной опалает спину, но у него нет запасов зерна. Таким образом, он не имеет своего достояния, но имеет свое имя. А ты, ван, как раз тот, кто не имеет ни своего имени, ни своего достояния. Ты занял престол [в государстве] с десятью тысячами колесниц, но не имеешь имени почтительного сына, ты кормишься с земель протяженностью в тысячу ли, но не имеешь достояния почтитель-

ного сына”. Циньский ван изменился в лице от гнева. Дунь Жо продолжал: “К востоку от гор [Тайхан] лежат владения шести Сражающихся царств, но сила твоей власти давит не на [владения], расположенные к востоку от гор, а на твою мать¹⁷. Я полагаю, что тебе, великий ван, не получить [того, к чему стремишься]”. Циньский ван спросил: “Можно ли прибрать к рукам царства, основанные некогда к востоку от гор [Тайхан]?” Дунь-цзы сказал: “Хань — это глотка Поднебесной, а Вэй — это грудь и живот Поднебесной. Ты, ван, снабди меня в дорогу десятью тысячами золотых и разреши отправить в Хань и Вэй, чтобы привлечь на сторону Цинь служителей их алтарей земли и злаков, тогда Хань и Вэй последуют [за тобой]. Когда Хань и Вэй последуют [за тобой], можно будет строить козни и против всей Поднебесной”. Циньский ван сказал: “Мое царство бедно, боюсь, не смогу дать тебе [десять тысяч золотых]”. Дунь-цзы сказал: “Поднебесная никогда не пребывает в бездействии. Если [владения] не объединяются в союз по вертикали, то происходит сближение их по горизонтали. Если второе будет успешным, то циньский [правитель] станет императором; если успех достанется на долю первого, то чуский [правитель] останется ваном. Если циньский [правитель] станет императором, то вся Поднебесная превратится в его кормление. Если чуский [правитель] останется ваном, то окажись у тебя десять тысяч золотых, тебе не удастся воспользоваться ими, ибо они будут потрачены на нужды армии и государства”. Циньский ван сказал: “Хорошо”. Тогда снабдил его десятью тысячами золотых, послал на восток в Хань и Вэй, чтобы он проник к их сянам и военачальникам. [Еще] он ездил на север в Янь и Чжао и убил Ли Му. Циский ван прибыл ко двору. Четыре царства вынуждены были последовать за ним. Их уговорил Дунь-цзы¹⁸.

На вопрос, был ли данный текст составлен как иллюстрация к тезису, что хороший оратор может с одинаковым успехом сделать убедительным любой свой со-

¹⁷ К этой фразе Гао Ю дал следующий комментарий: «Циньский ван, носивший имя Чжэн, на том основании, что мать его вступила в тайную связь с Лао Аем, запер ее в юнмэньском дворце. Поэтому Дунь Жо и говорит: “Не можешь давить силой на шесть царств, а делаешь это по отношению к своей матери”».

¹⁸ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 79-а—80-а.

вет, по-видимому, следует ответить отрицательно. В речах Дунь Жо нет ничего, что напоминало бы системе логических доказательств, в них нет и следа техникам приемов софистической риторики. Они от начала и до конца заполнены прямыми или косвенными оскорблениями в адрес Цинь Ши-хуанди. Сперва Дунь Жо, сравнивая общественно-нравственную позицию представителей различных социальных слоев, ставит циньского вана ниже торговца и земледельца. Он указывает на то, что у его собеседника отсутствует важнейшая добродетель: сыновний долг. Далее следует вполне откровенный намек на обстоятельства, позорящие репутацию матери циньского вана. В заключительной части беседы и в ее повествовательной концовке Цинь Ши-хуанди изображен жадным и недалеким правителем, подчиняющим себе шесть царств не силой своего оружия, а подкупом и интригами. Очевидно, что этот текст не укладывается в прокрустово ложе концепции Крампа, ибо вряд ли хоть один здравомыслящий ритор решился бы обучать искусству убеждать собеседника с помощью доводов, содержащих самые жестокие оскорбления в его адрес.

Что же представляла собой эта явно вымышленная беседа? Может быть, просто литературную безделку, отражавшую распространенное в определенных кругах представление о Цинь Ши-хуанди и его советниках? По-видимому, нет. Ведь авторы, жившие в бурное время эпохи Чжоу — начала эпохи Хань, писали свои сочинения не для развлечения своих современников, а в первую очередь для того, чтобы активно содействовать развитию определенных тенденций в окружающей их действительности. В этих условиях подобный текст мог быть только политическим памфлетом с определенным адресом. Время составления его, очевидно, должно быть отнесено к годам антицинских войн и прихода к власти династии Хань (209—202 гг. до н. э.), когда сочинения, умалявшие престиж Цинь Ши-хуанди, могли иметь значение актуальных политических документов.

Следует остановиться также на том обстоятельстве, что весьма часто в исторических рассказах «Планов Сражающихся царств» главным предметом изложения является совсем не речь, а исторический факт или цепь фактов. В этих рассказах речи и разговоры действующих лиц служат лишь для более наглядного воссоздания

картины события. В качестве примера можно привести следующую историю: «Чуский Сян-ван в бытность его наследником престола содержался в качестве заложника в [царстве] Ци. Когда [чуский] Хуай-ван умер, то наследник стал прощаться с циским ваном, намереваясь возвратиться [на родину]. Циский ван задержал его. [Поставил ему условие]: “Отдай мне земли протяженностью в пятьсот ли, расположенные на востоке [царства Чу], тогда отпущу тебя. Не отдашь, не сможешь вернуться [на родину]”. Наследник сказал: „У меня есть наставник, дозвожь мне уйти и спросить у него [совета]”. Наставник по имени Шэнь-цзы сказал: “Подари ему земли, ведь только ради тела [любишь земли], но если из-за любви к землям откажешься от участия в проводах усопшего отца, то это будет нарушением долга. Поэтому я и говорю, что разумнее будет подарить их”. Войдя [в покои] циского вана, наследник объявил о своем решении: “С почтением преподношу земли протяженностью в пятьсот ли”. Циский ван отпустил чуского наследника. Когда последний, возвратившись [на родину], занял престол и стал ваном, [царство] Ци прислало посольство с пятьюдесятью колесницами, которое потребовало у Чу отдать восточные земли. Чуский ван, сообщив об этом Шэнь-цзы, спросил: “Циское посольство прибыло с требованием [отдать] восточные земли, что теперь делать?” Шэнь-цзы сказал: “Ты, ван, собери завтра во дворце своих сановников и каждому прикажи представить свои соображения”. Когда на аудиенцию явился шан чжу го (высшая опора государства)¹⁹ Цзы-лян, ван сказал ему: “Я получил возможность вернуться для участия в погребении вана, вновь встретиться со своими сановниками и вновь обрести алтари земли и злаков потому, что обещал Ци восточные земли протяженностью в пятьсот ли. Ци прислало посольство с требованием [отдать] земли. Что теперь делать?” Цзы-лян сказал: “Ты, ван, не можешь не отдать обещанного. Речи твои драгоценны. Ты обещал [земли] сильному Ци,

¹⁹ Шан чжу го и чжу го — высшие военные чины в царстве Чу. Они неоднократно упоминаются в тексте «Планов Сражающихся царств». Например, в обращении сановника восточночжоуского правителя к чускому полководцу Цзин Цую: «Ты, господин, владеешь титулом держащего нефритовый скипетр, владеешь чином опоры государства. Если ты одержишь победу в сражении, то [к ним] все равно ничего не добавишь» (цз. 2, стр. 3-б).

владеющему десятью тысячами колесниц. Если ты не отдашь их, то лишишься доверия и в дальнейшем не сможешь заключать договоры с владельцами [других царств]. Прошу отдать [земли], а затем вернуть, напад на [Ци]. Отдав земли, ты обрешь доверие, напад на [Ци], ты выкажешь воинственность. Поэтому я и говорю, чтобы ты отдал их“. Когда Цзы-лян вышел, на аудиенцию явился Чжао Чан. Ван сказал ему: “Прибыло циское посольство с требованием восточных земель протяженностью в пятьсот ли. Что теперь делать?” Чжао Чан сказал: “[Земли] нельзя отдавать. Ведь [царство] считается обладателем десяти тысяч колесниц тогда, когда вследствие обширности своих земель выставляет десять тысяч колесниц. Отдать восточные земли протяженностью в пятьсот ли — это все равно что отнять половину [у Сражающегося царства]. Хотя сохраним звание обладателя десяти тысяч колесниц, но не будем [иметь средств] для содержания и тысячи колесниц. Это недопустимо, поэтому я советую не отдавать [земли]. Я прошу защищать их“. Когда Чжао Чан вышел, на аудиенцию явился Цзин Ли. Ван сказал ему: “Прибыло циское посольство с требованием восточных земель протяженностью в пятьсот ли. Что теперь делать?” Цзин Ли сказал: “Нельзя отдавать [земли]. Однако Чу не сможет оборонять их в одиночку. Речи твои драгоценны. Ты обещал [земли] сильному Ци, обладающему десятью тысячами колесниц, и если не отдашь, то перед всей Поднебесной будешь отвечать за нарушение принципа справедливости. Чу к тому же не может в одиночку защищать их, я прошу обратиться за помощью на запад в [царство] Цинь“. Когда Цзин Ли вышел, явился Шэнь-цзы. Ван рассказал ему о соображениях трех сановников... Шэнь-цзы сказал: “Используй все сразу“. Разгневанный ван спросил: „Как это понять?!“ Шэнь-цзы сказал: “Я прошу осуществить их советы, и ты увидишь, насколько они были искренни. Ты пошли шан чжу го Цзы-ляна в сопровождении пятидесяти колесниц на север для передачи земель протяженностью в пятьсот ли [царству] Ци. На следующий день отправь Чжао Чана защищать восточные земли, сделав его да сыма²⁰. На следующий

²⁰ Да сыма (великий сыма) — высший военный чин в царстве Чу, следующий непосредственно за чжу го.

день пошли Цзин Ли в сопровождении пятидесяти колесниц на запад просить помощи у Цинь". Ван сказал: "Хорошо". Тогда послали Цзы-ляна на север, чтобы подарить земли [царству] Ци. На следующий день назначили Чжао Чана на должность да сыма и отправили защищать восточные земли. Еще послали Цзин Ли на запад, чтобы просил о помощи у [царства] Цинь. Когда Цзы-лян прибыл в Ци, это царство послало своих людей, чтобы они с помощью латников забрали восточные земли. Чжао Чан ответил цискому послу: "Я ведаю и распоряжаюсь восточными землями, с ними вместе выстою или погибну. Всех [местных жителей — мужчин], начиная с достигших роста в пять чи²¹ до шестидесятилетних, числом более трехсот тысяч, одену в изношенные панцири, вооружу затупившимся оружием. Я намерен принять [удар ваших войск] даже при неблагоприятных обстоятельствах". Циский ван обратился к Цзы-ляну: "Как же так: ты, сановник, прибыл, чтобы подарить нам земли, а Чан защищает их?" Цзы-лян сказал: "Я самолично получил повеление от нашего вана: значит, Чан подделал [его приказ]. Ты, ван, напади [на восточные земли]". Циский ван развернул военные приготовления, чтобы напасть на восточные земли и покарать Чжао Чана. Не успели [его войска] перейти границу, как Цинь с пяти-соттысячной армией приблизилось к западным областям [царства] Ци. При этом оно заявило: "То, что вы не отпускали чуского наследника престола, было бесчеловечно. То, что вы хотите отнять у него восточные земли протяженностью в пятьсот ли, несправедливо. Если вы отведете своих латников, то можно будет [уладить дело миром]. В противном случае мы намерены сражаться". Циский ван испугался. Попросил Цзы-ляна отправиться на юг и объявить в Чу, [что он отказывается от восточных земель]. Был отправлен посол на запад в [царство] Цинь, чтобы рассеять опасность, нависшую над Ци. Воинам не пришлось сражаться, а восточные земли по-прежнему остались в неприкосновенности"²².

В этом тексте со всей очевидностью проявляется интерес его автора не только к речам, но и к действию. Безымянный автор, создавая серию коротких речей-со-

²¹ То есть пятнадцатилетних.

²² «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 30-а—32-а.

ветов, вложенных им в уста сановников чуского вана, руководствовался не стремлением к риторическому эффекту, а логикой ситуации. Недостоверность ряда моментов этой ситуации²³, очевидно, определялась легендарным характером его источников. Однако зависимость автора от недостоверной традиции отнюдь не свидетельствует о том, что он смотрел на событие как на нечто, не имеющее никакого значения. Каждому непредвзятому наблюдателю видно, как много в вышеприведенном тексте конкретных черт реальной действительности периода Чжаньго, что естественно для исторического повествования, но не для риторического упражнения.

В «Планах Сражающихся царств» есть эпизоды, имеющие характер исторических новелл, в которых прямая речь сведена к минимуму: «Ци, Хань и Вэй совместно напали на [царство] Янь. Янь послало наследника престола просить помощи у [царства] Чу. Чуский ван направил в помощь им полководца Цзин Яна. Когда [его армия] остановилась на ночлег, левый сыма и правый сыма были посланы, чтобы обозначить территорию укрепленного лагеря вешками. Цзин Ян пришел в гнев: “Вы так разместили лагерь, что в случае разлива рек водой снесет все вешки. Разве можно здесь располагаться на ночлег?!” Вслед за тем распорядился перенести [лагерь]. На следующий день пошел сильный дождь. Горные потоки разлились. Вода снесла в лагере все вешки. [Чуским] военачальникам пришлось тогда подчиниться [обстоятельствам]. Поэтому вместо того чтобы помогать Янь, [чусцы] напали на вэйский [город] Юнцю. Они захватили его и передали [царству] Сун. Три царства испугались и прекратили военные действия [против Янь]. Армия [царства] Вэй подступила к [лагерю Цзин Яна] с запада. Армия [царства] Ци подступила к нему с востока. Когда же чуская армия вознамерилась

²³ Так, в начале этого текста сказано, что чуский наследник в связи со смертью своего отца Хуай-вана уехал на родину, где и занял престол. Эта версия не соответствует истине. Источники, заслуживающие доверия в данном вопросе («[История] наследственного дома Чу» и «Погодовые таблицы шести царств»), утверждают, что Цинсян-ван начал править в Чу, когда Хуай-ван был еще жив, но находился в плену в Цинь. Согласно их данным, смерть Хуай-вана в плену последовала лишь в 296 г. до н. э., т. е. через три года после того, как его сын стал чуским ваном. См.: Сым а Цянь, Записи историографа, цз. 15, стр. 1140; цз. 40, стр. 2539.

вернуться, то не смогла сделать этого. Тогда Цзин Ян отворил западные ворота [своего лагеря], называвшиеся «Согласие», и стал открыто посылать в сторону Вэй гонцов, которых днем сопровождали колесницы и всадники, а ночью — факельщики. Циские военачальники пришли в замешательство, решив, что Янь и Чу вошли в сговор с Вэй. Тогда они собрали войска и отступили. После отступления циских войск Вэй, потерявшее своего союзника, лишившееся того, с кем могло бы совместно атаковать Чу, покинуло ночью [свои позиции]. Тогда чусцы вернулись [на родину]»²⁴.

Приведенные выше примеры показывают, что концепция Крампа вступает в противоречие с содержанием «Планов Сражающихся царств». Абсолютизируя тот факт, что в тексте этого сочинения встречаются исторически недостоверные материалы, Крамп выказывает скептическое отношение к любым попыткам восстановить его реальную историческую основу. Его концепция совершенно игнорирует богатство и интенсивность древнекитайского исторического предания, игравшего столь заметную роль в общественной и литературной жизни Сражающихся царств. Анализ этого предания, осуществленный современными исследователями, весьма нередко обнаруживает рядом с наслоениями тенденциозного вымысла следы подлинно исторических фактов. Так, известно, что в западной синологии особым недоверием пользуются речи Су Циня, часть которых действительно содержит очевидные искажения исторической истины. Однако Сюй Чжун-шу открывает перед историками возможность обнаружить достоверные данные даже в тех рассказах «Планов Сражающихся царств», героем которых является Су Цинь. По словам Сюй Чжун-шу, Су Циню «принадлежат деяния, которых не коснулось людское забвение, они были совершены в канун поглощения шести царств царством Цинь и к тому же [по своей сути] соответствовали потребностям действовавших в те годы сторонников антициньского объединения царств. Тогда сторонники антициньского объединения царств, взяв за основу вышеупомянутые деяния, вылепили в соответствии со своими представлениями образ [Су Циня]... По этой причине предания о Су Цине хотя и не

²⁴ «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 37-6, 38-а.

принадлежат целиком достоверной истории, но и не относятся целиком к области вымысла»²⁵. В других случаях мы сталкиваемся в рассматриваемом сочинении с текстами, в ткань которых введены материалы, целиком принадлежащие достоверной истории. Итак, приведенные нами факты и наблюдения ученых свидетельствуют, что при составлении ряда речей, представленных сейчас в «Планах Сражающихся царств», во главу угла был поставлен интерес к самим событиям, разбираемым в этих речах, что авторы последних в своем творчестве опирались на реально-исторические данные. Это заставляет нас возвратиться к высказанному еще древними библиографами взгляду, что «Планы Сражающихся царств» представляют в основе своей историческое сочинение. Препятствием на пути к утверждению этого взгляда служит необычайность его формы. Однако историографическое назначение этой формы станет понятным, если связать ее с определенной традицией объяснения исторических событий. Действительно, в том случае, когда под влиянием актуальных политических потребностей люди пытались представить себе, что в той или иной конкретно-исторической ситуации прошлого было бы разумно предпринять, имея в виду такие-то и такие-то цели, наиболее подходящим оказалось объяснение человеческих действий в терминах намерений и планов.

С первых же шагов анализа содержания «Планов Сражающихся царств» как исторического сочинения становится очевидным, что в понимании исторической реальности и в объяснении хода исторических событий между этим сочинением и таким выдающимся памятником позднечжоуской исторической литературы, как «Цзо чжуань», имеются разительные расхождения. В самом деле, в «Цзо чжуане» дано последовательное описание жизни древнекитайских царств на протяжении периода Чуньцю, освещенное верой в непреклонный закон небесного воздаяния. Каждый из фактов истории этих царств, взятый в отдельности, обычно раскрывается как проявление доброй или злой воли человека. Этический принцип в данном памятнике выступает в качестве важнейшего элемента исторического рассказа. По словам

²⁵ Сюй Чжун-шу, О формировании текста «Планов Сражающихся царств», а также о проблемах, связанных с Су Цинем, — «Лиши яньцзю», 1964, № 1, стр. 136—137.

Уотсона, история в «Цзо чжуане» помещена в «сферу моральной ответственности людей»²⁶. Иное в «Планах Сражающихся царств». В обычных для этого сочинения фрагментарных рассказах об отдельных моментах взаимоотношений между Сражающимися царствами место этического постулата занимает практическая мудрость. Вот, к примеру, приведенная в «Планах царства Вэй» история того, как позор, обрушившийся на вэйского вана после гибели вэйской армии под Малином²⁷ (341 г. до н. э.), стал источником посрамления его врагов: «[Царства] Ци и Вэй сражались под Малином. Ци одержало большую победу над Вэй, убило наследника престола Шэня, нанесло поражение стотысячной армии. Вэйский ван призвал Хуй Ши и, поведав ему об этом, сказал: “Ведь Ци — мой враг, ненависть к которому не ослабнет до конца дней моих. Хотя моя страна невелика, но у меня часто возникает желание собрать все войска и ударить по нему. Каково будет, [если сделаю так]?”. Тот ответил: “Нельзя этого делать. Я слышал, что у ванов была мера, а тем, кто стоял во главе правителей, был знаком расчет. В том, о чем ты, ван, поведал мне, нет ни меры, ни расчета. Тобой некогда владела ненависть к Чжао, а потом ты стал воевать с [царством] Ци. Война не принесла тебе победы, страна не подготовлена к обороне, а ты еще хочешь собрать все войска и кинуть их на Ци. Это расхочется с тем, что я тебе сообщил [о мере и расчете]. Если ты ван, хочешь отомстить Ци, то лучше всего, сменив одеяние и приняв униженный вид, отправиться ко двору в Ци. У чуского вана это вызовет гнев. Если посланные тобою люди натравят их друг на друга, то Чу пойдет войной на Ци. А если отдохнувшее Чу нападет на измотанное Ци, то последнее непременно станет добычей Чу. Так ты, ван, с помощью Чу повергнешь Ци”. Вэйский ван согласился с ним и послал гонца сообщить в Ци о своем желании стать подданным [циского вана] и прибыть к его двору. Тянь Ин дал согласие на это. Чжан Чоу сказал: “Не следует [соглашаться]. Если бы [Ци] совершило церемонию обмена визитами и заключило союз с Вэй, не выиграв у него вой-

²⁶ B. Watson, *On the Thought and Style of the Tso-chuan*, — «Тохōгаку», т. XIV, 1957, стр. 5 (резюме на англ. яз.).

²⁷ На территории современного уезда Пусянь провинции Шаньдун.

ны, если бы [затем] оно выступило против Чу,— вот тогда можно было бы [рассчитывать] на большую удачу. Теперь же [Ци] одержало победу над Вэй, нанесло поражение стотысячной армии, захватило наследника Шэня, покорило [царство] Вэй, обладающее десятью тысячами колесниц, стало впереди [царств] Цинь и Чу, доведя таким образом до предела свои притеснения. К тому же чуский ван из тех людей, которые любят пускать в ход оружие и гоняются за славой. Чу всегда будет доставлять заботы [царству] Ци”. Тянь Ин не послушал его и, приняв вэйского вана, много раз присутствовал вместе с ним на приемах у циского хоу. У дома Чжао это вызвало ненависть, у чуского вана — гнев. Он самостоятельно выступил в поход против Ци. Чжао оказало ему содействие. Ци потерпело великое поражение близ Сюйчжоу»²⁸.

В этом рассказе непомерная гордыня царства Ци, принимающего от вэйского вана почести, которые, согласно традиционным взглядам того времени, полагалось воздавать лишь Сыну неба, рассматривается не как нарушение нравственного принципа, а как опасный политический просчет. Весь ход событий здесь определяет прямолинейное столкновение удачных и неудачных схем внешнеполитических акций.

Эмпиризм содержания «Планов Сражающихся царств» был обусловлен не каким-то особым складом общеидеологических представлений и политических взглядов их создателей, а тем, что круг последних состоял из людей, в творчестве своем всецело находившихся под влиянием повседневного опыта. С позиций «наивного реализма», присущего обыденному сознанию участников политической борьбы конца Чжаньго — начала Хань, политические замыслы и планы, содержание которых сводилось к вероломству и предательству, к вооруженному грабежу и другим формам присвоения чужого, к ежеминутному переходу от обмана к насилию, казались единственным источником исторических перемен.

У всякого, кто знакомится с материалами официальной чжоуской историографии, возникает впечатление, что ее создатели были весьма далеки от восприятия

²⁸ На территории современного уезда Тэнсянь провинции Шаньдун. «Планы Сражающихся царств», изд. 7, стр. 9-6—10-6.

истории как внутренне связанного причинно-следственного ряда. Хронисты Сражающихся царств не составляли здесь исключения. Содержание официальных хроник V—III вв. до н. э., судя по тем фрагментам, которые дошли до нас, обычно сводилось к простой — факт за фактом регистрации событий, иногда сопровождавшейся их морально-политической оценкой. Подобный метод описания исторического материала весьма наглядно отразился в синтаксическом строе тех чжаньгоских хроникальных текстов, которые сохранились на страницах труда Сыма Цяня (в разделах «Основные записи», «[Истории] наследственных домов»). Их синтаксический строй характеризуется монотонным чередованием простых предложений и почти полным отсутствием пояснительных союзов, символизирующих причинные связи. Таким образом, из хроникального контекста обычно бывает трудно уяснить, почему правители Сражающихся царств принимали то или иное решение, поступали так, а не иначе, неясными остаются скрытые пружины отдельных побед и поражений.

Однако, как мы отмечали выше²⁹, за пределами официальных хроник существовала особая, богатая и многоликая историческая традиция. Вокруг каждого из крупных событий в истории Сражающихся царств складывались устные предания, сохранявшие не только их общие очертания, но и некоторые подробности, восходившие к свидетельствам непосредственных участников и очевидцев. Высказывания чжаньгоских правителей, высших сановников, дипломатов и военачальников, касающиеся их важнейших внутренне- и внешнеполитических свершений, сохранялись либо в кратких документальных записях, либо в устойчивой устной традиции, передававшей их поколения в поколение суть этих высказываний. Закономерным явлением в общественно-политической жизни Сражающихся царств, большинство которых обладало богатым культурно-историческим наследием, был процесс позднейшего осмысления и переосмысления тех событий, которые оставили след в их судьбе. Конечно, участвовавшие в этом процессе могли обладать лишь проблесками прагматического мышления. Но в отличие от регистраторов-хронистов они пытались связать между

²⁹ См. гл. III, раздел 2 настоящей работы.

собой отдельные хронологически близкие факты и показать, как данное событие сделалось необходимым вследствие существования у людей, его совершивших, тех или иных мотивов и намерений³⁰. В процессе позднейшего осмысления событий сухая запись современника-хрониста могла быть в лучшем случае использована как исходная точка повествовательной конструкции. Основа же ее складывалась под влиянием устного предания или же материалов, собранных любителями политического красноречия.

Отмеченные нами особенности достаточно четко прослеживаются в тексте ранее приведенной истории о том, как позор, перенесенный вэйским правителем после гибели вэйской армии под Малином, стал источником посрамления его врагов. По свидетельству письменных памятников конца периода Чжаньго в исторической традиции того времени сохранялась вполне достоверная память о том, что Хуй Ши в год малинской битвы и позже был первым советником вэйского правителя³¹ и что именно по его настоянию последний стал оказывать особые почести цискому правителю³². В разных источниках сохранились также следы предания о том, как вэйский правитель пытался найти с помощью ученых, собранных со всей Поднебесной, средство для отпущения царству Ци за позор поражения и гибель сына³³. Малинская битва даже в бесцветном описании хрониста производит и, очевидно, производила впечатления из ряда вон выходящего события. Вопрос о ее влиянии на внешнеполитические судьбы победителя и побежденно-го, наверное, ставился в период Чжаньго неоднократно.

³⁰ В этой связи уместно отметить, что в дошедших до нас памятниках древней историографии мы не раз сталкиваемся с проявлениями активного недовольства голым фактологизмом официального летописания, со стремлением противопоставить ему такое историческое повествование, в котором были бы указаны причины событий, мотивы действий разных лиц и т. д. Так, римский историк Семпроний Азеллион (II в. до н. э.), отвергая историографическую манеру анналистов, писал: «Нам, как я вижу, недостаточно изложить только то, что было сделано, но еще следует показать, с какой целью и по какой причине оно было совершено» («История римской литературы», т. I, М., 1959, стр. 129).

³¹ «Люй ши чуньцю», цз. 18, стр. 229.

³² Там же, цз. 19, стр. 282.

³³ «Мэн-цзы», цз. I, стр. 39; Сыма Цянь, Записи историко-графа, цз. 44, стр. 2743, 2744.

Безымянный сочинитель текста, который впоследствии вошел в «Планы Сражающихся царств», пришел к убеждению, что тень малинской битвы легла на два последующих, хронологически близких ей события — на инспирированное царством Вэй провозглашение циского правителя ваном (334 г. до н. э.) и на суйчжоускую битву, в которой чусцы уничтожили армию циского полководца Шэнь Фу (333 г. до н. э.). В результате синтеза разнородных исторических свидетельств приписываемая Хуй Ши мысль провозгласить циского правителя ваном, чтобы добиться у него покровительства для царства Вэй, обернулась в рассматриваемом рассказе искусным планом возбуждения ненависти к Ци и средством отмщения за малинский позор. План Хуй Ши, толчком для которого послужила малинская битва, представлялся безымянному сочинителю источником двух важных исторических событий, имевших место много лет спустя после этой битвы. Конечно, такого рода «зависимость» между событиями носит крайне «субъективный характер; при ее фабрикации не были учтены влияния многообразных внутренне- и внешнеполитических факторов, действовавших между 341 и 333 гг. до н. э.

Более правдоподобным представляется содержащееся в «Планах Сражающихся царств» восстановление причинно-следственного контекста следующей хроникальной записи в «[Истории] вэйского наследственного дома»: «На 6-м году [правления Сян-вана]... Цинь забрало наши [города] Фэньинь, Пиши³⁴ и Цзяо. Вэй пошло войной на [царство] Чу, нанесло ему поражение в Синшане. На 7-м году Вэй отдало всю [область] Шанцзюнь [царству] Цинь»³⁵. Из первой части данного сообщения, относящейся к 329 г. до н. э., остается неясным, каким образом царство Вэй, ослабленное столкновением с царством Цинь и понесшее значительные территориальные потери, решилось сразу же развязать новую войну со своим могущественным южным соседом. Что же касается второй части, относящейся к 328 г. до н. э., то здесь отсутствует какая-либо информация о причинах передачи царством Вэй царству Цинь огромной области, расположенной на западе страны.

³⁴ На территории современного уезда Хэцзинь провинции Шаньси.

³⁵ С ы м а Ц я н ь, Записи историографа, цз. 44, 2746.

Ответ на эти вопросы содержится в двух небольших рассказах, представленных в сунской редакции «Планов Сражающихся царств»:

«Цинь и Чу напали на Вэй. Окружили город Пиши. [Некто] в интересах [царства] Вэй сказал чускому вану: “Победа Цинь и Чу над Вэй испугает вэйского вана. Предвидя свою гибель, он непременно войдет в союз с Цинь. Отчего бы тебе, ван, не изменить Цинь и не договориться с вэйским ваном. Вэйский ван будет обрадован и отправит [в Чу] наследника престола. Цинь, боясь потерять Чу, отдаст тебе города и земли. Ты, ван, опять сможешь в союзе с ним напасть на Вэй”. Чуский ван согласился с ним и, изменив Цинь, договорился с Вэй. Вэй отправило в Чу наследника престола. Цинь испугалось. Обещая Чу города и земли, оно выразило желание в союзе с ним вновь напасть на Вэй. Шу Ли-цзи разгневался и захотел в союзе с Вэй напасть на Чу. Однако [у него] возникли опасения, как бы Вэй не отказалось из-за того, что [вэйский] наследник престола находится в Чу. [Некто] в интересах [Шу Ли-]цзи обратился к чускому вану: “Иноземный сановник [Шу Ли-]цзи послал меня со следующим сообщением: наш ван желает отдать города и земли, но не решается это сделать, поскольку вэйский наследник все еще пребывает в Чу; если ты, ван, выпроводишь вэйского заложника, то я попрошу передать [тебе] их и вновь укреплю взаимность между Цинь и Чу, чтобы ускорить выступление против Вэй”. Чуский ван согласился и выпроводил вэйского наследника. Воспользовавшись этим, Цинь заключило союз с Вэй, чтобы напасть на Чу»³⁶.

«Чу и Вэй сражались в Синшане³⁷. Вэй пообещало Цинь [область] Шанло, чтобы отдалить Цинь от Чу. Вэй в этой войне одержало победу над Чу. Нанесло ему поражение в Наньяне. Цинь потребовало у Вэй [обещанное] вознаграждение. Вэй отказалось. Гуань Цянь обратился к циньскому вану: “Отчего бы тебе, ван, не сказать чускому вану так: Вэй обещало мне земли; теперь, победив в войне, вэйский ван изменил мне; отчего бы тебе, ван, не встретиться со мной. Вэй испугается союза между Цинь и Чу и отдаст Цинь земли. Так, хотя Вэй

³⁶ «Планы Сражающихся царств», цз. 7, стр. 31-а, б.

³⁷ На территории современного уезда Синьчжэн провинции Хэнань.

и победило Чу, но ему придется лишиться земель, уступив их Цинь. Следовательно, ты, ван, с помощью вэйских земель окажешь мне благодеяние, а Цинь [в свою очередь] отправит в Чу множество даров. Вэй лишено сил. Если оно не отдаст земли, то ты, ван, нападешь на него с юга, а я отрежу его с запада. Вэй попадет в опасное положение". Циньский ван согласился с ним. Поэтому дали знать в Чу. Чуский ван во всеуслышание заявил о [предстоящей] встрече с циньским [ваном]. Узнав об этом, вэйский ван испугался и передал Шанло [царству] Цинь»³⁸.

Идентичность описываемых здесь событий тем, о которых говорится в цитате из труда Сыма Цяня, современные исследователи считают несомненной³⁹. Некоторое недоумение вызывает лишь то, что у Сыма Цяня переданная царством Вэй царству Цинь территория названа Шанцзюнь, а в «Планах Сражающихся царств» — Шанло. Смысл последнего топонима весьма прозрачен — земли в верховьях реки Лошуй (или Бейлошуй). Согласно данным исторической географии, на этих же землях, в северо-восточной части современной провинции Шэньси, располагался и циньский Шанцзюнь, или Верхний военно-административный округ. Он был учрежден здесь через 50 лет после того, как данная территория перешла под контроль царства Цинь. В сводке материалов о западных цянях, вошедшей в состав «Истории Поздней Хань», имеется достаточно определенное свидетельство об этом: «На 43-м году (чжоуского) Нань-вана (т. е. в 272 г. до н. э.) циньская Сюань-тайхоу заманила вана ицзюйских [жунов] во дворец Гань-цюань, чтобы убить его. Вследствие этого военные действия [против ицзюйских жунов] и уничтожили их. Впервые учредили [военно-административные округа] Лунси, Бэйди, Шанцзюнь»⁴⁰. Значит, и в «Планах Сражающихся царств», и у Сыма Цяня речь шла об одной и той же области. Только в первом случае она выступает под своим традиционным наименованием, а во втором — под тем, которое она получила в 272 г. до н. э.

³⁸ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 7-а, б.

³⁹ Чжун Фэн-нянь, Исследования «Планов [Сражающихся] царств», гл. Оглавление материалов, содержащихся в тексте «Планов Сражающихся царств», изданном Яо Хуном, стр. 13.

⁴⁰ «История Поздней Хань», цз. 117, стр. 1076.

В вышеприведенных рассказах дана картина калейдоскопической смены эфемерных военно-дипломатических объединений на протяжении 329—328 гг. до н. э., участниками которых выступают царства Вэй, Цинь и Чу. События развиваются по многократно повторяющейся схеме: в апогее военно-дипломатической активности объединения один из союзников изменяет своему партнеру и вступает в сговор с их общим противником. В качестве движущей силы развития этих схематизированных ситуаций выставляется либо стремление правителей и высших сановников царств любыми средствами добиться политического преобладания и территориальных приобретений, либо их личные политические антипатии. Что же касается тех фактических сообщений, которые вместе с речами героев заполняют каркас данной схемы, то они, по-видимому, отражают некоторые моменты исторической реальности. К числу последних, очевидно, относится то обстоятельство, что выступление царства Вэй против царства Чу в 329 г. до н. э. было обусловлено его союзническими обязательствами по отношению к царству Цинь. Весьма реалистически выглядит также истолкование земельных уступок царства Вэй в пользу царства Цинь как платы последнему за его измену царству Чу.

Характерные черты исторического отношения к прошлому сохранились в рассказе о головокружительной карьере Шан Яна, знаменитого циньского реформатора середины IV в. до н. э. В современном тексте памятника этот рассказ открывает раздел «Планы царства Цинь». Одним из наиболее драматических моментов в жизни Шан Яна была его вражда с циньским наследником престола, которая в конце концов привела реформатора к гибели. Хорошо известна следующая циньская версия истории взаимоотношений Шан Яна с наследником и его окружением, сохранившаяся в «Основных записях [царства] Цинь»: «Сяо-гун умер⁴¹. Престол занял его сын Хуйвэнь-цзюнь. В этом году казнили Вэй Яна [т. е. Шан Яна]. Вначале, когда Ян стал вводить законы в [царстве] Цинь, их не исполняли, [сам] наследник престола нарушал запреты. Ян сказал: “Неисполнение законов начинается со знатных и родственников правителя. Если

⁴¹ Это событие имело место в 338 г. до н. э.

ты, господин, хочешь сделать законы действенными, то примени их вначале к наследнику”. Поскольку наследника нельзя было подвергать наказанию, связанному с клеймением, был заклемен его наставник. Тогда законы получили широкое применение, а среди жителей [царства] Цинь утвердился порядок. В ту пору, когда Сяогун умер и наследник занял престол, многие из числа членов правящего дома ненавидели Яна. Ян бежал, поэтому его сочли изменником и казнили, четвертовав с помощью колесниц в назидание всему царству Цинь»⁴².

Итак, составители данного текста искали причины вражды Шан Яна и циньского наследника престола в тех столкновениях, которые имели место между ними в первые годы осуществления реформ. В качестве обстоятельства, приблизившего трагический исход вражды, здесь отмечено то, что после смерти Сяогуна в окружении нового вана оказалось много людей, активно ненавидевших реформатора.

В рассказе «Планов Сражающихся царств» сохраняется в общих чертах та же причинная последовательность, но в цепь событий, приведших к казни Шан Яна, введены звенья, сообщающие необычайную остроту и напряженность тем мотивам, которыми руководствовался Хуйвэнь-ван в своем стремлении устранить фаворита отца. Особенно выразительно содержание следующего отрывка: «Сяогун следовал [советам Шан Яна] восемь лет. Когда он заболел, то не смог уже больше подняться [с ложа]. [Он] пожелал передать [бразды правления] Шан-цзюню, но тот отказался. После смерти Сяогуна ему наследовал Хуй-ван. Вскоре после того как он занял престол, Шан-цзюнь попросил дозволения вернуться [на родину]. Люди стали говорить Хуй-вану: “Чрезмерный рост влияния сановника опасен для государства, чрезмерная близость придворного опасна для тебя самого. Ныне в Цинь даже женщины и дети говорят о законах Шан-цзюня, но никто не говорит о твоих законах, великий ван. Значит, Шан-цзюнь стал как бы владыкой, а ты, великий ван, превратился в [его] подданного. К тому же Шан-цзюнь твой [давний] враг. Хотим, чтобы ты, великий ван, поразмыслил над этим”. Шан-цзюнь отправился на родину, но [вынужден был] возвра-

⁴² Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 5, стр. 383.

таться обратно. Хуй-ван казнил его, разорвав колесницами, а в [царстве] Цинь никто не пожалел о нем»⁴³.

Значит, по мнению автора [или авторов] этого рассказа, Хуйвэнь-ван преследовал Шан Яна не столько из-за старой вражды, сколько из-за того, что видел в нем своего непосредственного и весьма влиятельного политического соперника, который однажды, вопреки традициям престолонаследия, чуть было не стал правителем царства Цинь.

Во всех разобранных примерах причинно-следственные конструкции имеют сугубо рационалистический характер. Однако «Планам Сражающихся царств» известны случаи осмысления исторических событий с позиций политических легенд, апеллирующих к сверхъестественным силам. По своей тематике такие легендарно-политические предания связаны обычно с острыми моментами политической жизни Сражающихся царств. Один из таких моментов имел место в 285—284 гг. до н. э., когда победа коалиции пяти царств над царством Ци привела к оккупации почти всей его территории армиями царства Янь. Тогда же произошло событие, впоследствии долго занимавшее умы и волновавшее сердца людей: циский Минь-ван, бежавший в город Цзюй, незапятный оккупантами, неожиданно был убит чуским военачальником Нао Чи, присланным в царство Ци оказать ему помощь. Из «Записей историографа» об этом событии известно весьма немного: «[Царство] Чу послало Нао Чи, стоявшего во главе войска, на выручку [царства] Ци. По этой причине он стал сяном циского Минь-вана. Тогда Нао Чи убил Минь-вана и поделил с царством Янь захваченные земли и драгоценности»⁴⁴. Это рационалистическое истолкование мотивов убийства Минь-вана резко расходится с содержанием одного из повествований «Планов царства Ци», где цепь искусно подобранных эпизодов рисует Минь-вана тираном и бездарным военным вождем. Трагический конец циского правителя представлен здесь как последний акт исполненного высшей справедливости возмездия за его жестокость и неразумие: «Ван бежал в Цзюй. Нао Чи стал ему выговаривать: “Между Цяньчэном и Бочаном над землями

⁴³ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 1-6—2-а.

⁴⁴ Сымачэнь, «Записи историографа», цз. 46, стр. 2837.

в несколько сот ли прошел кровавый дождь, промочивший одежды. Ты, ван, знаешь об этом?“ Тот ответил: “Не знаю”. [Нао Чи продолжал]: “Между Ином и Бо земля раскололась до потока. Ты, ван, знаешь об этом?“ Тот ответил: “Не знаю”. [Нао Чи спросил еще:] “Было так, что среди людей, стоявших перед воротами дворца, раздались стенания. Когда стали искать стенавшего, то не нашли. Когда удалились [от ворот], то услышали его голос. Ты, ван, знаешь об этом?“ Тот ответил: “Не знаю”. Нао Чи сказал: “В том, что небо послало кровавый дождь, промочивший одежды, заключено изъяснение [недовольства] неба. В том, что земля раскололась до потока, заключено изъяснение [недовольства] земли. В том, что среди людей, стоявших перед воротами дворца, раздавались стенания, заключено изъяснение [недовольства] людей. И небо, и земля, и люди изъяснили свое [недовольство тобою], а ты и не знаешь об этих предостережениях! Как допустить, чтобы это осталось без наказания?“ Тогда убил Минь-вана в квартале Гу»⁴⁵. Легенда о том, что Минь-ван погиб от руки Нао Чи, потому что последний был избран небом, землею и людьми орудием отмщения цискому правителю, по своей идеологическо-литературной основе явно близка к фольклорным прозаическим сказаниям.

Основанные на преданиях рассказы «Планов Сражающихся царств» ценны для историка не только тем, что они донесли до нас элементы характерных для позднечжоуского времени суждений об исторических лицах и событиях, но и тем, что они насыщены весьма выразительными реальными подробностями. Те из них, которые выдерживают испытания на аутентичность в процессе строжайшей исторической критики, могут иметь неопределимое значение для воссоздания политической истории периода Чжаньго. Так, например, «Планы Сражающихся царств» содержат данные, которые помогают раскрыть тенденциозность официального циньского летописания в освещении обстоятельств, связанных со съездом правителей в Фэнцзэ⁴⁶, и установить историческую истину в этом вопросе. В «Основных записях [царства] Цинь» сказано: «На 20-м году [правления циньского Сяо-

⁴⁵ «Планы Сражающихся царств», изд. 4, стр. 50-б—51-а.

⁴⁶ К северо-востоку от современного Кайфэна.

гуна]⁴⁷ все правители представили поздравления, Цинь послало царского сына по имени Шао-гуань во главе армии, чтобы собрал правителей в Фэнцзэ и присутствовал на приеме у Сына неба»⁴⁸. В «Погодовой таблице шести царств» под 342 г. до н. э. приведена сокращенная версия этой записи: «Все правители представили поздравления, [Шао-гуань] собрал правителей в [Фэн]цзе, присутствовал на приеме у Сына неба»⁴⁹.

В приведенных хроникальных текстах сразу же бросается в глаза одна явная несообразность: как мог посланец царства Цинь быть организатором съезда правителей в местности Фэнцзэ, которая, как известно, располагалась на территории царства Вэй, близ столицы последнего? К тому же в 40-х годах IV в. до н. э. Цинь делало лишь первые шаги по пути к расширению своего внешнеполитического влияния. В центральнокитайских царствах на Цинь глядели тогда как на захолустное, полуварварское владение, поэтому его представитель вряд ли мог рассчитывать на то, чтобы оказаться главой съезда центральнокитайских правителей или же почетным гостем на аудиенции у чжоуского Сына неба. Вся военно-дипломатическая обстановка тех лет подсказывает, что такое положение с полным правом мог занимать лишь вэйский Хуй-ван⁵⁰. Содержащиеся в одном из рассказов «Планов царства Цинь» реликты исторического предания свидетельствуют о том, что последний и впрямь был организатором съезда в Фэнцзэ: «Вэй ходило войной на Ханьдань. Поэтому после возвращения [вэйский ван] устроил встречу [правителей] в Фэнцзэ. [На встречу] он прибыл в колеснице [дома] Ся (Ся чэ), он назвал себя ваном [из дома] Ся (Ся ван)⁵¹, он при-

⁴⁷ То есть в 342 г. до н. э.

⁴⁸ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 5, стр. 382.

⁴⁹ Там же, цз. 15, стр. 1119—1120.

⁵⁰ Сюй Чжун-шу, Хэ Сяо-да, Борьба за гегемонию между царствами Ци и Вэй, стр. 40—48.

⁵¹ Еще средневековые комментаторы «Планов Сражающихся царств» пытались установить, какой смысл вкладывали здесь древние в выражения «Ся чэ» и «Ся ван». Бао Бяо считал, что в первом случае речь шла о колеснице, украшенной «орнаментом [эпохи] Ся». По предположению У Ши-дао, определение ся было употреблено здесь в смысле хуася, или чжунся, т. е. «истинно-китайский», или, иными словами, сохраняющий культурные традиции тех земель, которые были колыбелью древнекитайской цивилизации. Но, как отмечал Ясуи Котарб, царство Вэй именно и располагалось на

существовал на приеме у Сына неба⁵², Поднебесная последовала за ним. Циский великий гун, услышав об этом, поднял войска, чтобы идти войной против Вэй. Плодородные земли [царства] Вэй были расчленены на две части, стране грозила большая опасность. Лянский ван⁵³, самолично представив дары и держа яшмовую пластинку, попросил разрешения стать подданным чэньского хоу⁵⁴.

Как установили современные исследователи, циньские датировки событий, происходивших в середине IV в. до н. э. на территории центральнокитайских царств, опережают на один-два года действительную хронологию⁵⁵. Следовательно, съезд в Фэнцэ и последовавший за ним прием у чжоуского вана должны были происходить не в 342 г. до н. э., а где-то в 344—343 гг. до н. э. Что касается вышеприведенной цитаты из «Планов Сражаю-

этих землях, поэтому вряд ли существовала необходимость в специальной демонстрации «истинно-китайского» характера культуры вэйцев. Более обоснованной кажется гипотеза, предложенная самим Ясуи Котарō, согласно которой и в первом и во втором случаях имела в виду претензия вэйского вана вести свое происхождение от дома Ся, легендарной династии древнего Китая. При переводе мы следуем этой гипотезе. Насколько нам известно, это — единственное сообщение о такого рода претензиях вэйских правителей. Весьма вероятно, что оно не отзвук реальных фактов, а публицистическая гипербола, в утрированном виде рисующая политические притязания вэйских правителей.

⁵² В тексте Бао Бяо эта часть фразы звучит так: чао вэй тяньцзы, т. е. «устроил прием как Сын неба». Однако такое прочтение противоречит как государственно-правовым нормам позднечжоуского времени, так и свидетельству трактата «Хань Фэй-цзы», в котором сказано: «Вэйский Хуй-ван, созвав лигу правителей в Цюлю, намеревался восстановить положение [чжоуского] Сына неба» («Хань Фэй-цзы», цз. 7, стр. 125). Поэтому вполне оправданным кажется утверждение У Ши-дао, что иероглиф «вэй» в данном случае представляет собой позднейшее добавление, исказившее первоначальный смысл. В соответствии с этим комментарием при переводе мы исключили его из текста.

⁵³ Т. е. вэйский ван. Вэйская столица с 362 г. до н. э. находилась в городе Даляне (близ современного Кайфэна). По названию столицы и само это царство часто именовали Далян или сокращенно Лян.

⁵⁴ Имеется в виду правитель царства Ци, в это время носивший еще титул хоу, или гун. Чэньским он назван потому, что один из его предков, основатель циского аристократического рода Тянь, был опальным сыном правителя царства Чэнь (VII в. до н. э.). «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 80-б—81-а.

⁵⁵ Чэнь Мэн-цзя, Хронология шести царств, стр. 85—87.

щихся царств», то упоминаемая в ней встреча в Фэнцзэ, судя по контексту, относится как раз к этому времени. Действительно, ведь ближайшим следствием встречи в Фэнцзэ анонимный автор цитированного текста считает неудачную для Вэй войну с Ци, закончившуюся, по его словам, большим позором для вэйского Хуй-вана. В этой войне нетрудно узнать малинскую кампанию, начало которой вэйские «Погодовые записи на бамбуковых планках» датируют 12-м месяцем 27-го года правления Хуй-вана, т. е. 343 г. до н. э.⁵⁶

В «Планах Сражающихся царств» еще дважды использованы сходные фрагменты предания о вэйском Хуй-ване, которые в гиперболизирующей манере рассказывают о том, как он подчинил себе центральнокитайских правителей и главенствовал на приеме у Сына неба и какие роковые последствия для него имело поражение под Малином: «Лянский правитель ходил войной на Чу, одержал победу над Ци, взял в свои руки контроль над армиями [царств] Чжао и Хань, заставил двенадцать правителей присутствовать на приеме у Сына неба в Мэнцине. После случилось так, что сын его погиб, а сам он стал носить шапку из холста и попал в зависимость от царства Цинь»⁵⁷; «Некогда под рукой у вэйского вана была тысяча ли земли и триста шестьдесят тысяч воинов, одетых в панцири. Сила его была такова, что он захватил Ханьдань, на западе окружил Динъян да к тому же в сопровождении двенадцати правителей отправился на прием к Сыну неба, чтобы строить козни на западе против [царства] Цинь... Поэтому он самолично занял обширные палаты, ввел красные одежды, на колоннах вывесил девять полотнищ, его сопровождал штандарт с семью звездами. Все это [прерогативы] Сына неба, а вэйский ван узурпировал их. Тогда [царства] Ци и Чу разгневались, правители съехались в [царство] Ци, цисцы пошли войной на Вэй, убили наследника престола, разгромили стотысячное войско»⁵⁸.

В пользу достоверности версии, считающей вэйского

⁵⁶ Фань Сян-юн, Исправления и дополнения к отредактированному своду фрагментов «Погодовых записей на бамбуковых планках» («Губэнь чжу шу цзинянь цзи цзяо» дин бу), Шанхай, 1956, стр. 63.

⁵⁷ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 26-а.

⁵⁸ Там же, цз. 4, стр. 49-а.

Хуй-вана устроителем съезда в Фэнцзэ, свидетельствует также сообщение трактата «Хань Фэй-цзы» о том, что именно под его эгидой была создана «лига» правителей⁵⁹. В свете вышеизложенного вполне логично предположить следующее: в цитированном нами отрывке из «Основных записей [царства] Цинь» мы имеем дело с сознательной фальсификацией исторического факта, выразившейся в том, что циньский хронист, оставив в тени подлинного главу и инициатора междуцарской встречи в Фэнцзэ, выдвинул на авансцену посланца циньского Сяо-гуна.

Весьма нередки случаи, когда в исторических речах «Планов Сражающихся царств» и в их повествовательных обрамлениях встречаются описания событий, малоизвестных или же совершенно неизвестных другим источникам периода Чжаньго. К числу таких описаний относится, например, следующее: «Ци захотело напасть на Сун. Цинь распорядилось, чтобы Ци Цзя воспрепятствовал этому. Тогда Ци привлекло [царство] Чжао, чтобы идти войной на Сун. Циньский ван разгневался и застал злобу против Чжао. Ли Дуй объединил пять царств, чтобы идти войной на Цинь. [Поход] не имел успеха, а войска, собранные со всей Поднебесной, были оставлены в Чэнгао»⁶⁰. Сведения об антицинском союзе пяти государств, организованном чжаоским сановником Ли Дуйем, более нигде не встречаются. Ни дошедшие до нас фрагменты хроник, ни литературные источники ничего не говорят нам о таком исключительном событии. Что касается «Планов Сражающихся царств», то они упоминают о нем в разных контекстах неоднократно. Судя по содержанию двух кратких эпизодов, связанных с задержкой объединенных войск в Чэнгао, в состав этого союза кроме Ци и Чжао входили царства Вэй, Хань и Чу⁶¹. Что касается датировки данного события, то она впервые была осуществлена Ян Куанем⁶². Он отметил, что в обращении безымянного дипломатического агента к вэйскому вану, в котором речь шла о взаимоотношениях Вэй и Чжао после задержки объединенных войск

⁵⁹ «Хань Фэй-цзы», цз. 7, стр. 125. Ср. «Планы Сражающихся царств», цз. 8, стр. 40-б.

⁶⁰ «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 34-а—35-б.

⁶¹ Там же, цз. 3, стр. 31-б—32-а; цз. 8, стр. 32-а.

⁶² Ян Куань, История периода Чжаньго, стр. 154—155, 165.

в Чэнгао, содержатся сведения, повторяемые датированной записью в «[Истории] чжаоского наследственного дома». Вот перевод той части обращения, которая привлекла внимание Ян Куаня: «[Царство] Цинь представляет собой угрозу для каждого из трех Цзинь. Нынешнее выступление против Цинь было организовано в интересах царства Чжао. Если бы пять царств пошли войной на Чжао, последнее непременно бы погибло. Если Цинь прогнало бы Ли Дуя, то его ждала бы смерть. Нынешний поход на Цинь был организован, чтобы избавить Ли Дуя от смерти. Теперь Чжао остановило латников, собранных со всей Поднебесной, в Чэнгао и, тайно сторговавшись с царством Цинь, уже уладило с ним дело, поэтому стало побуждать Цинь напасть на Вэй, чтобы добиться для себя земельных приобретений. Чего ты, ван, достиг, прислуживая Чжао? Ты многократно переправлялся через Чжан[хэ] и лично присутствовал на приемах в Ханьдане. Взяв [города] Иньчэн, Хаогэ и Се [?], ты превратил их в скрытые [кормления] Чжао, но Чжао ничего не сделало для тебя. Ныне к тому же ты пожаловал [города] Хэян и Гуми его⁶³ сыну, а он тогда стал побуждать Цинь напасть на тебя...»⁶⁴. В свою очередь в «[Истории] чжаоского наследственного дома» под 288 г. до н. э. записано: «Получили Хэян от [царства] Вэй»⁶⁵. За этой записью, по-видимому, скрывается упомянутое в «Планах Сражающихся царств» пожалование царством Вэй земель Хэяна сыну чжаоского сановника Ли Дуя. Следовательно, рассматриваемое нами событие должно было иметь место где-то около 288 г. до н. э. Это заключение можно подкрепить следующим: приведенное выше утверждение «Планов Сражающихся царств», что Ци пользовалось услугами царства Чжао в войне против царства Сун, непосредственно предшествующей созданию антициньского союза пяти царств, перекликается с первой частью уже цитированной нами хроникальной записи. В ней сообщается, что в 288 г. до н. э. «[чжаоский] Дун-шу в союзе с домом Вэй пошел войной на Сун».

К сожалению, проблема достоверности версии о том, что Ли Дуя в начале 80-х годов III в. до н. э. объединил

⁶³ То есть Ли Дуя.

⁶⁴ «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 35-б—36-а.

⁶⁵ С ы м а Ц я н ь, Записки историографа, цз. 43, стр. 2695.

царства Ци, Чжао, Вэй, Хань и Чу для похода на царство Цинь, не подвергалась еще разностороннему рассмотрению. Как показывают наблюдения, фактические данные, содержащиеся в речах, которые посвящены союзу Ли Дуя и обстоятельствам, сопровождавшим его поражение, не только не противоречат свидетельствам известных нам нарративных памятников того времени, но и находят в них подтверждения. Так, в цитированном выше обращении к вэйскому вану сказано: «К тому же ты, ван, приняв бывшего Се-гуна, назначил его сяном, питая благорасположение к Хань Сюю, почтил его своей дружбой...»⁶⁶. Действительно Мэнчан-цзюнь (бывший Се-гун) в первой половине 80-х годов III в. до н. э. был приглашен в царство Вэй на должность сяна⁶⁷. Хань Сюй также хорошо известен для этого времени. Его, в частности, упоминает «[История] чжаоского наследственного дома» под 286 г. до н. э.⁶⁸.

Аналогичные сопоставления могут быть проделаны и по отношению к государственным деятелям, упоминаемым в эпизоде, который начинается следующим повествовательным введением: «Пять царств пошли войной на Цинь, но не имели успеха. [Войска] были остановлены в Чэнгао. Чжао захотел договориться с Цинь»⁶⁹. Су Дай, который в данном эпизоде выступает в роли циского дипломатического агента, восстает против намерения Чжао. Перечисляя шесть невыгодных для Чжао внешнеполитических ситуаций, которые могут возникнуть в том случае, если Чжао договорится с Цинь, он указывает: «Поднебесная станет прислуживать Цинь. Циньский ван примет Хань Миня из [царства] Ци, примет Чэньян-цзюня из [царства] Хань». И Хань Минь и Чэньян-цзюнь упоминаются в источниках в связи с событием конца IV—начала III в. до н. э.⁷⁰. При этом о последнем из «Основных записей [царства] Цинь» известно, что в 290 г. до н. э. он уже «приезжал ко двору [циньского вана]» в качестве ханьского посла⁷¹.

⁶⁶ «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 36-б—37-а.

⁶⁷ Цянь Му, Исследование о годах жизни доциньских авторов, стр. 364—365. Ср.: Ци Сы-хэ, Таблица цзайсянов периода Чжаньго, — «Шисюе няньбао», т. II, 1938, № 5, стр. 183.

⁶⁸ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 43, стр. 2695.

⁶⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 41-а.

⁷⁰ См., например: там же, цз. 8, стр. 21-а, 39-а.

⁷¹ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 5, стр. 397.

Достоверность сообщений «Планов Сражающихся царств» о союзе Ли Дуя находит более веское подтверждение в том, что этот союз оказывается закономерным звеном в цепи известных нам исторических событий того времени. Бесспорно, что в начале III в. до н. э. сильнейшими среди центральнокитайских владений были царства Ци и Чжао. В эти годы Чжао продолжало методическое наступление на земли Чжуншань, начатое еще в последнем десятилетии IV в. до н. э. Чтобы давно подготавливаемая аннексия не встретила противодействия со стороны царства Цинь, чжаоский ван добился назначения на пост циньского сяна своего ставленника Лоу Хуаня (298 г. до н. э.). Однако по неизвестным нам причинам близость между Цинь и Чжао оказалась недолговечной. Источники свидетельствуют, что в год окончательного захвата земель Чжуншань (296 г. до н. э.) у Чжао появился иной союзник — царство Ци. Так, в «[Истории] наследственного дома Тянь Цзин-чжуна, при жизни именовавшегося Юань» сказано: «Ци помогло Чжао уничтожить Чжуншань»⁷². По сути дела союз между Чжао и Ци был союзом двух давно сложившихся коалиций: за Чжао следовало владение Сун, а за Ци — царства Вэй и Хань. «Основные записи [царства] Цинь» упоминают о том, что эта пятерка в год, когда было уничтожено Чжуншань, напала на циньские земли⁷³. В последующие годы, когда Цинь сделало регулярный захват земель Вэй и Хань основой своей внешней политики, эти два царства вынуждены были постоянно прибегать к покровительству Ци и Чжао.

Другим важным моментом междуцарских отношений данного периода было то, что после поглощения Чжуншань царством Чжао на очередь встал вопрос о разделе земель владения Сун, со всех сторон стесненного сильными соседями — царствами Ци, Вэй и Чу. Сунские земли располагались на скрещении торговых путей Центрального Китая, многие его районы славились своей ремесленной продукцией. Особую известность в этом отношении снискала область Тао⁷⁴, названная Сыма Цянем «средоточием Поднебесной». По словам одного из

⁷² Там же, цз. 46, стр. 2882.

⁷³ Там же, цз. 5, стр. 394—395.

⁷⁴ На территории современного уезда Динтао провинции Шаньдун.

современных исследователей, «то обстоятельство, что слабое и малое государство владело экономическим центром, заслужившим наименования “средоточия Поднебесной”, разжигало аппетиты других государств»⁷⁵. Однако на пути к удовлетворению этих аппетитов, как свидетельствуют «Планы Сражающихся царств», стояло царство Цинь. В то же время из сведений, приведенных выше, явствует, что к началу 80-х годов III в. до н. э. в древнем Китае сложилась ситуация, раскрывавшая большие возможности для сколачивания широкой антициньской коалиции Сражающихся царств. Наметившееся в это время сближение между Ци и Чжао, двумя царствами, которые обладали достаточными силами, чтобы возглавить раздел земель владения Сун, создавало реальную основу такой коалиции. Хань и Вэй готовы были примкнуть к любой антициньской акции, которая давала бы им надежду на избавление от ежегодных нашествий циньских армий. Очевидно, что тогда первый сколько-нибудь значительный повод мог вызвать к жизни антициньскую коалицию. Таким образом, содержащееся в рассматриваемом сочинении описание событий, связанное с союзом Ли Дуя, вполне гармонирует с предшествующим внешнеполитическим развитием Сражающихся царств на протяжении первого десятилетия III в. до н. э. Реальный характер внешнеполитических истоков союза Ли Дуя, на наш взгляд, может служить аргументом в пользу его историчности.

Следует сказать, что историческое предание, давшее главный материал для целого ряда рассказов «Планов Сражающихся царств», было далеко не совершенным источником. На предание влияло желание первых рассказчиков представить прошлое в величественном и славном виде, затушевать все, что могло задеть патриотическое чувство их соотечественников; влияли на него также различные местные симпатии и антипатии, любовь ко всему анекдотическому и т. д. С искажением истины, являвшимся, по-видимому, результатом такого рода влияний, мы сталкиваемся в тексте следующего расска-

⁷⁵ Ши Нянь-хай. Толкование выражения: «Гао является средоточием Поднебесной», приведенного в главе «Повествования и приобретателях» в «Записях историографа», в связи с рассмотрением экономических центров периода Чжаньго, — «Жэньвэнь цзачжи», 1958, № 2, стр. 81.

за «Планов Сражающихся царств»: «Цинь захватило чуский Ханьчжун⁷⁶, снова сражалось [с Чу] в Ланьтяне⁷⁷. Чуской армии было нанесено большое поражение. Хань и Вэй, услышав о трудностях, выпавших на долю Чу, с юга вторглись в [чуские земли] и дошли до [области] Дэн⁷⁸. Чуский ван, собрав войска, отступил [из Цинь]. Впоследствии три царства задумали напасть на Чу, боялись только, как бы Цинь не стало ему помогать. Некто сказал Се-гуну, что можно отправить гонца с таким объявлением для [царства] Чу: “Если войска трех царств оставят чуские земли, то Чу сможет договориться [с тремя царствами] и совместно с ними напасть на Цинь. Разве трудно будет тогда захватить Ланьтянь, а тем более те земли, которые некогда принадлежали Чу? У Чу уже есть подозрение, что Цинь едва ли ему поможет. Если три царства пообещают уйти, то Чу даст согласие [на союз с ними]. Будет убеждать [других]. Это значит, что Чу в союзе с тремя царствами замыслит выманить циньские войска. Когда Цинь станет известно об этом, оно откажет [Чу] в помощи. Три царства стремительно нападут на Чу. Чу сразу заспешит в Цинь, чтобы просить срочной помощи. Тем паче последнее не осмелится тогда послать [помощь в Чу]. В этом случае мы нападём на Чу, отдалив его [предварительно] от Цинь. Действия наших войск будут успешными”. Се-гун сказал: “Хорошо”. Вслед за тем отправил влиятельное посольство в Чу. Чу удалось убедить, и оно ответило согласием. Когда три царства, объединив свои силы, напали на Чу, Чу действительно обратилось за немедленной помощью в Цинь, но последнее не осмелилось послать войска. Была одержана великая победа [над Чу], достигнут большой успех»⁷⁹.

Начальные строки этого рассказа, по-видимому, представляют собой сокращенный пересказ хроникальной записи⁸⁰. Что касается его основного содержания, то оно, очевидно, восходит к одной из историй о знаменитом

⁷⁶ Область Ханьчжун занимала южную часть современной провинции Шэньси и северо-западную часть провинции Хубэй.

⁷⁷ На территории современного уезда Ланьтянь провинции Шэньси.

⁷⁸ На территории современного уезда Мэнсянь провинции Ханань.

⁷⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 32-а—33-а.

⁸⁰ См. гл. III настоящего издания.

вельможе Мэнчан-цзюне (он же Тянь Вэнь и Се-гун) и его хитроумных советниках; эти истории были сложены и распространялись на территории царства Ци.

События, послужившие реальным фоном для истории о том, как были обмануты царства Чу и Цинь, хорошо известны. Так, в хроникальном введении речь идет о неудачной для Чу войне 312 г. до н. э. Почти десятилетие спустя, в 303 г. до н. э., над царством Чу вновь нависла большая опасность, когда царство Ци в союзе с царствами Вэй и Хань вторглось в его пределы. Неведомый рассказчик, очевидно, имеет в виду подготовку к этому вторжению, когда говорит о том, что «три царства задумали напасть на Чу, боялись только, как бы Цинь не стало ему помогать». Действительно, опасения трех царств были вполне обоснованными, ибо, как свидетельствуют «Основные записи [царства] Цинь», в 304 г. до н. э. состоялась официальная встреча между чуским и циньским ванами⁸¹. Встреча, по-видимому, благоприятствовала развитию взаимоотношений между двумя царствами. Известно, что следствием ее была передача царством Цинь царству Чу ранее отторгнутой у него области Шаньюн⁸². Ход дальнейших событий, согласно «[Истории] чуского наследственного дома», также подтвердил эффективность согласия, достигнутого двумя ванами на этой встрече: «На 26-м году [правления Хуай-вана]⁸³ Ци, Хань и Вэй из-за того, что Чу изменило союзу с ними и объединилось с Цинь, втроем пошли войной на Чу. Чу, послав наследника престола в качестве заложника, стало просить у Цинь помощи. Тогда Цинь поручило заезжему сановнику Туну встать во главе войск и помочь Чу. Три царства собрали свои войска и покинули [пределы Чу]»⁸⁴. У нас нет никаких оснований сомневаться в правдивости этой записи. Следовательно, приведенный выше рассказ рассматриваемого источника о дипломатических и военных успехах трех царств весьма далеко отклоняется от истины. Завершающая его оценка военных усилий трех царств как «великой победы над Чу» резко расходится с утверждением

⁸¹ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 5, стр. 393.

⁸² На территории современного уезда Чжужань провинции Хубэй.

⁸³ То есть в 303 г. до н. э.

⁸⁴ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 40, стр. 2535.

хроники, что поход их был безрезультатным. Явное искажение истины объясняется, очевидно, тем, что предание, положенное в основу данного рассказа, представляло собой оригинальный образец народной исторической публицистики. В этом предании воспоминания о событиях 303 г. до н. э. прошли сквозь призму патриотического умонастроения цисцев, вследствие чего безрезультатная авантюра обернулась посрамлением царств Чу и Цинь, традиционных соперников царства Ци.

На том уровне развития общественного сознания, который был достигнут в древнем Китае в конце эпохи Чжоу, интерес к прошлому, попытки объяснить и оценить события этого прошлого еще не были связаны со стремлением к точному и достоверному знанию, к отысканию истины. Безымянные авторы источников рассматриваемого памятника в тех случаях, когда реальные данные оказывались недостаточными для проведения определенной тенденции или для защиты интересов представляемых ими общественных групп, прибегали к разного рода выдумкам, к фальсификации фактов.

Мы уже неоднократно обращали внимание на искажения исторической истины в речах, приписываемых Су Циню, Чжан И и Чэнь Чжэню. В тех случаях, когда исследуемые тексты снабжены более богатым и детализированным историческим фоном, выяснение вопроса об их достоверности встречает значительные трудности. Это замечание в полной мере применимо к следующему повествованию, рассказывающему о событиях, которые, по мнению его автора, прямо или косвенно были связаны с битвой между циньцами и чжаосцами под Яньюем⁸⁵ (270 г. до н. э.): «Цинь, напав на чжаоские [города] Линь, Лиши и Ци, захватило их. Чжао послало царского сына У заложником в Цинь и попросило Цинь обменять Линь, Лиши и Ци на укрепленные города Цзяо, Ли и Ньюху. [Затем] Чжао отказало Цинь и не отдало ему Цзяо, Ли и Ньюху. Циньский ван был разгневан. Повелел царскому сыну Цзэну просить землю [у Чжао]. Чжаоский ван приказал тогда Чжэн Чжу ответить ему так: «Ведь Линь, Лиши и Ци чрезвычайно удалены от [столицы] Чжао, но близки к вашему царству. Когда

⁸⁵ На территории современного уезда Хэшунь провинции Шаньси.

живы были мои предки с их умом и сановники прежних дней с их способностями, тогда можно было владеть ими. А ведь мне далеко [до моих предков]. Если не смогли помочь алтари земли и злаков, как могу я взять под свое покровительство Линь, Лиши и Ци?! Нашлись у меня такие сановники, которые, не получив приказа, принялись за эти дела. Я и знать об этом не смею". Окончательно отказали Цинь. Циньский ван совсем разгневался. Приказал Вэй Ху-и наказать Чжао, атаковать Яньюй. Полководец Чжао Шэ поспешил на выручку. Вэй повелело царскому сыну Цзю с отборной армией расположиться в Аньи⁸⁶, чтобы стеснить Цинь. Цинь потерпело поражение под Яньюем. Отступая, Цинь напало на вэйский город Ци. Лянь По поспешил на помощь Ци и нанес большое поражение циньской армии»⁸⁷.

В этом внешне логичном и исполненном, на первый взгляд, вполне реальных исторических подробностей повествовании при более внимательном анализе обнаруживаются моменты совсем иного порядка. Препятствие возникает уже при попытке датировать захват царством Цинь чжаоских городов. Действительно «[История] чжаоского наследственного дома» под 328 г. до н. э. сообщает, что Цинь «забрало наши (т. е. чжаоские) Линь и Лиши»⁸⁸. Под 313 г. до н. э. мы здесь вновь встречаем запись о том, что Цинь «захватило наш Линь»⁸⁹. Создается впечатление, что эти города, находившиеся, по свидетельству «Планов Сражающихся царств», на границе Чжао и Цинь, неоднократно переходили из рук в руки. Если доверять словам Гунсунь Луна, приведенным в «Люй ши чуньцю», то и во время чжаоского Хуйвэнь-вана (298—266 гг. до н. э.) Линь и Лиши некоторое время находились во владении чжаосцев, но затем вновь перешли к Цинь⁹⁰. Лян Юй-шэн предпринял попытку установить точную дату последнего события. Исходным пунктом для его рассуждений служила следующая запись в «[Истории] чжаоского наслед-

⁸⁶ На территории современного уезда Сясянь провинции Шаньси.

⁸⁷ «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 47-б—48-а

⁸⁸ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 43, стр. 2669.

⁸⁹ Там же, стр. 2671.

⁹⁰ «Люй ши чуньцю», цз. 18, стр. 218.

ственного дома»: «На 18-м году [правления Хуйвэнь вана]⁹¹ наш Шичэн был захвачен [царством] [Цинь]»⁹². Ссылаясь на особенности политической географии царства Чжао в первой половине III в. до н. э., Лян Юй-шэн пришел к выводу об идентичности Шичэна и Лиши. Отсюда следует, что из числа известных нам аннексий района Лиши государством Цинь последняя произошла в 281 г. до н. э. Таким образом, при современном уровне исторических знаний единственная более или менее реальная дата, к которой может быть привязано начало вышеприведенного повествования,— это 281 г. до н. э.

Если мы согласимся с этим выводом, возникает первое сомнение в исторической правдивости данного повествования, ибо здесь захват циньцами района Лиши поставлен в непосредственную связь с битвой под Яньюем, имевшей место десять лет спустя. Сомнения становятся более основательными, когда мы переходим к разбору описания самой битвы и ее ближайших последствий. Известно, что чжаоский Яньюй, расположенный где-то поблизости от чжаоско-ханьской границы, стал объектом агрессии циньских войск в ходе ханьско-циньской войны. Вот некоторые известия об этих событиях, заимствованные из труда Сыма Цяня: «На 29-м году [правления Хуйвэнь-вана] Цинь и Хань напали друг на друга, а [Цинь] осадило Яньюй»⁹³; «Цинь пошло войной на Хань и разбило военный лагерь под Яньюем»⁹⁴. Однако в повествовании отсутствуют какие-либо упоминания о царстве Хань как о непосредственном участнике всех этих событий. Более того, роль союзника царства Чжао в битве под Яньюем автор повествования отдает царству Вэй. Последняя версия могла бы заинтересовать исследователя, если бы не ряд таящихся в ней анахронизмов, которые указывают на ее неисторичность. Так, в тексте повествования сказано: «Вэйский [ван] повелел царскому сыну Цзю с отборной армией расположиться в Аньи, чтобы стеснить Цинь». Однако город Аньи в этот период не принадлежал уже царству Вэй, ибо в 286 г. до н. э. он был передан последним царству Цинь в качестве военной контрибуции. Далее повествование

⁹¹ То есть в 281 г. до н. э.

⁹² Сыма Цянь, Записи историкографа, цз. 43, стр. 2702.

⁹³ Там же, цз. 43, стр. 2704.

⁹⁴ Там же, цз. 81, стр. 3781.

сообщает, что после разгрома под Яньюем циньская армия, отступая, напала на вэйский город Цзи и что тут ее постигла новая неудача, ибо чжаоский полководец Лянь По пришел на помощь осажденным союзникам. Но к моменту яньюйской битвы Цзи также не был во власти вэйского вана: в 276 г. до н. э. он был захвачен чжаоскими войсками, причем во главе последних стоял не кто иной, как Лянь По⁹⁵. Таким образом, основой рассмотренного нами повествования послужили два подлинных исторических события: аннексия царством Цинь чжаоских земель в районе Лиши и яньюйская битва. Однако те факты, с помощью которых здесь делается попытка установить взаимосвязь между первым и вторым событиями, а также версия о непосредственном участии в последнем событии царства Вэй, по-видимому, представляют собой чистый вымысел автора.

В «Планах Сражающихся царств» исследователь весьма часто сталкивается также с некритическим и произвольным использованием исторических данных. Это проявляется, например, в нарочитом смещении хронологической последовательности подлинных событий, упоминаемых в текстах некоторых вымышленных речей и их повествовательных обрамлений. Так, первый диалог некоего Чжуан Синя и чуского Цинсян-вана завершается следующей повествовательной концовкой: «Чжуан Синь уехал в [царство] Чжао и пробыл там пять месяцев. Цинь [тем временем] действительно захватило Янь, Ин, У, Шанцай и Чэнь»⁹⁶. Известно, что в годы правления Цинсян-вана царство Чу вело серию неудачных войн с царством Цинь, в ходе которых оно утратило Янь, столичный город Ин и военно-административную область У. Однако, чтобы сделать такие обширные территориальные приобретения, циньцам потребовался срок, куда более длительный, нежели тот, который указан в «Планах Сражающихся царств»: Янь пал под ударами войск циньского военачальника Бо Ци в 279 г. до н. э., Ин — в 278 г., а земли военно-административной области У были присоединены к царству Цинь лишь в 277 г. до н. э.⁹⁷ Что касается Шанцай, то он, по свидетельству «Погодовых записей на бамбуковых планках», еще в

⁹⁵ Там же, цз. 43, стр. 2703.

⁹⁶ «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 34-б.

⁹⁷ С ы м а Ц я н ь, Записи историографа, цз. 4, стр. 400.

345 г. до н. э. перестал быть владением Чу и отошел к царству Вэй⁹⁸, а область Чэнь стала добычей царства Цинь уже после смерти Цинсян-вана.

Весьма характерен анахронизм, который представлен в приписываемом Лу Чжун-лянью послании к начальнику яньских оккупационных войск в циском городе Ляочэне. Об обстоятельствах, при которых было якобы написано и отправлено это послание, «Планы Сражающихся царств» сообщают следующее: «Яньские [войска] атаковали [царство] Ци и забрали семьдесят с лишним городов. Только Цзюй и Цзимо не капитулировали [перед ними]. Циский Тянь Дань, опираясь на Цзимо, разбил яньскую [армию], убил Ци Цзе. Еще в начале [событий] один яньский военачальник взял приступом Ляочэн. Кто-то оклеветал его. Яньский военачальник, страшась наказания, занял оборону в Ляочэне и не осмеливался отступить [в Янь]. Тянь Дань между тем более года штурмовал город. Многие из числа заслуженных воинов и рядовых солдат погибли, но [гарнизон] Ляочэна не сдавался. Тогда Лу [Чжун]-лянь написал письмо и, обернув его вокруг стрелы, пустил ее в город»⁹⁹.

Осада Ляочэна была одним из моментов начавшегося в 279 г. до н. э. освобождения территории царства Ци от оккупационных войск царства Янь. Значит, послание Лу Чжун-лянью, которое, по утверждению автора этого текста, вызвало капитуляцию яньского гарнизона Ляочэна, должно было бы быть отправлено примерно в 278—277 гг. до н. э.¹⁰⁰ Между тем в этом послании среди аргументов, с помощью которых обосновывается целесообразность немедленной капитуляции, имеется следующий: «Половина стотысячной армии Ли Фу погибла за пределами [Янь]. Столица [царства Янь], обладателя десяти тысяч колесниц, окружена [войсками] Чжао, его территория уменьшилась, а правитель, попавший в тяжелое положение, опозорен перед всей Поднебесной»¹⁰¹. Разгром армии Ли Фу и осада чжаосцами

⁹⁸ См. Чжун Фэн-нянь, Об изменениях границ «Сражающихся царств», — «Юй гун», т. 7, 1937, № 6/7, стр. 210.

⁹⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 51-а.

¹⁰⁰ Ср.: F. A. Kierman, Four Late Warring States Biographies, Wiesbaden, 1962, стр. 106.

¹⁰¹ «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 53-а.

яньской столицы — события, хорошо известные по ряду летописных свидетельств¹⁰². Датируются они с достаточной определенностью 251 г. до н. э. Следовательно, в послание были введены сведения об исторических событиях, происходивших четверть века спустя после завершения осады Ляочэна¹⁰³.

В тех текстах «Планов Сражающихся царств», которые дают искаженное представление об упоминаемых в них событиях, интерес к прошлому отходит на задний план, полностью уступая место стремлению к определенным публицистическим целям. Изучение последних, в ходе которого могут быть восстановлены некоторые характерные черты почти неизвестной нам картины борьбы политических группировок и столкновений различных политических взглядов на протяжении IV—III вв. до н. э., для историка имеет не меньшее значение, чем выяснение подлинных обстоятельств, сопровождавших то или иное историческое событие. Данное утверждение расходится со взглядами современных западных авторов, которые считают характерное для некоторых текстов памятника пренебрежение исторической достоверностью естественным следствием того, что их создатели стремились к чисто литературному эффекту, к вымыслу ради вымысла. Решить вопрос, «кто же прав», помогает обращение к конкретным примерам.

Вот уже упоминавшийся нами комплекс речей и посланий, условно связываемых с именем Чэнь Чжэня. Если, подобно западным сторонникам формально-литературоведческой интерпретации текста «Планов Сражающихся царств», подойти к этому комплексу как к собранию чисто литературных риторических упражнений, написанных по готовым образцам, то чем объяснить ожесточенную страстность отдельных тирад Чэнь Чжэня, призывающих центральнокитайские царства стать едиными перед лицом циньской агрессии? Вряд ли только с целью продемонстрировать эффектные риторические приемы убеждения слушателей безымянный создатель

¹⁰² Сыма Цянь. Записи историографа, цз. 15, стр. 1160; цз. 34, стр. 2248.

¹⁰³ Этот анахронизм впервые отметил Хаяси Тайсуке в ст.: «О Планах Сражающихся царств», — «Сигаку дзасси», т. XV, 1907, № 10, стр. 37.

этого комплекса заставлял своего вымышленного героя обращаться к различным центральнокитайским правителям с такими словами: «[Владения] Поднебесной наносят друг другу раны, действуя так на пользу [царству] Цинь, а ему незачем и силы тратить. [Владения] Поднебесной готовят друг из друга жаркое, предназначенное для [царства] Цинь, а ему незачем и хворост расходовать. Почему Цинь оказывается в положении умника, а [владения, расположенные] к востоку от гор [Тайхан], остаются в дураках?!»¹⁰⁴; «Однако [владения, расположенные] к востоку от гор [Тайхан], не могут пойти другим путем. Войска их слабы. Будучи слабыми, они не могут достигнуть единства. Почему Цинь оказывается в положении умника, а [владения, расположенные] к востоку от гор [Тайхан], остаются в дураках?! В этом, по-моему, и состоит беда [владений, расположенных] к востоку от гор [Тайхан]. Тигр подкрался к месту, где собрались звери. Те не знали, что тигр уже рядом, и затеяли драку. Ослабили друг друга и были убиты тигром. Поэтому, если бы зверям [кто-либо] дал знать, что тигр подкрался к ним, они, конечно, не затеяли бы драки!

Правители [царств, расположенных] к востоку от гор, не ведая, что Цинь уже подбирается к ним, продолжают междоусобные драки, ослабляют друг друга, [а в результате] попадут со своими владениями [в лапы] к Цинь. Разумному [человеку] лучше держаться подальше от зверей! Мне хочется, чтобы ты, ван, подумал над этим»¹⁰⁵; «Однако [владения, расположенные] к востоку от гор [Тайхан], не знают [о выгодах] взаимопомощи, их мудрецы [соображают] хуже возчиков. Человек из племени ху и человек из племени юэ говорят на языках, непонятных друг другу. Они не могут сообщить друг другу о своих стремлениях и мыслях. Но вот они оказались вдвоем в лодке, подхваченной волнами. Когда дошло до этого, они стали оказывать друг другу поддержку и помощь, словно одно целое. Ныне [владения, расположенные] к востоку от гор, находятся в таком же положении, как и путники, переправляющиеся в лодке [через реку]. Если они при приближении циньских войск

¹⁰⁴ «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 22-а.

¹⁰⁵ Там же, цз. 6, стр. 28-а, б.

не смогут оказывать друг другу поддержку и помощь, словно одно целое, то, значит, по уму они ниже хусцев и юэсцев»¹⁰⁶.

Саркастические замечания, рассеянные в этом тексте, рассчитаны на то, чтобы задеть, раззадорить собеседника, во что бы то ни стало вызвать ответную реакцию у слушателей или читателей. Это с несомненностью свидетельствует о том, что обращения Чэнь Чжэня должны были обладать конкретным адресом. Как было выше установлено, вымышленный исторический фон речей Чэнь Чжэня включает упоминания о подлинных событиях, имевших место на грани IV—III вв. до н. э. Однако не в это время жили «адресаты» речей Чэнь Чжэня и, следовательно, не в это время был составлен весь комплекс.

Отразившаяся в ряде высказываний Чэнь Чжэня атмосфера надвигающейся гибели центральнокитайских царств, каждое из которых в одиночку не в силах было противостоять могуществу Цинь, полностью соответствует соотношению сил Сражающихся царств, сложившемуся лишь во второй половине III в. до н. э.¹⁰⁷. Для установления времени написания речей Чэнь Чжэня весьма важно то обстоятельство, что в них царство Цинь осуждается не только за аннексию земель своих соседей, но и за проникнутое противоестественной гордыней стремление, лишив всех правителей власти, стать единственным хозяином Поднебесной: «Желание Цинь поглотить Поднебесную и стать ваном над ней не находит аналогий в древности. Гибель ждет всех: и тех, кто прислуживает [Цинь] подобно сыну, прислуживающему от-

¹⁰⁶ Там же. цз. 9, стр. 10-б.

¹⁰⁷ К началу III в. до н. э. по крайней мере три царства — Ци, Чжао и Чу — по своему могуществу не уступали царству Цинь. В течение первой половины III в. до н. э. положение коренным образом изменилось. После поражения, которое Ци потерпело в 284 г. до н. э. от войск коалиции царств, и оккупации его территории в 284—279 гг. до н. э. яньской армией оно попало в число второразрядных. Сокрушительный удар по военной мощи и престижу царства Чу был нанесен циньской армией в 280—277 гг. до н. э., когда цусцы потеряли не менее трети своей территории. Наконец, 260 г. до н. э. стал черным годом для царства Чжао, потерявшего в знаменитой Чанпинской битве почти все свои вооруженные силы. В результате к середине III в. до н. э. у Цинь не осталось соперников, равных ему по силе.

цу, и тех, кто поступает подобно Бо И¹⁰⁸, и тех, кто поступает подобно Цзе и Чжоу»¹⁰⁹.

Очевидно, что только у слушателей и читателей, не прошедших еще через горнило унификаторских актов Цинь Ши-хуанди, такого рода тирада могла рассчитывать на определенный психологический эффект. Действительно, с точки зрения политических теорий, господствовавших в период Чжаньго, законным считался путь объединения, который, пользуясь термином, известным из древнегреческой истории, может быть назван гегемонией, где одно государство подчиняло себе другие, но вместе с тем не уничтожало целиком их независимость.

Таким образом, период, когда существовала аудитория, к которой обращался создатель речей Чэнь Чжэня, был, по-видимому, ограничен 250—221 гг. до н. э. Речи Чэнь Чжэня были памфлетами, предназначенными для разных слоев этой аудитории. Так, вымышленные сообщения об успешном исходе миссии Чэнь Чжэня, якобы создавшего антицинский союз центральнокитайских государств на грани IV—III вв. до н. э., очевидно, должны были дать в руки непримиримых врагов Цинь подходящий пример из недавнего прошлого. Кроме того, антицинские тирады были явно рассчитаны на то, чтобы задеть и разубедить всех сторонников политики уступок Цинь.

На полную правомёрность реконструкции проциньских и антицинских слоев внутри правящего класса центральнокитайских царств указывает ряд бесспорных свидетельств «Планов Сражающихся царств». Из них явствует, что в обстановке расширения циньской агрессии и прямой угрозы самому существованию центральнокитайских царств внутри последних проблема взаимоотношений с царством Цинь становится объектом ожесточенной политической борьбы¹¹⁰.

¹⁰⁸ Бо И, согласно преданиям, жил во времена правления династии Шан. Он не захотел служить чжоусцам, свергнувшим власть этой династии, и вместе со своим младшим братом Шу Ци удалился в горы, где вел жизнь аскета и умер от голода. В позднечжоуской литературе он стал символом нравственной чистоты.

¹⁰⁹ Последние правители династий Ся и Шан. Традиция приписывает им необычайную жестокость. «Планы Сражающихся царств», цз. 8, стр. 34-а.

¹¹⁰ «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 77-а; цз. 7, стр. 60-а.

Уделяя много внимания внешней безопасности Сражающихся царств, анонимные публицисты в то же время нередко обращались к вопросам, стоявшим в центре внутренней политической жизни. Так, на страницы памятника проникли отзвуки острых столкновений между старыми аристократическими кланами, связанными родственными узами с правящими домами Сражающихся царств, и верхами многочисленной бюрократии, которая в V—III вв. до н. э. в значительной степени пополнялась из «разночинцев». Часто поводом для таких столкновений служили новые земельные раздачи вана. В период Чжаньго верхи бюрократии усиленно добивались реализации доктрины, согласно которой не родовитость и близость к семье вана, а «заслуги перед страной» должны быть единственным основанием для наград и пожалований. В вымышленных обращениях к ванам разных Сражающихся царств, собранных в рассматриваемом памятнике, об этой доктрине упоминают то в форме настоятельного совета, то предостережения «верноподданного»: «Хотя они и обладают высокородными именами, но, если у них нет никаких заслуг, их не следует награждать»¹¹¹; «Если ван захочет пожаловать своему сыну [земли], то все чиновничество, исполняющее свои обязанности, все сановники, верные до конца, скажут: “У царского сына нет заслуг, не должно жаловать ему [земли]”»¹¹².

Нередко конкретные случаи, казавшиеся особо вопиющим нарушением доктрины, вызвали соответствующую литературную реакцию. Так было с чжаоским сяном Пинъюань-цзюнем. В 257 г. до н. э., когда во время осады Ханьдани, чжаоской столицы, войсками царства Цинь удалось заключить союз с царством Чу, ему был пожалован восточный Учэн. Однако основная заслуга в снятии осады с Ханьдани принадлежала, по мнению его современников, вэйскому Синьлин-цзюню, который привел под Ханьдань вэйскую армию и заставил капитулировать циньского военачальника, осаждавшего столицу. Эти обстоятельства побудили кого-то из чжаосцев сочинить речь, вложенную им в уста Гунсунь Луна, в которой Пинъюань-цзюнь в связи с пожалованием ему Учэ-

¹¹¹ Там же, цз. 3, стр. 84-а.

¹¹² Там же, цз. 9, стр. 9-6.

на обвинялся в своекорыстном использовании родственных связей¹¹³, «Ты, господин, не уничтожал [вражеской] армии, не убивал [вражеского] военачальника, а тебе пожаловали восточный Учэн. Многие выдающиеся люди царства Чжао выше тебя [по достоинствам], но вследствие своих родственных связей ты стал сяном страны. Ты был пожалован восточным Учэном, но не уступил [его другому] из-за отсутствия заслуг, тебе повесили на пояс печать сяна царства Чжао, а ты не отказался из-за недостатка способностей; лишь однажды избавив страну от забот, ты стал добиваться, чтобы прибавили тебе земель. Таким образом, родня [вана] получает пожалования [из-за родственных связей], а [рядовые] жители царства [добиваются этого] составлением планов и заслугами»¹¹⁴.

Борьба старых и новых слоев внутри правящего класса Сражающихся царств осложнялась в связи с существовавшим тогда обычаем приглашать полководцев и государственных деятелей из-за рубежа. Так возникали конфликты между пришлыми сановниками и ревнителями местного патриотизма. В среде последних складывались устные рассказы, умалявшие авторитет того или иного заезжего сановника, отрицательно оценивавшие его деятельность¹¹⁵. На основе таких рассказов составлялись тексты публицистического характера. Два подобных текста, в которых вершится не в меру строгий суд над циским полководцем Тянь Данем, действовавшим в царстве Чжао, сохранились в «Планах Сражающихся царств». В первом случае Тянь Дань оказывается посрамленным в споре с коренным чжаосцем — полководцем Чжао Шэ¹¹⁶. Во втором — тот же Чжао Шэ выступает с предостережением, что использование Тянь Дая в войне с яньским полководцем Жун Фэном не принесет успеха царству Чжао: «Если Аньпин-цзюнь (Тянь Дань) глуп, то он, конечно, не сможет устоять перед

¹¹³ Он был сыном чжаоского Улин-вана и братом его наследника Хуйвэнь-вана.

¹¹⁴ «Планы Сражающихся царств», из. 6, стр. 67-6.

¹¹⁵ Ср. принадлежащую Го Мо-жо характеристику некоторых клеветнических рассказов о вэйском У Ци как историй, сочиненных «представителями реакционной аристократии из царства Чу» (в Чу, как известно, У Ци провел последние годы своей жизни). Го Мо-жо, Об У Ци, — Го Мо-жо, Бронзовый век, М., 1959, стр. 267).

¹¹⁶ «Планы Сражающихся царств», из. 6, стр. 51-а—52-б.

Жун Фэном; если Аньпин-цзюнь умен, то он тоже не согласится сражаться с жителями [царства] Янь... Если Аньпин-цзюнь умен, то зачем ему укреплять силу Чжао? Если Чжао будет сильным, то Ци больше не стоять во главе правителей! Если он получит войска сильного Чжао, чтобы преградить путь яньскому полководцу, то попусту потратит несколько лет, расходуя силы воинов, людей знатных и мобилизованных сверх обычного контингента на рытье рвов и строительство укреплений, приводя в негодность колесницы, панцири и бунчуки, опустошая государственные склады и амбары с продовольствием. Когда оба царства достаточно научат друг друга [ратному делу], он соберет свои войска и возвратится»¹¹⁷. Цитированный текст завершает язвительная приписка «от составителя»: «В летних лагерях [армии Тянь Даня] в подвесных котлах варили пищу. Захватили три города. У самого большого из них стена не превышала ста чжи¹¹⁸. В результате все вышло так, как и говорил Мафу-[цзюнь] (Чжао Шэ)»¹¹⁹.

Особую группу в рассматриваемом памятнике составляют тексты, бичующие бессилие, трусость и политические просчеты последних правителей Сражающихся царств, повинных, по мнению авторов, в гибели своих владений. Присущие этим повествованиям особенности — полемический подтекст, острота характеристик отрицательных персонажей, часто переходящих в гротеск, полные образной восторженности похвалы в адрес непримиримых противников Цинь, — указывают на то, что они возникли из насущных потребностей политической борьбы и создавались лишь немного времени спустя после событий, которым были посвящены. Характернейший пример — повествование, завершающее раздел «Планы царства Ци»: «Циский ван Цзянь направился с визитом в Цинь. Сыма Цянь из Юнмэня сказал ему: “Ты занял престол ради алтарей земли и злаков или ты занял престол ради того, чтобы стать ваном?”. Ван ответил: “Ради алтарей земли и злаков”. Сыма продолжал: “Если ты занял престол ради алтарей земли и злаков, почему же

¹¹⁷ Там же, стр. 50-а, б.

¹¹⁸ Ч ж и — специфическая старокитайская мера площади городских стен, равная трем чжанам длины на один чжан высоты (1 чжан = 3,2 м).

¹¹⁹ «Планы Сражающихся царств», изд. 6, стр. 50-б.

ты, ван, покидаешь их и направляешься в Цинь?» Циский ван повернул колесницу и возвратился. Когда некий сановник из Цзимо услышал¹²⁰, что юнмэньский Сыма выступил с увещеваниями, которые были приняты, то он решил, что можно представить свои соображения. Попав на аудиенцию к цискому вану, он сказал: «Циские земли тянутся на несколько тысяч ли, [они выставляют] несколько миллионов¹²¹ латников. Ведь все сановники из трех Цзинь недовольны [господством] Цинь, и более сотни их поселилось между Э и Цзюанем¹²². Ты, ван, привлекли их и вручи им миллионное войско, чтобы они забрали земли, некогда принадлежавшие трем Цзинь. Можно будет даже вступить в заставу Линьцинь. Сановники из Яньина не желают подчиниться Цинь, и более сотни их собралось к югу от стены. Ты, ван, привлекли их и вручи им миллионную армию, чтобы они забрали земли, некогда принадлежавшие Чу. Можно будет вступить даже в заставу Угуань¹²³. Если сделаешь так, то сможешь утвердить авторитет Ци и погубить царство Цинь. Тебе, великий ван, не следует отказываться от [привилегии] объявлять свои решения (чэн чжи)¹²⁴, глядя на юг, и взамен этого прислуживать Цинь, глядя на запад». Циский ван не послушал его. Цинь

¹²⁰ В тексте памятника, использованном Бао Бяо, после слов «Цзимо дафу» (сановник из Цзимо) стоял иероглиф «юй» (вступать в союз). Бао Бяо исправил его на «вэнь» (слышать). В переводе мы следуем этому исправлению.

¹²¹ Бао Бяо, резонно сочтя цифру преувеличенной, сократил ее в десять раз. Ясуи Котаро, выступая против этого исправления, писал: «Как я полагаю, сановник из Цзимо, зная, что ван Цзянь труслив, хотел с помощью преувеличения укрепить его дух, поэтому и говорил о нескольких миллионах. Бао [Бяо] не мог понять смысла [этого преувеличения] и считал, что в Ци не может быть нескольких миллионов [латников]».

¹²² Экота Икё считает, что Э и Цзюань — это «циские земли».

¹²³ Линьцинь и Угуань — циньские заставы на границе с центральнокитайскими царствами.

¹²⁴ Выражение «чэн чжи», очевидно, возникло под влиянием официальной фразеологии, характерной для эпохи Цинь. Известно, что с провозглашением циньского вана единодержавным правителем Поднебесной в придворный язык и в язык государственных канцелярий был введен ряд неологизмов. Так, было приказано более важные решения государя именовать чжи, а менее важные — чжао (Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 6, стр. 436). Ср.: О. Франке, *Geschichte des chinesischen Reiches*, Bd. III, *Anmerkungen, Ergänzungen und Berichtigungen zu Bd I und II*, Berlin, 1937, стр. 134.

послало Чэнь Чи, чтобы тот заманил циского вана в пределы [царства Цинь] обещаниями союза и земель протяженностью в пятьсот ли. Циский ван, послушав не сановника из Цзимо, а Чэнь Чи, поехал. В Цинь его поселили между Гун и Сунбо¹²⁵, где он и умер от голода»¹²⁶.

Есть некоторые обстоятельства, позволяющие, на наш взгляд, установить направление, в котором следует искать создателя этого текста и ту аудиторию, к которой он обращался. Непосредственные цели написавшего повествование о позорной гибели последнего циского вана вскрыть нетрудно. Важнейшая из них, пожалуй, заключается в том, чтобы усугубить его дурную славу, вновь напомнить о его трусости и упорстве, с которым он отвергал мудрые советы и слушал лишь тех, кто вел дело к капитуляции перед Цинь. В раннеханьской литературе можно встретить сентенциозные характеристики последнего циского вана, в которых также отмечаются эти обстоятельства¹²⁷.

В анализируемом тексте упоминаются выходцы из Чжао, Хань Вэй (т. е. трех Цзинь) и Чу, не желающие подчиняться Цинь и поселившиеся на территории царства Ци. Автор этого текста, по-видимому, имел в виду политических эмигрантов, покинувших свои царства после того, как они были оккупированы циньскими войсками¹²⁸. Таким образом, план сановника из Цзимо сводился к тому, чтобы поддержать политических эмигрантов из аннексированных циньским ваном царств и, воспользовавшись повсеместным недовольством циньской тиранией, очистить земли Поднебесной от оккупационных войск, отеснив их за старые границы царства Цинь. Этот план построен из вполне исторически прав-

¹²⁵ В тексте трактата «Сюнь-цзы» упоминается застава Сунбо. Там она выступает как опорный пункт царства Цинь в его агрессивных планах против царства Чжао. В одном из старых комментариев к этому пассажиру сказано: «По-видимому, Чжао посадило сосны (сун) и кипарисы (бо), чтобы установить границу с царством Цинь. Теперь же Цинь овладело [этой местностью]». См.: «Сюнь-цзы», цз. 16, стр. 216.

¹²⁶ «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 60-а, б.

¹²⁷ «Хуайнань-цзы», цз. 20, стр. 368.

¹²⁸ Как известно, первым, кого постигла эта участь, было царство Хань, павшее под ударами циньских войск в 230 г. до н. э., Чжао пало в 228 г. до н. э., Вэй — в 225 г. до н. э., Чу — в 223 г. до н. э., Ци просуществовало до 221 г. до н. э.

доподобных элементов. Это заставляет думать, что он был сфабрикован тогда, когда вопрос о реальных обстоятельствах, предшествовавших капитуляции циского вана Цзяня, мог еще сохранить злободневность.

Рассказывая о том, как по вине Цзяня были упущены прекрасные возможности для развертывания антициньской борьбы, автор анализируемого текста апеллировал к чувствам не только жителей бывшего царства Ци, но и уцелевшей от репрессий знати тех царств, чьих эмигрантов Цзянь отказался поддержать в трудную минуту. Таким образом, цель его, очевидно, заключалась также в том, чтобы показать, как трусость и неразумие последнего циского вана нанесли тяжелый ущерб антициньской борьбе в центральнокитайских царствах и в южном царстве Чу.

В ходе ожесточенной междоусобной борьбы новоявленных владетелей, пытавшихся использовать результаты антициньской народной войны 209—208 гг. до н. э. для создания самостоятельных государственных образований по типу Сражающихся царств, сложилась ситуация, при которой текст с подобными целевыми установками мог бы быть пущен в ход как актуальный политический документ. Мы имеем в виду следующее: в июле 208 г. до н. э. в битве с войсками циньского военачальника Чжан Ханя погиб Тянь Дань, объявивший себя ваном земель, входивших до 221 г. до н. э. в состав царства Ци; вскоре здесь к власти пришел Тянь Цзя, представитель старшей ветви рода Тянь, брат умерщвленного в Цинь циского вана Цзяня; однако уже в сентябре того же года Тянь Жун, родич Тянь Дая, лишил Тянь Цзя престола, и последний вынужден был бежать в Чу¹²⁹; его первый советник Тянь Цзюе бежал в Чжао¹³⁰. С этого времени и вплоть до момента гибели Тянь Жун в 205 г. до н. э. последний постоянно выступал то как скрытый, то как прямой противник гегемонии Сян Юя. В этой обстановке Тянь Цзя превратился в орудие большой политической игры между ними. Действительно, когда вскоре после бегства Тянь Цзя из Ци Сян Лян и

¹²⁹ В Чу в 208 г. до н. э. была восстановлена «легитимная» династия в лице внука Хуай-вана по имени Синь.

¹³⁰ В Чжао за несколько месяцев до этого события Чжан Эр и Чэнь Юй возвели на престол представителя старого ванского рода по имени Се.

Сян Юй предложили Тянь Жуну выступить против одного из циньских военачальников, он поставил перед ними следующее условие: «Я выступлю со своим войском, если Чу убьет Тянь Цзя, а Чжао — Тянь Цзюе»¹³¹. Сян Лян отказался выполнить его, сославшись на то, что Тянь Цзя — ван союзного государства. Как известно, когда Сян Юй в 206 г. до н. э. учредил 18 владений, поделив Поднебесную между полководцами, возвысившимися в ходе антициньской войны, и представителями старой наследственной аристократии, территория бывшего царства Ци оказалась поделенной между тремя правителями: Тянь Ши, Тянь Анем, внуком Цзяня, и Тянь Ду¹³². Тянь Жун и Тянь Цзя были обойдены. Однако через несколько месяцев после опубликования декрета Сян Юя все трое были низложены Тянь Жунюм. В 205 г. до н. э. наступила развязка. Чуский военачальник Сян Ци прогнал Тянь Жуна, который был вскоре убит, и посадил Тянь Цзя ваном царства Ци. Но не прошло и месяца как Тянь Цзя вынужден был покинуть пределы Ци. Его казнили в Чу, куда он бежал в поисках убежища¹³³.

Итак, одним из весьма существенных моментов борьбы между многочисленными военно-политическими группировками, властвовавшими над разными районами Китая как на втором этапе антициньской войны, так и в ходе войны Чу и Хань была непрерывная распря между родственниками Тянь Даня и наследниками вана Цзяня. Представляется вполне вероятным, что в этих условиях приведенный выше текст мог быть сфабрикован для распространения в качестве агитационного средства, направленного против восстановления в Ци власти «легитимной» ветви рода Тянь. Тем более что в этом тексте, как было нами показано, весьма отчетливо обнаруживается стремление скомпрометировать последнего циского вана, а следовательно, и его наследников перед властью имущими в центральнокитайских царствах и в царстве Чу.

Умелым историко-публицистическим изложением отличается рассказ о том, как последний чжаоский ван в

¹³¹ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 7, стр. 543.

¹³² Л. С. Переломов, Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае, стр. 209, 210.

¹³³ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 16, стр. 1204.

критический для судьбы царства Чжао момент, когда Цинь готовилось окончательно поглотить его земли, отказался от услуг мудрого советника Сыкун Ма и погубил полководца Ли Му. Этот текст содержит несколько живых драматических диалогов: вана и Сыкун Ма, Хань Цана, циньского лазутчика при чжаоском дворе, и Ли Му, воссоздающих отдельные моменты событий, приведших к гибели царства Чжао. Текст заканчивается суждениями некоего «начальника Пинъюаня», в которых заключена «мораль»: «Уань-цзюнь умер, а через пять месяцев погубло Чжао. Начальник Пинъюаня всем, кого встречал, непременно говорил: “Как жаль Сыкун Ма!” Еще утверждал он, что Сыкун Ма был изгнан из Цинь не из-за неразумия, покинул Чжао не из-за непочтительности; что Чжао отвергло Сыкун Ма и государство погубло; что [причина] гибели царства не в отсутствии достойных людей, а в неумении их использовать»¹³⁴.

В этих суждениях отразилась реакция общества на гибель крупнейшего из центральнокитайских Сражающихся царств. То обстоятельство, что Чжао, которое могло бы стать собирателем антицинских сил и оплотом антицинского движения, капитулировало почти без борьбы, требовало объяснения. И такое объяснение, имевшее, кстати, весьма определенный назидательный подтекст, было найдено: причина гибели Чжао — в неумении его последнего вана использовать верных и способных советников.

По свежим следам событий, когда на землях бывших Сражающихся царств не была еще забыта горечь поражения, создан и рассказ о посольстве, отправленном владельцем Аньлина (Аньлин-цзюнем) к Цинь Ши-хуанди. Речь в нем идет о том, как в ходе аннексии земель царства Вэй, осуществленной циньскими войсками в 225 г. до н. э., небольшая область вокруг города Аньлина¹³⁵, подвластная одному из вэйских сановников, осталась незанятой. Циньский ван (будущий Цинь Ши-хуанди) предложил владельцу Аньлина доброй волею отказаться от нее в обмен на земельное пожалование в другом месте. Далее в качестве героя рассказа выступает некий Тан Суй, посол владельца Аньлина, которому

¹³⁴ «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 84-а, б.

¹³⁵ На территории современной провинции Хэнань, на северо-западе уезда Яньлин.

удается убедить циньского вана оставить Аньлин в покое. С историко-публицистической точки зрения наибольший интерес представляет следующий фрагмент диалога между Тан Суем и циньским ваном: «Изменившийся в лице от гнева циньский ван обратился к Тан Сюю: “Слышал ли ты когда-нибудь, каков гнев Сына неба?” Тан Суй ответил: “Никогда не слышал”. Циньский ван сказал: “Гнев Сына неба таков, что тела [казненных] лежат без числа, а кровь течет на тысячу ли”. Тогда спросил Тан Суй: “А ты, великий ван, слышал ли, каков гнев носящего холщовое платье?”. Циньский ван ответил: “Снимать шапку, [подходить] босиком, биться лбом о землю — вот каков гнев носящего холщовое платье!” Тан Суй сказал: “То гнев батрака, а не благородного мужа. А вот когда Чжуань-чжу заколол вана Ляо¹³⁶, комета столкнулась с луной; когда Не-чжэн заколол Хань Гуя¹³⁷, белое сияние затмило солнце; когда Яо Ли заколол Цин Цзи¹³⁸, столкнулись сизые коршуны над теремом. Эти трое были благородными мужами, одетыми в холщовое платье, они таили гнев, не выказывали его, но знамения были ниспосланы небом. Со мною вкупе таких станет четверо. Если благородный муж разгневется, то падут на землю [бездыханные] тела двух людей, кровь разольется на пять шагов, Поднебесная оденется в траур. Сегодня исполнится это”. Выхватив меч, он вскочил. Циньский ван с униженным видом приподнялся и, встав на колени, признал свою ошибку: “Присядь, учитель! Зачем доводить дело до этого. Я [все] понял. Уже погибли и Хань, и Вэй, но ради тебя, учитель, я сохранию Аньлин с его землями протяженностью в пятьдесят ли!”»¹³⁹.

Не дипломатические хитрости, не книжное красноречие делает автор этого текста основным оружием посла владетеля Аньлина. Тан Суй добивается цели своим мужественным поведением; он не останавливается даже перед тем, чтобы поднять руку на грозного Цинь Ши-

¹³⁶ В 515 г. до н. э. Ляо, правитель царства У, был убит во время пира одним из приближенных княжича Гуана.

¹³⁷ Это событие произошло в конце IV в. до н. э. Хань Гуй был сыном царства Хань.

¹³⁸ Цин Цзи — сын Ляо, правителя царства У. После убийства последнего власть в У захватил Гуан (Хэлюй), который с помощью Яо Ли устранил со своего пути и Цин Цзи.

¹³⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 7, стр. 67-б—68-а.

хуанди. Основная идея данного текста сводится к тому, что Цинь Ши-хуанди можно утратить, а значит и победить, решительным отпором его грубой силой. Воспевание мужества и находчивости в этом тексте, который, очевидно, был составлен не без влияния устного народного творчества, весьма показательны. Нам кажется, что это явление отражало стремление к активным антицинским выступлениям, зародившееся в годы падения шести Сражающихся царств и установления тирании Цинь Ши-хуанди в самых широких слоях народа, и протест против трусости власти имущих, против пассивного ожидания собственной гибели от рук циньских воинов.

Авторов трех последних памфлетов весьма живо волновали события, связанные с гибелью Сражающихся царств, с антицинской борьбой. Кажется, что для них это было недавнее прошлое, которое еще стоит перед глазами. В тех случаях когда в разобранных выше текстах мы сталкиваемся со стремлением найти причины падения Сражающихся царств и установить его виновников, оказывается, что оно отражает политические взгляды и чаяния общественных групп, враждебных Цинь. Все это заставляет видеть в них документы политической борьбы, охватившей разные слои древнекитайского общества в конце эпохи Цинь — начале эпохи Хань.

«Планы Сражающихся царств» содержат также тексты, в которых объектом анализа оказывается не отдельное событие, а целая серия исторических моментов; это дает их авторам основание для более широких обобщений. Обычно эти обобщения представляют собой рецепты для устранения политических зол. Таково, в частности, содержание обширной речи Су Циня, обращенной к цискому Минь-вану. По своим размерам она превосходит все прочие тексты, входящие сейчас в состав «Планов Сражающихся царств», — в ней около 2,5 тыс. иероглифов. В издании Яо Хуна она занимает целый цзюань. В этом тексте в серии аксиом, приписываемых Су Циню, изложены некоторые важные принципы государственной мудрости периода Чжаньго. Их отличает крайнее равнодушие к справедливости и забота только о том, чтобы царство любой ценой добилось военно-политического успеха. Апелляцию к долгу и справедливости аксиомы Су Циня предлагают использовать лишь как средство сокрытия истинных целей военных операций против соседей:

«[Правителям надлежит] делать так, чтобы другие, вызывая недовольство, наказывали неправых; скрывая [истинные цели] военных действий, [им надо] ссылаться на то, что [выступают в защиту] справедливости; в этом случае перед ними открывается возможность спокойно ожидать падения Поднебесной»¹⁴⁰.

В отличие от многих других образцов политической литературы периода Чжаньго аксиомы Су Циня лишены характерной абстрактно-морализующей оболочки. Даже в понятие «и» (справедливость) здесь вложено практически-деловое и конкретное, а не философски сублимированное содержание. Основное направление данной политической теории Су Циня изложено в преамбуле его речи: «Я слышал, что тот, кто пускает в ход оружие и любит главенствовать в Поднебесной, обретет заботы; тот, кто заключает союзы и любит быть объектом ненависти, останется в одиночестве. Ведь тот, кто выступает после других, найдет опору, а тот, кто избегает ненависти, выберет подходящее время. Вот почему мудрый человек, принимаясь за дела, непременно опирается на умение применяться к обстоятельствам и обязательно выступает в подходящее время»¹⁴¹. Здесь за основу внешней политики берутся не принципы справедливости или права, но государственная выгода и политический расчет¹⁴². В этой речи применение тех или иных средств внешнеполитической активности, выбор тех или иных взаимоотношений между царствами взвешивается с точки зрения вреда и пользы; все вопросы разрешаются в плане выгодного и невыгодного, благоразумного и неблагоразумного.

Аксиомы Су Циня — это практическое руководство для правителя, в котором ему указан путь к внешнеполитическому успеху, достигавшемуся без разорительных войн, с помощью искусного использования благоприятных для него ситуаций, возникавших в ходе ожесточен-

¹⁴⁰ Там же, цз. 4, стр. 44-б.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Ср. наблюдение В. М. Штейна над политическими сочинениями древней Индии, в которых, по его словам, «проявляется отказ от нравственных начал при анализе вопросов войны и дипломатии», «при рассмотрении политических вопросов полностью игнорируются все другие мотивы поведения, кроме государственной пользы» (В. М. Штейн, «Гуань цзы». Исследование и перевод, М., 1959, стр. 45).

ной борьбы между соседними Сражающимися царствами. Не совсем прав был Хэниш, утверждавший, что автор анализируемой здесь речи «выступает в роли противника агрессивных войн, как и войн вообще»¹⁴³. Действительно, в речи на каждом шагу встречаются указания на то, что большая война не несет царству ничего, кроме разорения и гибели. Но одновременно с этим речь неоднократно прямо советует нападать на соседей, когда они ослаблены или поглощены войной с сильным противником. Однако прибегать к вооруженным вторжениям, как, впрочем, и к другим средствам внешнеполитической активности, следует, по словам автора речи, с необычайной осторожностью и только тогда, когда внутреннее положение царства и внешнеполитическая обстановка благоприятствуют этому: «Я слышал, что тот, кто искусно управляет страной, сообразуется с мнением народным и измеряет возможности своего войска, после чего начинает следовать за Поднебесной. Поэтому, когда он заключает союзы, то не становится к выгоде других объектом ненависти; когда он выступает в поход, то не стремится к выгоде других нанести поражение сильному [врагу]. В этом случае его войско не несет ущерба, его влияние не уменьшается, его земли смогут быть расширены, а его желания смогут исполниться»¹⁴⁴. Таким образом, автора этой речи нельзя назвать пацифистом. Он предостерегает против затяжных и разорительных войн, но советует прибегать к оружию, когда победа его обеспечена благоприятными обстоятельствами и длительной дипломатической подготовкой, когда успеха можно достигнуть в кратчайший срок, не нанося ущерба стране и армии: «Поэтому, когда разумный государь прибегает к войнам и нападениям, в его армии не расходуют панцирей и оружие, но одерживают победы над враждебным владением, не пускают в ход таранов и навесов, но захватывают пограничные города; народ еще не узнал [о войне], а дело вана уже восторжествовало»¹⁴⁵.

Такой подход к войне, очевидно, отражал характерные особенности внешнеполитического положения цар-

¹⁴³ E. Haenisch, Politische Systeme und Kämpfe im alten China, Berlin, 1951, стр. 14.

¹⁴⁴ «Планы Сражающихся царств». цз. 4, стр. 43-а

¹⁴⁵ Там же, стр. 47-б.

ства Ци после 279 г. до н. э.¹⁴⁶, когда центральные районы Китая и его юг стали объектом невиданной доселе по своим масштабам и ожесточенности агрессии со стороны царства Цинь. Пока уничтожались армии и гибли в огне города царств Чжао, Хань, Вэй, Чу, для цисцев, о которых на время забыли, наступила некоторая передышка. Естественно, что в таких условиях в царстве Ци могли появиться политики, питавшие надежду, что, используя в лабиринте междуцарской борьбы и используя выгоды своего теперешнего положения, им удастся и в дальнейшем сохранять относительный покой на границах своего царства и даже вернуть ему былое влияние.

Как нам кажется, именно эти надежды, а также тенденциозно истолкованный опыт прошлых поколений стали основой вышеупомянутой военно-политической доктрины, идеалом которой было царство, избегающее изнурительных войн, не связанное ни с кем из соседей прочными узами и пускающее в ход оружие только из стремления к выгоде.

Анализ содержания «Планов Сражающихся царств» показывает, что перед нами не серия схематизированных декламаций, лишенных плоти и крови, а своеобразное историческое сочинение, насыщенное ярким, живым и конкретным материалом.

Тексты, собранные Лю Сяном, первоначально входили в ткань произведений, относившихся к различным направлениям исторической прозы и имевших разное назначение. Однако, несмотря на очевидную многоликость содержания памятника, в его составе можно выделить два больших слоя: тексты, составленные под влиянием устного исторического предания, и тексты, преследовавшие лишь политико-публицистические цели.

Авторы текстов, собранных в «Планах Сражающихся царств», так же как и авторы других сочинений, связанных с историческими преданиями, пытались устанавливать причинные связи между отдельными, хронологически близкими событиями, пытались показать, как данное событие сделалось необходимым вследствие суще-

¹⁴⁶ Т. е. года, когда началось освобождение земель царства Ци от яньских оккупационных войск.

ствования у людей, его совершивших, тех или иных мотивов и намерений. Характерной чертой идеологических представлений, отразившихся в «Планах Сражающихся царств», был взгляд на политические замыслы и планы, содержание которых сводилось к вероломству и предательству, к ежеминутным переходам от обмана к насилию как на единственный источник исторических перемен.

Исследуя степень аутентичности и происхождение многих представляющих интерес с точки зрения историка известий, содержащихся в различных частях «Планов Сражающихся царств», мы установили, что в тексте памятника достаточно оригинальных сведений, которые подтверждаются другими источниками и, следовательно, представляются вполне достоверными. В ряде случаев к тем событиям, о которых сообщают только «Планы Сражающихся царств», также можно относиться с доверием.

Однако исследуемый памятник содержит немало текстов, которые дают искаженное представление об упоминаемых в них событиях. Интерес к прошлому отходит в них на задний план, полностью уступая место определенным политико-публицистическим целям. В ходе изучения этих целей восстанавливаются некоторые характерные черты почти не известной нам картины борьбы политических группировок и столкновений различных политических взглядов на протяжении IV—III вв. до н. э., что для историка имеет не меньшее значение, чем выяснение подлинных обстоятельств, сопровождавших то или иное событие.

ГЛАВА V

«ПЛАНЫ СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ» О СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ ДРЕВНЕКИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА В V—III вв. до н. э.

Одной из характернейших особенностей социально-экономического развития царств, возникших в древнем Китае в IX—VIII вв. до н. э. на развалинах западно-чжоуской государственности, было постепенное укрепление территориальных связей в ущерб родо-племенным¹. Как свидетельствуют нарративные источники и надписи на бронзовой ритуальной утвари, несколько позднее, в VII—V вв. до н. э., на землях крупнейших древнекитайских владений уже сложилась стабильная территориально-административная организация.

В это время получила широкое распространение практика передачи во владение представителям военно-служилой знати различных по величине и значению административных районов (шэ², шушэ³, сянь⁴, би⁵). В нарративных источниках их нередко обозначали общим термином «и» — поселение⁶.

Начиная с периода Чуньцю появились многочисленные упоминания о пожаловании поселений. Очевидно, что под поселениями здесь подразумевались не только сами административные центры, но и подвластные им территории⁷. Сведения источников о содержании права,

¹ Л. С. Васильев, Аграрные отношения и община в древнем Китае (XI—VII вв. до н. э.), М., 1961, стр. 111—116.

² «Цзо чжуань», 25-й год Чжао-гуна, стр. 706.

³ «Вёсны и осени мудреца Яня» с комментарием («Янь-цзы чуньцю цзяо чжу»), серия «Чжу цзы цзи чэн», цз. 6, стр. 167.

⁴ «Цзо чжуань», 33-й год Си-гуна, стр. 223; 15-й год Сюань-гуна, стр. 327.

⁵ «Цзо чжуань», 26-й год Сян-гуна, стр. 520.

⁶ См.: Л. С. Васильев, Эволюция древнекитайского термина И, — «Вестник древней истории», 1961, № 2, стр. 83—96.

⁷ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 31, стр. 2071.

определявшего статус владельцев поселений, весьма ограничены. Судя по ряду данных⁸, поселения после отца обычно передавались сыну. Однако неизвестно, имела ли практика наследования поселений какие-либо основания в юридических нормах того времени. В источниках отсутствуют также факты, которые свидетельствовали бы о возможности прямого отчуждения поселений в форме продажи, залога и т. д. Однако владельцы их, по-видимому, могли по своему усмотрению переуступить часть пожалованной им территории своим сородичам и приближенным⁹. Они обладали также правом создавать собственные вооруженные отряды¹⁰ и возводить укрепления вокруг крупных населенных пунктов подвластных им областей¹¹.

К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении источники содержат весьма мало данных о конкретных формах эксплуатации земледельческого населения, жалованных поселений (фэн и). Известно, однако, что со второй половины периода Чуньцю их доходность начали определять количеством приписанных к ним домов или дворов (ши, ху).

Происходившие в то время процессы закрепления полевых наделов за отдельными хозяйствами малых семей¹² повлекли за собой серьезные изменения в способах налогового обложения земледельцев. Источники сообщают, что в 667 г. до н. э. в царстве Ци¹³, а в 594 г. до н. э. и в царстве Лу¹⁴ был введен натуральный поземельный налог, размеры которого зависели от площади и качества обрабатываемого участка. Имеются известия о том, что в период Чуньцю поземельный налог получил распространение также в царствах Цзинь¹⁵ и

⁸ «Цзо чжуань», 7-й год Чжао-гуна, стр. 613; «"Янь-цзы чуньцю" с комментарием», цз. 7, стр. 201; Сыма Цянь, Записки историографа, цз. 62, стр. 3250.

⁹ «Цзо чжуань», 17-й год Чэнь-гуна, стр. 401.

¹⁰ «Цзо чжуань», 10-й год Сян-гуна, стр. 444; 1-й год Ай-гуна, стр. 792. Ср.: Ли Я-нун, Западное и Восточное Чжоу (Сичжоу юй Дунчжоу), Шанхай, 1956, стр. 136—138.

¹¹ Ли Я-нун, Западное и Восточное Чжоу, стр. 122.

¹² Л. С. Васильев, Аграрные отношения..., стр. 212—216.

¹³ «Повествования о царствах», цз. 6, стр. 82; «Гуань-цзы», цз. 7, стр. 110.

¹⁴ «Цзо чжуань», 15-й год Сюань-гуна, стр. 327.

¹⁵ «Вновь упорядоченные повествования» («Синь сюй»), серия «Цун шу цзи чэн», цз. 2, стр. 22.

Чэнь¹⁶. В новых условиях термин «дом», или «двор», по-видимому, стал обозначать такой хозяйственный комплекс, который включал в себя и земельный участок крестьянской семьи.

Тесная связь пахотного поля с домохозяйством владельца этого поля выступает особенно ясно в постоянстве терминологического сочетания «тянь чжай» — поле и усадьба, столь характерного для этико-философских и политэкономических сочинений периода Чжаньго. Об этом также свидетельствует дошедшее до нас историческое повествование о деятельности Инь-до, управителя жалованного поселения, принадлежавшего одному из сановников царства Цзинь (первая половина V в. до н. э.). Стремясь облегчить налоговое бремя, «Инь-до сократил число его (т. е. поселения) дворов [в подворной переписи]»¹⁷. Иными словами, Инь-до исключил из подворной переписи наиболее маломощные хозяйства и освободил их от налогового обложения. Данное свидетельство и ряд аналогичных ему указывают на то, что со второй половины периода Чуньцю термин «дом» («двор»), а в некоторых случаях и термин «семейство» (цзя)¹⁸ стали использовать для обозначения низшей податной единицы. Очевидно, в это время поземельный налог сделался основой экономического благосостояния владельцев поселений.

К середине V в. до н. э. институт жалованных поселений занимал одно из ведущих мест в социально-экономической жизни древнекитайского общества и обладал уже прочно укоренившейся правовой традицией. Формально в этой области сохранялись нормы, выработанные на протяжении предыдущих столетий. По-прежнему в качестве объекта пожалования выступали поселения с определенным числом податных единиц¹⁹. Так же как и в период Чуньцю, поселения были центрами стабильных административных районов. Нововведением было

¹⁶ «Цзо чжуань», 11-й год Ай-гуна, стр. 822.

¹⁷ «Повествования о царствах», цз. 15, стр. 176.

¹⁸ «Цзо чжуань», 9-й год Дин-гуна, стр. 772.

¹⁹ Например, в дошедшем до нас обращении вэйского сановника Гунсунь Яня к Чжаи И (последняя четверть IV в. до н. э.) сказано: «По этой причине я заставлю вана предоставить тебе, господин, поселение в десять тысяч дворов». «Планы Сражающихся царств», цз. 7, стр. 23-а. Ср. также: там же, цз. 4, стр. 60-а; цз. 3, стр. 20-б; цз. 6, стр. 57-б.

лишь то, что владельцам поселений в период Чжаньго стали присваивать титул «цзюнь» — господин. При этом в виде атрибута к нему обычно использовали наименование пожалованной территории.

Однако внимательное ознакомление с материалами источников заставляет прийти к выводу, что за внешней традиционностью форм здесь скрывался целый ряд качественно новых явлений. Как известно, в конце Чуньцю — начале Чжаньго древний Китай перенес серию политических потрясений: появились новые независимые владения — Чжао, Хань и Вэй, пришедшие на смену исчезнувшему с лица земли царству Цзинь, в Ци и Сун произошла смена правящих династий. За этими изменениями стояли значительные социальные сдвиги внутри господствующего класса. Источники этого времени рисуют картину ослабления и распада многих аристократических кланов, наследственных обладателей титулов и должностей, ранее деливших власть в царствах с хоу и гунами²⁰. В ходе ожесточенной политической борьбы VI—IV вв. до н. э. правителям некоторых центральнокитайских царств удалось добиться значительной концентрации власти в своих руках. Имеются сведения о том, что они стремились к ограничению влияния знати в центральных административных органах²¹.

Эти явления существенным образом повлияли на правовую статус владельцев крупных административных единиц. Уже в исторических записях, восходящих к VI—V вв. до н. э., появились сообщения о том, что закономерным следствием отказа от официальной должности стало возвращение земельного пожалования в казну²². Таким образом, на грани периодов Чуньцю и Чжаньго наряду с существовавшими исстари наследственными поселениями знатных родов получили распространение такие пожалования, владение которыми было ограничено сроком исполнения определенных военно-административных функций. Вводя их, правители царств пытались воспрепятствовать установлению прочных связей знатных

²⁰ «Повествования о царствах», цз. 15, стр. 178; «Цзо чжуань», 3-й год Чжао-гуна, стр. 585, 586.

²¹ См.: «Планы Сражающихся царств», цз. 6, стр. 5-б, 6-а.

²² «Цзо чжуань», 16-й год Чэн-гуна, стр. 393; 14-й год Ай-гуна, стр. 837.

фамилий с населением пожалованных территорий, лишить их политического влияния на местах.

В период Чжаньго борьба с сепаратистскими устремлениями местных владетелей вступила в новый этап. На страницы исторических и философских сочинений этого времени проникли отзвуки законодательных установлений и административных мер, вносивших ограничения в практику передачи жалованных поселений по наследству.

Так, до нас дошли высказывания У Ци (ум. в 381 г. до н. э.), известного военного теоретика и государственного деятеля царств Вэй и Чу. Указывая на необходимость реформ в области политической организации царства Чу, он говорил: «Если сановники чересчур влиятельны, а владетели пожалований (фэн цзюнь) слишком многочисленны, то [они] в высших сферах угрожают государю, а в низших сферах притесняют народ. Лучше сделать так, чтобы титулы (цзюе) и жалование (лу)²³ отбирались у третьего поколения потомков владетелей пожалований»²⁴. К сожалению, о конкретном содержании реформ У Ци в царстве Чу известий почти не сохранилось. Лишь в «Люй ши чуньцю» сказано, что по его указу множество знатных чусцев было переселено в неосвоенные пограничные районы²⁵. По-видимому, этот указ был частью законодательных мероприятий, направленных к практической реализации приведенного выше предложения реформатора²⁶.

²³ В применении к крупным сановникам термин «жалование» обозначал обычно земельное владение, полученное из рук правителя. Ср.: «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 5-а, 11-а.

²⁴ «Хань Фэй-цзы», цз. 4, стр. 67.

²⁵ «Люй ши чуньцю», цз. 21, стр. 283.

²⁶ В древнекитайской литературе часто встречается повествование о мудром Суньшу Ао (сановнике чуского Чжуан-вана, конец VII — начало VI вв. до н. э.) и его сыне. Хитростью они достигли того, что пожалованная им территория в течение многих веков находилась во владении их потомков. Чтобы подчеркнуть исключительный характер столь длительного сохранения пожалования в руках одной фамилии, некоторые авторы конца Чжаньго — начала Хань ввели в текст повествования следующую фразу: «По законам государства Чу земли отбирались у второго поколения [потомков] сановников, получивших жалование» («Хань Фэй-цзы», цз. 7, стр. 116). Ср.: «Хуайнань-цзы», цз. 18, стр. 306. Но, как известно, в исторических записях, восходящих ко временам чуского Чжуан-вана, ничего не говорится об ограничительных мерах в области наследования жалованных поселений. У Ци — единственный, кому ис-

Что касается положения в других царствах периода Чжаньго, то, судя по целому ряду косвенных данных, здесь также шел процесс постепенного уничтожения жалованных поселений, которые можно было передавать по наследству. Весьма характерно, что в нарративных источниках этого периода описан всего один случай перехода пожалованной территории от отца к сыну²⁷. Более того, среди дошедших до нас материалов чжангоского летописания содержатся упоминания о передаче жалованных поселений под контроль царской администрации сразу же после смерти их владетелей. Так было с жалованными поселениями циньского Вэй Жааня (Жан-хоу, ум. ок. 270 г. до н. э.)²⁸ и чжаоского Чжэн Ань-пина (ум. в 255 г. до н. э.)²⁹.

Представляет интерес и следующее обстоятельство: из сопоставления свидетельств разных источников вытекает, что в IV—III вв. до н. э. владетелями одной и той же области на протяжении сравнительно небольшого периода времени оказывались лица, никоим образом не связанные узами родства. Например, при циньском Хуйвэнь-ване (правил в 337—310 гг. до н. э.) земли

точники приписывают какие-то изменения в государственном законодательстве царства Чу, направленные против знати (ср.: Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 65, стр. 3316). Поэтому вышеприведенную ссылку на «законы государства Чу» следует, по-видимому, рассматривать как анахронизм, который отражал правовые нормы периода Чжаньго, сложившиеся под влиянием реформы У Ци.

²⁷ Мы имеем в виду рассказ Сыма Цяня о том, как после смерти Тянь Ина, циньского сановника, владетелем принадлежавшей ему области Се стал его наследник Тянь Вэнь (Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 75, стр. 3618). Однако достоверность той части биографии Тянь Вэня, которая содержит данный рассказ, вызывает серьезные сомнения. Здесь пространно повествуется, как герой с помощью остроумных речей из презираемого сына становится любимым наследником. И сам сюжет, и множество конкретных деталей этого повествования явно относятся к категории литературных штампов, характерных для «исторических романов» периода Чжаньго. В очевидном противоречии с вышеупомянутым рассказом находится приведенное в той же главе «Записей историографа» Сыма Цяня сообщение, что Тянь Вэнь получил область Се не после смерти своего отца, а несколько лет спустя, когда ему был поручен пост сяня царства Ци (там же, стр. 3630).

²⁸ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 72, стр. 3573. Ср.: «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 415.

²⁹ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 43, стр. 2714.

Ланьтяня были пожалованы некоему Сян-цзы³⁰. Спустя несколько десятилетий эти же земли передали циньскому сяну Люй Бу-вэю (249 г. до н. э.)³¹. Аналогичный случай имел место в царстве Чу: в начале 70-х годов III в. до н. э. чуская область Хуайбэй была по приказу вана отдана во владение Чжуан Синю³², но под 262 г. до н. э. источники упоминают о пожаловании ее Хуан Се³³. В одной из речей «Планов сражающихся царств», которая, по мнению Бао Бяо, должна была быть произнесена в 285 г. до н. э., упоминается о том, что некий ханьский сановник получил от царства Цинь земли Шаньяна³⁴. Под 239 г. до н. э. хроникальные записи сообщают о передаче циньскими властями земель Шаньяна известному авантюристу Лао Аю³⁵. Авторы периода Чжаньго приводят высказывания своих современников, в которых они отмечают чрезвычайную непрочность положения владельцев жалованных поселений, их полную зависимость от личного произвола правителей царств.

Права и привилегии владельцев жалованных поселений в период Чжаньго претерпели изменения и в ином направлении. По свидетельству источников VIII—V вв. до н. э., главы аристократических родов выполняли в то время функции военных руководителей в подвластных им областях. Выставлявшиеся этими областями отряды колесниц и пеших воинов могли выступать в качестве самостоятельных боевых единиц³⁶. В V—III вв. до н. э.

³⁰ Фань Сян-юн, Исправления и дополнения..., стр. 56.

³¹ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 77-а.

³² В тексте «Планов Сражающихся царств» сказано: «[Чжуан Синю] отдали (юй) Хуайбэй» (цз. 5, стр. 37-а). Во «Вновь упорядоченных повествованиях», где имеется аналогичный исторический рассказ о Чжуан Сине, данная фраза представлена в несколько измененной форме: «[По совету Чжуан Синя] захватили (цзюй) земли Хуайбэя» (цз. 2, стр. 28). При сопоставлении этих двух версий некоторые исследователи склонны были признать вторую более достоверной. Ими, однако, не было замечено одно обстоятельство, которое с несомненностью свидетельствует об ошибочности второй версии и об аутентичности первой: в рассказе о Чжуан Сине упомянуты события 279—277 гг. до н. э., что позволяет датировать его аудиенцию у чуского вана началом 70-х годов III в. до н. э., в то же время присоединение Хуайбэя к Чу было осуществлено намного раньше — в 284 г. до н. э.

³³ Сьма Цянь, Записи историографа, цз. 78, стр. 2692.

³⁴ «Планы Сражающихся царств», цз. 8, стр. 39-б.

³⁵ Сьма Цянь, Записи историографа, цз. 6, стр. 421.

³⁶ «Цзо чжуань», 5-й год Чжао-гуна, стр. 602.

положение изменилось: в сообщениях о проведении общецарских или региональных мобилизаций крестьянского ополчения полностью исчезли упоминания о местных владетелях³⁷.

Видимо, они утратили право контроля над военной организацией передаваемых им территориально-административных единиц. Так, в известном поучении Хань Фэй-цзы о вреде фаворитизма, синтезировавшем, очевидно, конкретные черты политической жизни древнекитайских царств в III в. до н. э., говорится: «Как бы велико ни было число родственников и сторонников [у сановников царств], они не смеют подчинять себе воинов»³⁸.

В период Чжаньго получила распространение практика создания в наиболее важных в стратегическом отношении пограничных районах Сражающихся царств специальных военно-административных областей (цзюнь). Об учреждении одной из таких областей рассказывают «Планы Сражающихся царств»: «Чэн Хунь выехал из Чжоу... Он путешествовал в обществе трех спутников. На юге он посетил Чу и достиг [города] Синьчэна. Чэн Хуань сказал [градо]начальнику: “Чжэн и Вэй слабее Чу, а Цинь равно ему по силе. Несмотря на слабость Чжэн и Вэй, Чу противопоставило им Шанлянь. Несмотря на то что Иян велик, Чу задумало противопоставить ему Синьчэн. Пубань и Пиньян³⁹ удалены друг от друга на расстояние в сто ли. Если однажды ночью циньцы внезапно нападут, то в Аньи⁴⁰ ничего не будут знать. Синьчэн и Шанлянь удалены друг от друга на расстояние в пятьсот ли. Если однажды ночью циньцы внезапно нападут, то в Шанляне тоже не узнают об этом. Ведь пограничных поселений, на которые можно было бы опереться, нет ни к югу от [Янцзы]цзян, ни в верховьях [реки] Сы. Так почему бы чускому вану не сделать Синьчэн главной военно-административной областью? Для пограничного поселения это было бы очень выгодно”. Начальник Синьчэна весьма обрадовался и

³⁷ Ср.: «Планы Сражающихся царств», цз. 7, стр. 46-6; Сы м ф Цянь, Записи историографа, цз. 6, стр. 422; цз. 43, стр. 2692.

³⁸ «Хань Фэй-цзы», цз. 1, стр. 17.

³⁹ Пубань и Пиньян — вэйские пограничные города.

⁴⁰ Один из крупнейших военно-административных центров царства Вэй.

приготовил четверку коней, колесницу, пятьсот золотых, чтобы он отправился в [столицу] Чу. Получив все это, Чэн Хунь поспешил на юг и завел знакомства в Чу. Чуский ван действительно сделал Синьчэн главной военно-административной областью»⁴¹.

Эти военно-административные области, число которых с течением времени росло, целиком находились под контролем царской власти. Наделение жалованными поселениями здесь, по-видимому, было запрещено. На это, в частности, указывает следующий эпизод из истории периода Чжаньго: когда в 248 г. до н. э. возникла необходимость превратить чуский Хуайбэй в военно-административную область, то 12 сяней Хуайбэя, находившихся к тому времени во владениях Хуан Се, были немедленно отобраны у него и переданы в руки государства⁴².

Эта характерная черта статуса военно-административных областей отражала общую для того времени тенденцию государственной власти монополизировать в своих руках все, что имело какое-либо отношение к военному делу. Немногочисленные свидетельства разнохарактерных источников указывают на то, что эта тенденция проявлялась также и в серии частных ограничений, налагавшихся на местных владетелей. Некоторые сведения по этому вопросу содержит текст вырезанной на бронзовых пластинках «иммунитетной грамоты» из царства Чу (найдена в 1957 г. на территории провинции Аньхуй).

«Грамота», изготовленная по приказу чуского Хуайвана (правил в 328—299 гг. до н. э.), освобождала торговых агентов владетеля области Э (в районе современного г. Учана) от выплаты дорожной и речной пошлин. Один из ее параграфов гласит: «[Людем Э-цзюня] запрещено перевозить металл и кожу, материал для луков (?) и бамбук»⁴³. Этот запрет, касающийся только ввоза и вывоза стратегических материалов, переключается со словами Хань Фэй-цзы о том, что «[сановникам царств] запрещено перевозить оружие, тот же из них, кто, не будучи официальным гонцом, станет пере-

⁴¹ «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 26-а—27-а.

⁴² Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 78, стр. 3693.

⁴³ Го Мо-жо. Исследование документа, выданного Э-цзюню Ци, — «Вэньу канькао цзыляо», 1958, № 4, стр. 5.

возить оружие и панцири, должен быть приговорен к смерти без права на помилование»⁴⁴.

В период Чжаньго хуу и цзюни должны были отдавать часть получаемого ими дохода в пользу государства. Широко известен комментированный рядом современных исследователей рассказ Сыма Цяня о том, как чжаоский сановник — «господин Пинъюаня» (Пинъюаньцзюнь) отказался выделить для вана установленную долю поземельного налога, который был собран с пожалованной ему территории⁴⁵.

К более раннему времени относится сообщение «Планов сражающихся царств» о том, что в царстве Чу объёмом деятельности налогового управления были не только простой народ, но и представители военно-служилого сословия: «Су-цзы сказал чускому вану: “Люди, исполненные милосердия, всей душой любят народ, утешают его добрыми речами, дети, исполненные сыновнего долга, всем сердцем любят своих родителей, заботятся об их пропитании; верные подданные должны представлять своему государю достойных людей, чтобы они помогали ему [в делах правления]. Ныне, ван, твои высшие сановники и родственники стремятся повредить достойным людям, чтобы самим занять [их место], они увеличили налоги и сборы, выплачиваемые служилыми и народом. Они добились того, что ты, ван, стал ненавистен народу; они — не верные подданные. Высшие сановники распространяют в народе [слухи] о твоих проступках, они в большом количестве раздают твои земли в виде взяток другим правителям; поскольку они отказываются от того, что любимо тобою, ван, их также нельзя считать верными подданными, вот почему стране грозит опасность. Я хочу, чтобы ты не слушал обвинений, возводимых чиновниками друг на друга, остерегался высших сановников и родственников, использовал тех, к кому люди относятся с благорасположением, умерил свои [дурные] наклонности и ограничил желания. Был вместе с народом. Для народа и слуг (жэньчэнь)⁴⁶ нет ничего

⁴⁴ «Хань Фэй-цзы», цз. 1, стр. 17.

⁴⁵ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 81, стр. 3780.

⁴⁶ В. А. Рубин относит жэньчэнь к числу терминов, «указывающих на рабское состояние» (см.: В. А. Рубин, Рабовладение в древнем Китае в VII—V вв. до н. э., — «Вестник древней истории», 1959, № 3, стр. 8). Однако такая интерпретация не совсем соответ-

труднее, чем отказаться от зависти и выдвигать людей достойных. За тебя, ван, умирают, не задумываясь: в битве под Чуйша⁴⁷ было убито более тысячи [воинов]; для тебя, ван, с легкостью принимают унижения: тебе прислуживают более тысячи человек, начиная с линь-иня⁴⁸ и тех, кто ниже его. Однако таких, которые были бы лишены зависти и выдвигали достойных, не найдется ни одного человека. По этой причине разумный государь, когда он проверяет своих подданных, непременно должен узнать, кто из них лишен зависти и выдвигает достойных людей. Достойный подданный в своем служении государю также должен отказаться от зависти и выдвигать достойных людей. Ведь трудности, с которыми сталкивается выдвигающий достойных людей, состоят в том, что, привлекая достойных, он содействует собственному устранению; цenia их, он содействует собствен-

ствует действительности. В период Восточного Чжоу у него не было столь определенного социального содержания. Вот что говорится в «Цзо чжуане» о событиях середины VII в. до н. э.: цзиньский царь проиграл сражение циньцам и попал в плен, когда стало известно, что циньцы решили отпустить его, между цзиньскими военачальниками произошел такой разговор: «Э Си сказал Цинь Чжэню: "Не лучше ли тебе отправиться [в другое царство?]". Тот в ответ сказал: "Я довел государя до поражения, во время поражения не нашел случая умереть. Если к тому же я сделаю так, что избегну наказания, то лишусь права быть его слугой (жэньчэнь")» («Цзо чжуань», 15-й год Си-гуна, стр. 166). В текстах периода Восточного Чжоу термин «жэньчэнь» мог, по-видимому, обозначать любое из известных тогда состояний зависимости или подданства. Однако на рабское состояние он указывал только в сочетании с каким-нибудь конкретизирующим термином. Например, «Вёсны и осени мудреца Яня» дают его в сочетании с «пу», означавшим человека, принимавшего на себя временно рабские обязанности за жалование или на других условиях (см.: «Вёсны и осени мудреца Яня», цз. 24, стр. 144—145). Поэтому в вышеприведенном тексте мы переводим этот термин лишенным социально-экономической определенности словом «слуга».

⁴⁷ О поражении чусцев под Чуйша упоминает Сюнь-цзы: «Чусцы делают панцири из кожи акул и носорогов, крепкие, как металл или камень; их стальные секиры из Вань опасны, как [жало] скорпиона; их [кинжики] тонки, остры и быстры, как смерч; однако [чусские] армии погибли в Чуйша, а Тан Ме был убит» («Сюнь-цзы», цз. 15, стр. 202). Исходя из того что имя полководца, погибшего в битве под Чуйша, было Тан Ме, Ян Куань идентифицировал это событие с неудачной для чусцев обороной против армии царств Ци, Вэй и Хань на реке Бишуй (301 г. до н. э.), которая хорошо известна по другим источникам (см.: Ян Куань, История периода Чжаньго, стр. 164).

⁴⁸ Глава всей гражданской администрации царства Чу.

ному обесценению, поэтому люди затрудняются [выдвигать достойных]»⁴⁹.

Несмотря на неуклонный рост централизаторских тенденций во внутривластной жизни Сражающихся царств, политическая власть чжангоских хоу и цзюней над населением подвластных им территорий была все еще весьма значительной. В этом нас убеждает содержание следующего текста из «Планов Сражающихся царств»: «Чжаоский ван пожаловал Мэнчан-цзюню [город] Учэн. Мэнчан-цзюнь отобрал [нескольких человек] из числа своих челядинцев, чтобы назначить их чиновниками в Учэне. Напутствуя их, он сказал: “Разве не говорят в народе: “Экипаж берет взаймы, чтобы быстро в нем мчаться; платье берет взаймы, чтобы его надевать?”. Те ответили: “Говорят”. Мэнчан-цзюнь сказал: “Я полностью отказываюсь принять [эти утверждения]. Ведь полученные заимообразно платье и колесницы [принадлежат] если не близким и друзьям, то старшим и младшим братьям. А мчаться в экипажах близких и друзей, надевать платье старших и младших братьев я считаю недопустимым. Ныне чжаоский ван, не зная о том, что я недостойн [его милостей], пожаловал мне Учэн. Я хочу, чтобы вы, господа, отправились туда. Не вырубайте деревья, не разрушайте жилища. Сделайте так, чтобы чжаоский ван прозрел и узнал меня. С тщанием принимайтесь за дело, чтобы можно было в целости вернуть ему [Учэн]”»⁵⁰.

Принимая пожалованную ему область, Мэнчан-цзюнь прежде всего позаботился о замене местных представителей чжаоской администрации людьми из своего окружения. Таким образом, хоу и цзюни периода Чжаньго обладали правом создавать собственный административный аппарат для руководства хозяйственной жизнью городского и земледельческого населения жалованных поселений. Известно, что Мэнчан-цзюнь, помимо Учэна, владел большим кормлением в царстве Ци. Как свидетельствует содержание другого текста, сбор поземельного налога здесь также осуществлял чиновник, назначенный самим Мэнчан-цзюнем⁵¹. В данной связи достоин упоминания и один интересный эпиграфический памятник

⁴⁹ «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 11-6—12-6.

⁵⁰ Там же, цз. 6, стр. 34-а, б.

⁵¹ Сыма Цянь, Записи историкографа, цз. 75, стр. 3624.

ник периода Чжаньго, представляющий собой печать управляющего жалованным поселением, принадлежавшим некоему Янчэн-цзюню⁵². Специфические особенности титулатуры, вырезанной на этой печати, показывают, что ее владелец не был связан с общецарской бюрократической организацией.

Возможно, что чжаньгоские хоу и цзюни обладали не только административной, но и судебной властью. В этом отношении весьма примечателен факт передачи судебного дела новому владельцу территории, о котором рассказано в «Планах Сражающихся царств». «[Царство] Вэй напало на Гуань⁵³, но город не сдавался. Защитой Гуаня руководил сын Су Гао, жителя Аньлина. Синьлин-цзюнь послал гонца, чтобы сказал Аньлин-цзюню: “Ты, господин, пошли ко мне Су Гао, я назначу его пятым сановником, поручу ему должность вэя, обладающего полномочиями”. Аньлин-цзюнь сказал: “Аньлин — малое владение, и я не могу заставить его жителей [повиноваться]”. Гонец сам отправился [искать Су Гао] и попросил показать дорогу. Когда он пришел туда, где жил Су Гао, то повторил приказ Синьлин-цзюня. Су Гао сказал: “Твой господин благорасположен ко мне, он собрался послать меня в поход на Гуань. Но если отец нападет на [город], который защищает сын, то это будет осмеяно людьми. Если он сдастся мне, то изменит своему государю. К тому же если отец станет учить сына измене, то это не понравится твоему господину. Я беру на себя смелость с двойным поклоном отказаться [от предложе-

⁵² Ли Сюе-цинъ, Очерк эпитафии периода Чжаньго, — «Вэнь», 1959, № 8, стр. 62.

⁵³ Судя по тому, что в данном тексте в качестве главного действующего лица выступает Синьлин-цзюнь, нападение на Гуань должно было произойти в годы правления вэйского Аньли-вана (276—243 гг. до н. э.). Действительно, в одном из источников периода Чжаньго сказано, что этот правитель «напал на Хань, захватил Гуань» (см.: «Хань Фей-цзы», цз. 2, стр. 21). Однако отсутствие дополнительных сведений не позволяет с достаточной уверенностью идентифицировать упоминание в обоих источниках осады Гуаня. Дело осложняется тем, что, по словам Синьлин-цзюня, приведенным ниже, в случае неудачи под Гуанем его могли «настигнуть» циньские войска. Чтобы как-то объяснить факт упоминания циньских войск в связи с осадой вэйцами ханьского Гуаня, У Ши-дао предложил следующую версию: «Цинь напало на ханьский Гуань и забрало его. Сын Су Гао был послан царством Цинь защищать его».

ния Синьлин-цзюня]”. Гонец рассказал об этом Синьлин-цзюню. Тот весьма разгневался и отправил нарочного посла в Аньлин с таким объявлением: “Земли Аньлина все еще [принадлежат] Вэй. Если я, напав на Гуань, не смогу им овладеть, то циньские войска настигнут меня. Алтари земли и злаков окажутся в опасности. Я хочу, чтобы ты, господин, связал Су Гао и прислал ко мне живым. Если ты не сделаешь этого, то я направлю сто-тысячную армию под стены Аньлина”. Аньлин-цзюнь сказал: “Мой покойный отец Чэн-хоу⁵⁴ получил от Сян-вана повеление хранить эти земли. Он собственноручно принял свод [судебных установлений] из Большой палаты. Верхняя статья свода гласит: “Если сын умертвит отца, подданный убьет государя, то их нельзя освободить от обычного наказания. Сдавший город и потерявший ребенка не получают снисхождения, даже если в царстве [объявлена] большая амнистия”⁵⁵. Ныне Су Гао вежливо отказался от высокого назначения, чтобы до конца соблюсти долг отца и сына, а ты, господин, требуешь, чтобы доставили его живым. Значит, ты велишь мне пренебречь повелением Сян-вана и забыть свод из Большой палаты. Пусть мне будет грозить смертная казнь, но я никогда не осмелюсь сделать это”. Су Гао, услышав об этом, сказал: “Ведь Синьлин-цзюнь относится к числу жестоких и самовластных людей. Если отказать ему, то это принесет стране несчастье. Если я до конца соблюду [долг отца и сына], то не выполню долга подданного. Допустимо ли делать так, чтобы у моего господина возникли трудности в [царстве] Вэй”. Тогда он направился к покоям посла, перерезал себе горло и умер. Когда Синьлин-цзюнь услышал о смерти Су Гао, он надел траурное платье и удалился из своих палат. Послал гонца, чтобы просил прощения у Аньлин-цзюня: “Я — низкий человек. Оскудев умом, сказал тебе, господин, не то, что должно. Дерзаю с двойным поклоном [просить] снять с меня вину”⁵⁶.

⁵⁴ Чэн-хоу — младший брат Сян-вана, правившего царством Вэй в 318—295 гг. до н. э.

⁵⁵ Содержание этой статьи судебного кодекса, по-видимому, восходит к традиции более или менее документального характера, т. е. либо к официальным текстам, либо к довольно точным записям современников.

⁵⁶ «Планы Сражающихся царств», цз. 7, стр. 62-а—63-б.

В современной исторической литературе было высказано мнение, что в ходе реформ Шан Яна в царстве Цинь характер жалованных поселений претерпел серьезные изменения, так что циньские хоу и цзюни начиная с середины IV в. до н. э. «были отстранены от непосредственного участия в управлении народом (населявшим пожалованные им территории.— К. В.)»⁵⁷. Надо сказать, что это мнение вряд ли соответствует действительности. Достаточно вспомнить о том, что Тао и Хуаян — территории, принадлежавшие в первой половине III в. до н. э. фаворитам вдовствующей государыни Сюань, — предстают в свете высказываний современников как владения, независимые от центральной власти и даже противопоставляющие себя ей. Такими чертами наделяет их, в частности, Ин-хоу⁵⁸ в своей речи, обращенной к Чжао вану: «Ин-хоу сказал Чжао вану: “Слышал ли ты еще о том, что в [местности] Хэнсы рос куст, в котором обитал дух? Жил в Хэнсы дерзкий юноша, который, предложив кусту сыграть с ним в бо⁵⁹, сказал: “Если я выиграю у тебя, то твой дух перейдет ко мне на три дня. Если я проиграю, то стану твоим пленником”. Затем он левой рукой кинул [кости] за своего соперника, а правой — за себя. Обыграл куст. Тот отдал ему свой дух на три дня. Когда же [по истечении срока] куст отпавил, чтобы потребовать его назад, [юноша] ему не вернулся. Через пять дней куст засох, а через семь дней погиб совершенно. А ведь государство — это твой куст, ван. Его сила — это твой дух, ван. Разве не опасно передавать ее другим людям? Я никогда не слыхивал, чтобы палец был больше локтя, а локоть больше бедра. Если

⁵⁷ Фань Вэнь-лань, Древняя история Китая, стр. 207.

⁵⁸ Ин-хоу, т. е. хоу области Ин, располагавшейся на территории везда Баофэн современной провинции Хэнань.

⁵⁹ Игра бо (или любо), которую упоминает также Сун Юй, поэт III в. до н. э., становится особенно популярной начиная с эпохи Хань. В этот период ее описания появляются в нарративных источниках, изображения — на предметах повседневного обихода и т. д. Один из современных авторов, который сделал попытку восстановить ход игры любо на основании изображений на ханьских бронзовых зеркалах, писал: «Чашевидная коробочка, которую держит один из бессмертных, изображенных на зеркале, наводит на мысль об использовании (в этой игре.— К. В.) какой-то разновидности игральных костей...» (L i e n - s h e n Y a n g, A Note on the so Called TLV Mirrors and the Game Liu-po, — «Harvard Journal of Asiatic Studies», vol. 9, 1947, № 3/4, стр. 204).

случается так, то недуг непременно силен. Одному человеку бежать, неся тыкву, удобнее, чем сотне людей поддерживать ее [с разных сторон] на бегу. Если действительно сто человек потащат тыкву, то она расколется до сердцевины. Если [Цинь] не есть нечто подобное тыкве, то я умолкаю. Если же оно есть нечто, подобное тыкве, то царство будет расчленено. Я слышал, когда на дереве обилие плодов, то ветки гнутся [под их тяжестью], а это вредит его сердцевине; рост столицы опасен для страны, усиление подданных опасно для их государя. А есть ли теперь среди чиновников поселений, начиная с тех, кто получает содержание в [один] доу [зерна] и до вышестоящих, вплоть до вэй и нэй ши, и даже в окружении вана такие, которые бы не были ставленниками сяна? Если в царстве не свершается никаких деяний, то я умолкаю. Но если в царстве свершаются деяния, то я непременно увижу еще тебя, ван, стоящим в одиночестве посреди дворцовых палат. Я боюсь за тебя, ван. Боюсь, что после твоей смерти царством будут владеть не твои сыновья и внуки. Я слышал, что в древности у тех, кто был искусен в делах правления, авторитет имел опору внутри [страны], а их помощники распространяли его за пределами [страны]; [тогда] в делах правления не было беспорядка и помех, посланные [государем] неукоснительно исполняли поручения и не осмеливались совершать проступки. Ныне же посланцы вдовствующей государыни разъединяют правителей, распространяют [ее] верительные бирки по всей Поднебесной. Они держат в руках силы огромного царства, собирают мощные армии, организуют походы против правителей. Когда их войны победоносны, а нападения дают добычу, все доходы поступают в Тао, все деньги и шелка, полученные от других царств, стекаются в семейство вдовствующей государыни. Что касается доходов внутри страны, то часть их поступает в Хуаян. Из этого непременно воспоследует то, что в древности называли путем, ведущим государя к опасности, а царство к гибели. Три знатных [дома] истощают царство в интересах собственного благополучия. Если так, то как могут повеления исходить от тебя, ван? Как может власть [в царстве] оставаться нерасчлененной? Действительно ты, ван, распоряжаешься лишь одной частью из трех»⁶⁰.

⁶⁰ «Планы Сражающихся царств», цз. 3, стр. 50-а—51-а.

В царстве Цинь во второй половине периода Чжань-го действительно имелись высокопоставленные чиновники и военачальники, которые, кормясь за счет налоговых поступлений с земледельцев-общинников, не выполняли никаких функций, связанных с публично-правовой властью на местах. Об этом свидетельствует один из параграфов 19-й главы «Книги правителя области Шан», сообщающий, в какой последовательности совершалось присвоение почетных званий заслуженным сановникам царства Цинь после реформ Шан Яна. В заключение параграфа говорится: «Во всех этих случаях дарили либо поселение с тремястами семейств, либо [поземельный] налог с трехсот семейств»⁶¹. В этой фразе пожалование территориально-административной единицы (поселения) и прямая передача прав на присвоение определенной суммы налоговых сборов явно противопоставлены друг другу. Анализируя приведенный нами отрывок из «Книги правителя области Шан», Мория Мицуо пришел к мысли, что вторая разновидность пожалований в отличие от первой не была связана с установлением политического господства над какой-либо территорией⁶². Развивая данный тезис, можно сказать, что владельцы такого рода кормлений не имели собственного административно-хозяйственного аппарата и эксплуатировали податное земледельческое население при помощи царской фискальной организации.

В некоторых случаях источники периода Чжаньго упоминают в качестве объекта пожалования не административные районы, не отдельные группы семейств, дворов или хозяйств, а массивы обрабатываемых земель. Так, по свидетельству «Планов Сражающихся царств», в 362 г. до н. э. вэйский ван передал трем своим военачальникам в виде жалования несколько сот тысяч наградных полей (шан тянь): «Вэйский Гуншу Цзо, будучи полководцем [царства] Вэй, вступил в битву с [войсками] Хань и Чжао к северу от реки Куай. Он схватил Юэ Цзо⁶³. На радостях вэйский ван встретил его в пригороде, чтобы дать ему жалование в миллион наградных

⁶¹ «Книга правителя области Шан», цз. 19, стр. 34.

⁶² Мория Мицуо, Изучение системы почетных званий Шан Яна и происхождение системы почетных званий эпохи Хань, — «Тохо гакухэ», 1957, № 27, стр. 104.

⁶³ Юэ Цзо — чжаоский полководец.

полей. Гуншу Цзо, отступив назад с двойным поклоном, отказался: “Ведь именно те наставления, которые достались в наследство от У Ци, заставили заслуженных воинов и солдат не падать, стоять прямо и не склоняться, не поддаваться натиску врага. Я сам не смог бы добиться этого. А усилия Ба Нина и Цуань Сяна, которые заранее обследовали природные препятствия, решали, выгодны или убыточны те или иные оборонительные меры, привели к тому, что заслуженные воины трех армий не сбились с пути. Сначала объявлять о наградах и казнях, а затем заставлять народ поверить в них как в нечто очевидное — в этом, ван, твое просвещенное правило. Я же следил за тем, когда враг может напасть, и бил в барабан, не смея лениться или уставать. Ты, ван, нарочно сделал так, что моя правая рука не уставала, можно ли награждать меня? Если я чего-нибудь и достиг, то с чьей помощью?”. Ван сказал: “Хорошо”. Тогда потребовал [к себе] наследников У Ци, подарил им двести тысяч полей, а Ба Нину и Цуань Сяну каждому по сто тысяч. Ван сказал: “Разве Гуншу не был [в походе] главным? Он одержал победу над сильным врагом, к тому же не позволил забыть наследия мудреца, не скрыл деяний способных воинов. Как можно [думать], что Гуншу не принес выгоды?”. Поэтому дал ему еще четыреста тысяч полей сверх [данного ранее] миллиона, доведя [его жалование] до миллиона четырехсот тысяч [полей]. Поэтому Лао-цзы сказал: “Мудрый человек ничего не накапливает. Чем больше он делает для людей, тем больше обретает...”⁶⁴. Таков и Гуншу»⁶⁵.

Вряд ли за наградными полями, упоминаемыми в приведенном выше тексте, скрывались свободные земли, на которых новые владельцы должны были организовать самостоятельное хозяйство. Ведь в IV в. до н. э. царство Вэй было самым населенным из Сражающихся царств. Как утверждал один из государственных деятелей того времени, внутри его границ «хижины на полях и дома с галереями [столь многочисленны], что не хватает места для пастбищ»⁶⁶. По всей вероятности, под наградными полями в данном случае подразумевались

⁶⁴ Ср.: Ян Хин-шун, Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение, М., 1950, стр. 159.

⁶⁵ «Планы Сражающихся царств», цз. 7, стр. 5-а.

⁶⁶ Там же, стр. 13-а.

пахотные наделы земледельцев-общинников. О том, что конкретное содержание вышеупомянутого термина действительно могло быть таким, свидетельствует ряд данных, относящихся ко второй половине периода Чуньцю. Так, к 594 г. до н. э. восходит летописная запись, рассказывающая, как некий житель царства Чу обратился к вану с просьбой предоставить ему наградные поля в административных районах Люй и Шэнь. Царский управитель в Шэнь воспротивился этому, ибо, по его словам, «собираемый здесь налог предназначен [для нужд] обороны от [вторжений] северных владений. Если [эти земли] заберут, то [Чу] лишится Шэнь и Люй, а [войска] царств Цзинь и Чжэн непременно достигнут реки Хань»⁶⁷. Из текста этой цитаты следует, что превращение ряда земель в Шэнь и Люй в наградные поля вызвало бы опасное для обороноспособности царства Чу сокращение налоговых сборов. Отсюда можно сделать вывод, что в VI в. до н. э. пожалование наградных полей означало лишь передачу прав на присвоение налоговых поступлений с определенного числа полевых наделов, или, иными словами, крестьянских хозяйств.

Вывод этот перекликается с другой летописной записью, сделанной на 100 лет позднее: «Вначале чжоусцы предоставили поля одному из членов [цзиньского] клана Фань. Гунсунь Ман собрал с них налог [для нового хозяина]»⁶⁸. Следовательно, и во втором случае объектом эксплуатации для владельца полей было податное земледельческое население. Что касается самого периода Чжаньго, то и для этого времени известны сходные сообщения источников. Весьма интересен рассказ чжаоского летописца о том, как Ле-хоу (правил в 408—387 гг. до н. э.) пожелал подарить двум придворным певцам «поля и людей на площади в десять тысяч му»⁶⁹. В цитируемом здесь отрывке земельный участок, предназначенный для придворных певцов, выступает как комплекс пахотных угодий, принадлежавших земледельцам-общинникам.

Однако в свидетельствах источников можно обнаружить признаки того, что в период Чжаньго на основе

⁶⁷ «Цзо чжуань», 8-й год Чэн-гуна, стр. 362.

⁶⁸ Там же, 2-й год Ай-гуна, стр. 787.

⁶⁹ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 43, стр. 2660.

царских пожалований сановникам развивалась система частного землепользования. Имеется ряд упоминаний о владельцах земельных пожалований, которые обладали более широкими правами на переданные им угодья, приближавшимися к рабовладельческой частной собственности.

Общая картина этого явления дана в следующей полемической тираде, написанной в конце Чжаньго: «Женщины и сестры, обладающие красотой, сановники и придворные, не имеющие заслуг, выбирают усадьбы и присваивают их, выбирают полевые наделы и кормятся ими»⁷⁰. Трудно сказать, в каких царствах Хань Фэй-цзы наблюдал подобные порядки, вызвавшие его гневное осуждение. Однако имеющиеся в нашем распоряжении конкретные известия о такого рода земельных владениях связаны лишь с территорией царства Цинь. Датируются они также последними годами периода Чжаньго. Так, в 223 г. до н. э. циньский полководец Ван Цзянь, отправляясь в поход против царства Чу, потребовал обеспечить его «великим множеством прекрасных полей, усадеб, парков и прудов»⁷¹. Мотивируя свое требование, Ван Цзянь говорил: «По той причине, что твой военачальник, великий ван, даже одержав победу, никогда не получит титула хоу, я, оказавшись в числе твоих приближенных, также воспользовался случаем, чтобы просить [полей, усадеб], парков и прудов, предназначенных стать достоянием [моих] детей и внуков»⁷². Следовательно, те участки, которыми циньские сановники наделялись из фонда свободных земель государства, могли быть в отличие от пожалованных поселений переданы по наследству. Аналогичные сведения содержатся и в жизнеописании Гань Ло, внука известного циньского министра Гань Моу: когда Гань Ло отличился в роли дипломатического агента Чжэн-вана (будущего Цинь Ши-хуанди), последний пожаловал ему ранг шан цина и «вновь подарил то поле и ту усадьбу, которые принадлежали некогда Гань Моу»⁷³. Здесь мы сталкиваемся с интересным примером восстановления наследственных прав на совершенно

⁷⁰ «Хань Фэй-цзы», цз. 17, стр. 316.

⁷¹ Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 73, стр. 3589.

⁷² Там же, стр. 3590.

⁷³ Там же, цз. 71, стр. 3560.

определенные земельные угодья, конфискованные в свое время государством⁷⁴.

Несомненный интерес представляет организация сельскохозяйственного производства в имениях чжань-гоской военно-служилой знати. К сожалению, ввиду невероятной скудости источников чрезвычайно трудно судить, какие в них применялись формы труда, какие категории производителей материальных благ подвергались эксплуатации. Известно лишь, что в принадлежавших аристократическим семьям крупных садово-огородных хозяйствах, получивших в источниках наименование садов⁷⁵, в оросительном деле применяли труд наемных работников⁷⁶. Весьма важным для характеристики хозяйства периода Чжаньго представляется свидетельство «Планов Сражающихся царств» о том, что некоторые из этих садов могли приносить значительный денежный доход: «Си У потерпел поражение под Ицюе. Правитель Чжоу отправился в [царство] Вэй просить помощи. Вэйский ван, сославшись на то, что Шандан находится в затруднительном положении, отказал ему. На обратном пути правитель Чжоу увидел сад близ [Да]ляна, который понравился ему. Ци У-хуй сказал правителю Чжоу: “Сад близ Вэнь⁷⁷ не уступает этому [саду], кроме того, он еще и расположен поблизости [от твоих владений]. Я могу приобрести его для тебя, господин”. Повернув назад, [Ци У-хуй] явился на аудиенцию к вэйскому вану. Ван сказал: “Правитель Чжоу обиделся на меня, не так ли?””.

⁷⁴ В цитированном отрывке из биографии Гань Ло привлекает внимание еще одно обстоятельство: полученные им земли были, помимо всего прочего закономерным дополнением к его рангу шан цина. Как известно, по введенной Шан Яном в царстве Цинь табели о рангах люди, удостоившиеся почетного звания, получали одновременно соответствующее земельное обеспечение. На основе материалов 19-й главы «Книги правителя области Шан» у исследователей сложилось убеждение, что полевые наделы и приусадебные участки жаловали лишь тем, кто имел низшие звания; те же, кто находился на более высоких ступенях военно-бюрократической иерархии, получали в кормление территориально-административные единицы с определенным числом дворов. Биография Гань Ло содержит, таким образом, корректив к тексту «Книги правителя области Шан».

⁷⁵ «Хань Фэй-цзы», цз. 14, стр. 254.

⁷⁶ «Планы Сражающихся царств», цз. 4, стр. 51-а, 66-а.

⁷⁷ На территории современного уезда Вэньсянь провинции Хэнань.

Тот ответил: “Если он не обиделся, то кто же обиделся [на тебя]? Я беспокоюсь за тебя, ван. Правитель Чжоу — находчивый владыка, вот он и задумал, чтобы ты защитил его государство от [царства] Цинь, но ты отказался его защищать. На мой взгляд, он непременно подчинит свое государство [царству] Цинь. Последнее соберет все свои войска, находящиеся за пределами страны и, объединив с армией Чжоу, атакует Наньян, тогда обе части Шандана будут отрезаны друг от друга”⁷⁸. Вэйский ван сказал: “Что же мне в таком случае делать?” Ци У-хуй сказал: “Положение правителя Чжоу таково, что ему нет выгоды служить Цинь, но он любит мелкие прибыли. Если ты, ван, дашь согласие предоставить [Чжоу] пограничные войска численностью в тридцать тысяч человек и вэньский сад, то правитель Чжоу, с одной стороны, будет иметь что сказать своим близким и своему народу, а с другой — получит удовольствие от приобретения вэньского сада; [тогда-то] он ни за что не вступит в союз с Цинь. Я слыхал, что годовой доход от вэньского сада исчислял в восемьдесят цзиней⁷⁹. Если правитель Чжоу получит вэньский сад, то он, чтобы услужить тебе, ван, [будет платить] ежегодно сто двадцать цзиней. Таким образом, ты избавишься от забот в связи с Шанданом и получишь прибыль в сорок цзиней”. Вэйский ван послал поэтому Мэн Мао, чтобы передал вэньский сад правителю Чжоу, дал согласие [предоставить Чжоу] пограничные войска⁸⁰.

Отсутствие прямой информации затрудняет восстановление конкретной картины организации труда в хозяйствах царских садов. Имеющиеся в нашем распоряжении косвенные данные дают основание допускать, что наряду с крупномасштабным хозяйством, основанным на применении наемного труда, существовала возмож-

⁷⁸ Шандан — гористый район в юго-восточной части современной провинции Шаньси. В период Чжаньго принадлежал царствам Чжао, Хань и Вэй. В данном случае, очевидно, имелась в виду угроза нарушения связей между вэйской частью Шандана и прилегающими землями царства Хань, тогдашнего союзника Вэй.

⁷⁹ По утверждению современных исследователей, цзинь представлял в древности весовую единицу для золота. См.: Ян Куань, История периода Чжаньго, стр. 55. Ее современный эквивалент пока не установлен.

⁸⁰ «Планы Сражающихся царств», цз. 1, стр. 9-6—10-6.

ность другого способа извлечения дохода с земель вэньского сада. Действительно, в позднечжоуских и ханьских исторических сочинениях мы нередко сталкиваемся с интересными сообщениями о «снятии запрета с царских садов». В 598 г. до н. э. к этой мере прибег цинский Цингун⁸¹, в 250 г. до н. э.—цинский Сяовэнь-ван⁸². «Снятие запрета» в этих случаях, по-видимому, сопровождалось передачей царских угодий земледельцам. В аналогичном по своему содержанию сообщении «Погодовых записей на бамбуковых планках» сказано: «Лянский Хуй-ван отменил [запрет] на пользование озером в Фэнци, чтобы подарить его народу»⁸³. Еще более убедительны свидетельства «Истории Ранней Хань». Здесь под 79 г. до н. э. записано: «[Императорский] сад в Чжунмоу был упразднен, и [его земли] были распределены среди бедных людей»⁸⁴. Более поздняя запись, относящаяся к 49 г. до н. э., сообщает, что распределение земель императорских садов между «бедными людьми» означало не что иное, как передачу их в аренду⁸⁵.

В свете этих свидетельств можно предположить, что упоминаемый в тексте вышеприведенного повествования сад вэйского вана, подобно императорским садам эпохи Хань, сдавался небольшими участками в аренду и, следовательно, годовой доход с него представлял собой сумму арендных платежей земледельцев.

На протяжении V—III в. до н. э. война и производство для войны занимали главенствующее положение в общественно-политической и экономической жизни Сражающихся царств⁸⁶. При возникновении военной ситуации создавались огромные армии-ополчения числен-

⁸¹ Сыма Цянь. Записи историографа, цз. 32, стр. 2146.

⁸² Там же, цз. 5, стр. 408.

⁸³ «Высочайше просмотренный [свод] годов правления Тайпин», цз. 158, стр. 767-6.

⁸⁴ H. H. Dubs, The History of the Former Han Dynasty, vol. II, Baltimore, 1954, стр. 168.

⁸⁵ Там же, стр. 306.

⁸⁶ Установлено, например, что с 476 по 221 г. до н. э. войска Сражающихся царств 222 раза встречались на поле брани. В период между 354 и 255 гг. до н. э. одно лишь царство Цинь более 40 раз выступало против своих восточных соседей. См.: Ду Вэй-чжи, Исследования о состоянии военного дела в период Чжаньго, — «Чжуншань вэньхуа цзяоюй гуань цзикань», т. III, 1936, № 1—2, стр. 161—162.

ностью в несколько сот тысяч человек⁸⁷. Эти мероприятия требовали большого числа специально обученных людей для выполнения функций младших командиров. Кроме того, с наступлением периода Чжаньго появились новые, неизвестные доселе рода войск: арбалетчики и кавалерия. Для службы в них также были необходимы высокая профессиональная выучка и постоянная тренировка. Перечисленные обстоятельства стимулировали выделение в недрах земледельческого класса особой социальной группы служилых, которые в отличие от основной массы ополченцев-общинников были постоянно связаны с военной организацией Сражающихся царств.

В позднечжоуской литературе представителей этой социальной группы обычно называли чжаньши⁸⁸ или гэнчжаньчи ши⁸⁹. Содержание последнего термина, а также ряд прямых свидетельств указывают на то, что они, как правило, не порывали с земледельческим трудом⁹⁰. В связи с этим большой интерес представляют сведения источников о наделении служилых небольшими участками плодородной земли, предназначавшимися для ведения индивидуального хозяйства. Так, в царстве Вэй воинам-арбалетчикам, выдержавшим специальные отборочные испытания, «предоставляли выгодные полевые наделы и усадьбы»⁹¹. Сообщения о раздаче участков земли за службу содержатся и в источниках, рассказывающих о реформах Шан Яна в царстве Цинь. Как известно, в результате этих реформ в Цинь произошла заметная милитаризация всех звеньев внутренней

⁸⁷ В V—III в. до н. э. система воинской повинности охватывала все мужское население Сражающихся царств в возрасте от 15 до 60 лет (см.: «Планы Сражающихся царств», цз. 5, стр. 31-6; Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 73, стр. 3581). Однако, когда военные столкновения между царствами не выходили за рамки обычных для того времени локальных конфликтов, мобилизации проводились лишь в районах, прилегавших к театру военных действий («Планы Сражающихся царств», цз. 9, стр. 8-а).

⁸⁸ «Гуань-цзы» цз. 5, стр. 76.

⁸⁹ «Хань Фэй-цзы», цз. 4, стр. 67—68.

⁹⁰ Так, в своеобразном литературном памятнике конца Чжаньго — вопроснике для администратора (сейчас входит в состав трактата «Гуань-цзы») сказано: «Спроси, в скольких семьях воины сами обрабатывают поля». Ср.: Уцзунюмия Дзюндзи, Критические замечания к главе «Вопросы» трактата «Гуань-цзы», — «Тоёси кэнкю», т. XXII, 1964, № 4, стр. 70.

⁹¹ «Сюнь-цзы», цз. 10, стр. 180.

территориально-административной организации. В укрупненных сянгах был создан штат специальных представителей военного ведомства на местах, выполнявших в период военных действий функции младших командиров⁹². В приписываемом Шан Яну собрании правил, определявших порядок присвоения почетных званий за воинские заслуги, этим чиновникам посвящен особый раздел. Он гласит, что за убийство вражеского воина им «жалуют почетный ранг первой степени, полевой надел [размером] в один цин⁹³ и усадьбу [размером] в девять му»⁹⁴.

Конкретизирующие известия о применении земельных пожалований для поощрения полупрофессиональных воинов в отдельных царствах периода Чжаньго исчерпываются данными примерами. Однако система индивидуальных военных наделов была, по-видимому, характерна не только для Вэй и Цинь. Некоторые позднечжоуские авторы говорят о ней как о явлении, универсальном для тогдашнего Китая⁹⁵. Есть признаки того, что и в царстве Чжао во время Улин-вана получило развитие мелкое землевладение воинов. Улин-ван, готовясь к захвату земель соседних кочевых племен, ввел в свое войско легковооруженные конные отряды, соответственно сократив традиционные виды вооруженных сил: пехоту и боевые колесницы. Об этом повествует один из текстов «Планов Сражающихся царств»: «Чжаоский ван очистил Юаньян, чтобы превратить его в поселение для конных отрядов. Ню Цзань стал порицать его: «В царстве есть постоянные списки населения⁹⁶, а в военном деле есть неизменные основы. Если изменить списки населения, то возникнет смута; если отбросить основы, то [армия] будет ослаблена. Ныне ты, ван, очистил Юаньян, чтобы превратить его в поселение для конных отрядов; значит, ты изменил списки, отбросил основы. Овладевший своим оружием с пренебрежением относится к вра-

⁹² Ян Куань, Реформы Шан Яна (Шан Ян бяньфа), Шанхай, 1956, стр. 46.

⁹³ 1 цин = 100 му.

⁹⁴ «Книга правителя области Шан», цз. 19, стр. 34.

⁹⁵ «Гуань-цзы», цз. 5, стр. 76.

⁹⁶ Очевидно, имеются в виду подворные списки населения царства. В источниках периода Чжаньго они упоминаются неоднократно. Ср.: Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 5, стр. 375; «Гуань цзы», цз. 17, стр. 292.

гу, облегчивший свое снаряжение с пренебрежением относится к трудностям. Если народ начинает заботиться об удобстве своего снаряжения, а ты, ван, начинаешь изменять его, то это наносит тебе вред и ослабляет царство. Поэтому без стократной прибыли не изменяют обычаев, без десятикратного успеха не изменяют оружия. Вот ты, ван, распустил пеших солдат, привел в негодность их снаряжение, чтобы собрать обеспечение для конных лучников. Я боюсь, что прибыль от их военной добычи будет уступать произведенным тобою расходам". Ван сказал: "В древности по-иному [смотрели] на прибыль, чем сейчас; для дальних и ближних войн меняют снаряжение, у мужского и женского начал несходные пути, по-разному используют четыре времени года, поэтому мудрый человек [действует] в соответствии со временем, а не является его рабом; распоряжается оружием [и воинским снаряжением], а не является его рабом. Ты знаком со списками населения, хранящимися в государственном управлении, но тебе неведомы выгоды от орудий и приспособлений, ты знаком с применением оружия и панцирей, но тебе неведомо, чему соответствуют мужское и женское начала. Поэтому, если оружие неудобно в употреблении, то почему его нельзя изменить? Если обучение [воинов] не соответствует действительным [потребностям], то почему нельзя изменить обычай? Некогда покойный правитель Сян⁹⁷ завладел землями, принадлежащими к области Дай⁹⁸, возвел там пограничную стену, в которой были ворота, называвшиеся Воротами в беспредельное, таким образом он ясно высказал [свою волю] потомкам и выразил надежду, что дальние земли [будут приобретены]. Ведь с двойным панцирем, с обычным вооружением невозможно будет пройти по труднодоступным местам, гуманность и долг, путь и добродетель не смогут прибыть ко двору. Я слышал, что человек верный не забывает о доблести, человек мудрый не пренебрегает [требованиями] времени.

⁹⁷ Сян-цзы (ум. в 425 г. до н. э.) — основатель царства Чжао, возникшего на развалинах царства Цзинь.

⁹⁸ Древняя область Дай располагалась на территории современного уезда Вэй провинции Хэбэй, а также на прилегающих землях северо-восточной части провинции Шаньси. В середине V в. до н. э. вместе с некоторыми западными территориями, населенными кочевниками, была присоединена к царству Чжао.

А ты с помощью списков населения, хранящихся в государственном управлении, вносишь смуту в мои дела, в которых ничего не смыслишь!”. Ню Цзань, склонив в двойном поклоне голову, сказал: “Разве смею я ослушаться приказа?!” Вслед за тем ван ввел [в армию] одеяние ху⁹⁹, повел конные [отряды] против ху. Он вышел из ворот Забвения, преодолел преграды Девяти пределов, пересек труднодоступные места Пяти троп, достиг центра [расселения] ху, открыл земли протяженностью в тысячу ли»¹⁰⁰.

⁹⁹ Ху — конгломерат кочевых племен, населявших земли вдоль северных и северо-восточных пределов Сражающихся царств. В нарративных источниках, рассказывающих о реформах Улин-вана, нет подробных известий о том, что представляло собой «одеяние ху». Исходя из более поздних данных, исследователи пришли к выводу, что основу этого одеяния составляли короткая куртка и штаны для верховой езды. См.: Ван Го - вэй, Об одеянии [народа] ху, — Ван Го-вэй, Собрание сочинений Гуаньтана (Гуаньтан цзи линь), т. IV, Пекин, 1959, стр. 1074—1076.

¹⁰⁰ Имеющиеся в нашем распоряжении материалы письменных источников свидетельствуют, что аннексия принадлежавших кочевникам областей часто сопровождалась полным вытеснением или уничтожением коренного населения (ср.: Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 110, стр. 4509). В тех владениях, которые непосредственно граничили с «варварской периферией» (Цинь, Чжао, Янь и Чу), захват и освоение малонаселенных территорий соседних племен был важнейшим источником расширения государственного фонда свободных земель, предназначенных для сельскохозяйственной колонизации, для раздачи в условное владение и т. д. В данном случае, очевидно, имело место нечто подобное. Земли ху были присоединены Улин-ваном к царству Чжао в 306 г. до н. э., а четыре года спустя они уже стали объектом колонизации, сведения о которой содержатся в следующей цитате из утраченной версии «По годовых записей на бамбуковых планках»: «В Ханьдане (т. е. в столице Чжао. — К. В.) приказали, чтобы рабы (ну) чиновников (ши) и сановников были переселены в Цзююань» («Речной канон» с комментарием) («Шуй цзин чжу»), серия «Го сюэ цзи бэнь цун шу», цз. 31, стр. 44). По мнению современных исследователей, древний Цзююань располагался поблизости от современного г. Баоту, т. е. как раз в том районе, который был завоеван Улин-ваном. Вышеприведенная цитата может быть сопоставлена с рядом аналогичных сообщений, касающихся других Сражающихся царств, в которых идет речь о переселении на недавно захваченные земли представителей различных категорий неполноправного населения с предварительным освобождением их от уз частной или государственной зависимости: «[В 273 г. до н. э.] Цинь заключило союз с Вэй. На землях ханьского Шаньюна [циньцами] был создан военно-административный округ. В Наньяне [циньцами] освободили зависимых [чэнь], чтобы переселить их туда на жительство» (Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 5, стр. 402).

Что же могло означать упоминаемое в этом тексте превращение чжаоского Юаньяна в поселение для конных отрядов? Вряд ли за ними скрывались лишь меры по созданию в Юаньяне военных лагерей. Из полемического замечания Ню Цзяня о том, что передача Юаньяна конным отрядам внесет изменения в податные списки, следует, что эта мера предполагала перемену статуса для каких-то групп чжаоского населения и перемещение их в новые районы. Вполне резонно предположить, что и в царстве Чжао во время Улин-вана содержание кавалерии покоилось на системе военно-служилого землевладения. Тогда за «превращением Юаньяна в поселение для конных отрядов» могли скрываться меры по созданию в этом районе мелкого землевладения воинов конных отрядов, получивших здесь участки земли за службу.

Собранные и систематизированные в этой главе сведения источников по большей части не были предметом специального исследования. В особенности это касается сведений, которые заимствованы из текста «Планов Сражающихся царств».

Несмотря на то что использованные нами данные весьма отрывочны, они не могут не привлечь внимания историка ввиду отсутствия материалов документального характера по истории аграрных отношений в древнем Китае в V—III вв. до н. э. При этом следует оговориться, что картина, создаваемая на основании отдельных, часто очень мелких деталей, не может претендовать на полноту и точность. Тем не менее эти данные значительно расширяют круг знаний об особенностях владения административными районами (поселениями) и о вытекающих из него социальных и юридических явлениях. Они раскрывают значение и указывают на распространённость различных форм повинностного землевладения в жизни крупнейших царств периода Чжаньго.

ПЕРЕВОДЫ¹

ПЛАНЫ ВОСТОЧНОГО ЧЖОУ

Цз. 2, стр. 1-6 — 3-а (I, 1)²

[Царство] Цинь двинуло армию на владение [Восточное] Чжоу³, чтобы потребовать у него девять священных треножников⁴. Чжоуский правитель был этим обеспо-

¹ Здесь приведены переводы текстов, наиболее характерных для каждого из разделов «Планов Сражающихся царств». Кроме того, в число отобранных для перевода включены отрывки, представляющие очевидный интерес для исследователя периода Чжаньго.

² Цифры в скобках представляют собой унифицированные отсылки к изданиям памятника, восходящим к редакции Яо Хуна. Особенностью структуры этих изданий является членение на 33 цзюаня (главы). Главы объединяются в разделы по царствам: «Планы царства Цинь», «Планы царства Ци» и т. д. Таким образом, римские цифры указывают номер главы, а арабскими цифрами обозначена очередность расположения параграфов внутри разделов.

³ К началу периода Чжаньго владения ванов из дома Чжоу, некогда стоявшего во главе обширного государственного образования, охватывали территорию нескольких современных уездов провинции Хэнань. В 367 г. до н. э. один из родичей чжоуского вана силой оружия захватил восточную часть его земель и провозгласил себя независимым правителем. Так появилось два независимых владения: Восточное и Западное Чжоу. В последнем правила представитель легитимной ветви, претендовавшие на титул Сына неба.

⁴ В древнем Китае во время обрядовых церемоний применяли разнообразную бронзовую утварь, в том числе сосуды на трех ножках — дины. О динах уже в древности было сложено множество легенд. Одна из них рассказывает, как мифический правитель времен седой старины, собрав металл в девяти областях, велел отлить девять треножников, которые должны были олицетворять его власть над всей Поднебесной. Источники не раз упоминают о том, что якобы именно эти сосуды передавались из поколения в поколение в семействе чжоуских ванов как символ их верховной власти.

коен. Он поведал [о своих заботах] Янь Люю. Янь Люй сказал ему: «Оставь печаль, великий ван. Дозволь мне отправиться на восток, чтобы получить помощь от [царства] Ци». Когда Янь Люй прибыл в Ци, он сказал цискому вану: «Цинь поступает несправедливо, посылая войска в Чжоу, требуя девять священных треножников. Чжоуский правитель и его сановники решили, что лучше отдать их твоему царству, чем Цинь. Ведь вызволить из опасного положения [наше] государство — значит заслужить себе хорошую славу, а приобрести девять священных треножников — значит стать обладателем большой драгоценности. Прошу тебя, великий ван, тщательно это обдумать».

Циский ван очень обрадовался и послал армию в пятьдесят тысяч воинов. Полководцем назначил Чэнь Чэнь-сы, чтобы тот оказал помощь Чжоу. Тогда циньская армия прекратила [военные действия].

Когда Ци собралось потребовать девять священных треножников, чжоуский правитель снова опечалился. Янь Люй сказал: «Оставь печаль, великий ван. Дозволь отправиться на восток, чтобы рассеять [затруднения]». Когда Янь Люй прибыл в Ци, он сказал цискому вану: «Только благодаря справедливым действиям твоего царства наш правитель, его сановники и родственники получили защиту [от посягательств Цинь]. Теперь мы от всей души желаем преподнести тебе девять священных треножников, но не знаем только, по какой дороге намерен ты перевезти их в Ци?». Циский ван сказал: «Я намерен просить Лян о провозе [сосудов] через его территорию». Янь Люй сказал: «Это невозможно. Ведь лянский правитель и его сановники, желая завладеть девятью священными треножниками, давно уже строят планы [на совещаниях] под башней Хуйтай и на озере Шаохай. Если священные треножники попадут в пределы Лян, то оттуда уже не выйдут».

Циский ван сказал: «Я намерен просить Чу о провозе [сосудов] через его территорию». [Янь Люй] ответил: «Это невозможно. Чуский ван и его сановники, желая овладеть девятью священными треножниками, давно уже строят планы во дворце Етин. Если треножники попадут в пределы Чу, то оттуда уже не выйдут». [Циский] ван сказал: «По какой же дороге в конце концов я доставлю [сосуды] в Ци?». Янь Люй сказал: «Мы ведь сами обес-

покоены этим вместе с тобой, великий ван. Ведь священные треножники нельзя, как бутылку с уксусом, как сосуд с соей, положить за пазуху или нести в руках, чтобы доставить в Ци. Они не могут, как стая ворон, как птица с ее стремительным полетом, как заяц с его подвижностью, как лошадь с ее быстротой, незаметно очутиться в Ци. Некогда Чжоу в ходе усмирения Инь захватило девять священных треножников. Тогда каждый треножник тащило девять тысяч человек, а девятью девять — это восемьдесят одна тысяча человек, кроме того, потребовались еще солдаты и офицеры, воинская прислуга, снаряжение и обмундирование в соответствующем количестве. Пусть у тебя, великий ван, и найдется столько людей, но по какой дороге ты их проведешь? Я сам озабочен твоими затруднениями, великий ван».

Циский ван сказал: «Приезжал ты несколько раз, а похоже, что отдать [сосуды] отказываешься». Янь Люй сказал: «Мы не смеем обманывать твою страну. Надо только поскорее решить, по какому пути их вывезти. Тогда мы отправим священные треножники согласно твоему указанию».

Тогда циский ван прекратил [свои домогательства].

ПЛАНЫ ЦАРСТВА ЦИНЬ

Цз. 3, стр. 33-б — 35-б (II, 15)

События в Синшане. Чжао в союзе с Цинь собралось идти походом на Ци. Ци испугалось. Тянь Чжану было приказано, чтобы, используя [земли] Янгу, он заключил мир с Чжао, а Шунь-цзы сделал заложником. Чжаоский ван обрадовался. Тогда [Чжао] остановило войска и объявило Цинь: «Ци подарило нам Янгу и выдало Шунь-цзы, стремясь убедить нас отказаться от нападения. Берем на себя смелость объявить об этом через гонца». Циньский ван (Чжао-ван) послал в Чжао царского сына То. Он сказал чжаоскому вану: «Ци в союзе с твоим царством поддерживало Вэй, но [твое царство] нарушило договор. [Тебе] нельзя доверять. Твое царство бесчестно объявило, что дарит земли двух алтарей духа земли⁵ на

⁵ В позднечжоуское время земельные общины обычно были сгруппированы вокруг святилищ местных божеств земли (шэ).

поддержание жертвоприношений нашим предкам, а теперь оно остановило войска, да еще хочет помириться с Ци и принять у него земли. Мне об этом и неведомо. Прошу, чтобы твое царство распорядилось предоставить нам сорок тысяч латников».

Су Дай в интересах [царства] Ци направил Жан-хоу следующее послание: «Я слышал, как люди проезжие говорили, что Цинь воспользуется сорока тысячами чжаоских латников для нападения на Ци. Я считаю, что наш ван непременно скажет: “Циньский ван проницателен и искусен в составлении планов, Жан-хоу умен и опытен в делах. Они никогда не воспользуются сорока тысячами чжаоских латников для нападения на Ци. Почему? Ведь три Цзинь, связанные взаимным соглашением, давние враги Цинь. Три Цзинь сто раз предавали Цинь, сто раз обманывали его. [Циньский ван] не должен с недоверием относиться к этому, не должен бездействовать. Ведь усиление Чжао за счет ослабления Ци, когда Чжао является давним врагом Цинь, уже невыгодно последнему. Циньские стратеги непременно скажут: “Разбить Ци, истощить Цзинь, а затем окончательно подчинить Цзинь и Чу”. Но ведь Ци истощено [войнами]. Нападать на него со всей Поднебесной — все равно что вскрывать нарыв с помощью арбалета, сила которого равна тысяче цзюней⁶, как может циньский ван подчинить Цзинь и Чу? Это — второе.

Если Цинь пошлет войска в малом числе, то Цзинь и Чу ему не поверят. Если пошлет войска в большом числе, то Цзинь и Чу покорятся Цинь. Ци испугается и тогда непременно уж пойдет не за Цинь, а за Цзинь и Чу. В этом — третье. Ци уступит земли, чтобы удовлетворить Цзинь и Чу, и тогда Цзинь и Чу успокоятся. Ци двинет войска и приготовит мечи, тогда Цинь вновь подвергнется военной [опасности]. В этом — четвертое. Так Цзинь и Чу с помощью Цинь разобьют Ци, а с помощью Ци разобьют Цинь. Почему же Цзинь и Чу будут умниками, а Ци и Цинь останутся в дураках? Это — пя-

Вся территория, включавшаяся в границы общины, была неразрывно связана с этим святилищем. Поэтому сама община, когда она, будучи регулятором платежей и повинностей земледельцев, выступала перед центральной властью как административно-фискальная единица, тоже именовалась шэ.

⁶ Мера веса, соответствующая примерно 18 кг.

тсе. Цинь получило Аньи. Пусть оно окажет покровительство Ци, чтобы умиротворить его, тогда не будет у него хлопот. Если Цинь будет хозяином Аньи, то Хань и Вэй лишатся Шандана. Ведь когда заберешь внутренние земли трех Цзинь и пошлешь против них войска, то они будут так напуганы, что не посмеют противодействовать. Разве это не выгодно? Поэтому я и считаю, что наш ван непременно скажет: «Циньский ван проницателен и искусен в составлении планов, Жан-хоу умен и искусен в делах, они никогда не используют сорок тысяч чжаоских латников для похода против Ци»».

Цз. 3, стр. 53-б — 54-а (III,15)

Ученые (ши) Поднебесной объединили [царства] по вертикали, собрались вместе в [царстве] Чжао и решили напасть на Цинь. Циньский сянь Ин-хоу сказал [циньскому вану]: «Оставь печаль, о ван. Позволь мне обезвредить их. Цинь нет нужды ненавидеть ученых Поднебесной. А вместе они собрались и выступают против Цинь только из-за своего стремления к богатству и знатности. Ты, ван, посмотри на своих собак. Те из них, которые лежат, так они и лежат, которые вскочили, также остаются в том же положении, бегающие — бегают, а оставившиеся — стоят. Ни одна из них не набрасывается на другую. А дай-ка им кость, тотчас же вскочат и начнут грызть. Почему? Появился повод для драки». Тогда [Ин-хоу велел] Тан Сую собрать музыкантов и певцов, [велел] подарить ему пятьсот золотых и поселить в Уане⁷, чтобы устраивать там многолюдные сборища с возлияниями.

[Еще] сказал он [Тан Сую], что те из людей Ханьдана⁸, которые станут приходить [на эти сборища], пусть получают [золото]. [К тому добавил], что в этом случае не все строящие козни [против Цинь] смогут получить подарки; те же, кто сможет их получить, станут близок [к Цинь] как брат. [Еще сказал он Тан Сую]: «Если ты, господин, намерен добиться успеха для Цинь, то не спрашивай, кому идет золото. Истратишь все золото — большего добьешься. Сейчас отдали распоряжение нагрузить

⁷ В современном уезде Уань провинции Хэбэй.

⁸ То есть жителей царства Чжао. Ханьдань — это чжаоская столица.

еще пять тысяч золотых для тебя». Когда Тан Суй прибыл в Уань, то не смог израсходовать и трех тысяч золотых, а ученые Поднебесной перессорились между собой.

Цз. 3, стр. 56-а — 59-б

Когда Чжао-ван умиротворил свой народ и привел в порядок свое войско, он вновь захотел идти войной на Чжао. Уань-цзюнь⁹ сказал: «Не следует делать этого». Ван сказал: «В прошлые годы, когда страна наша была опустошена, а народ голодал, ты, господин, не мерил сил народа, а добивался увеличения армии и запасов провианта, чтобы уничтожить Чжао. Ныне я умиротворил народ, чтобы обеспечить довольствием воинов. Собрал запасы зерна. Обеспечение, предназначенное для трех армий, вдвое превосходит прежние [нормы], а ты говоришь, что не следует [нападать на Чжао]. Что это значит?». Уань-цзюнь сказал: «В сражении под Чанпинном циньская армия одержала большую победу, а чжаоская армия потерпела большое поражение. Циньцы веселились и праздновали [победу], а чжаосцы пребывали в страхе. Циньцы, убитые [в сражении], были погребены с почестями, раненые получили обильное обеспечение, уставшие [от ратных дел] занялись взаимными угощениями; еда и питье были раздарены, так что богатство нашей [страны] стало клониться к упадку. Чжаосцы, убитые [в сражении], не были подобраны, раненые не были излечены, плачущие делились друг с другом своею печалью, объединяли силы во взаимном горе; обрабатывая поля, спешили закончить свое дело, чтобы возродить богатство своей [страны]. Если снаряженное тобой, ван, войско и будет вдвое [сильнее], чем раньше, то, по моим расчетам, сила сопротивления царства Чжао выросла в десять крат. Со времени чанпинской битвы правитель Чжао и его сановники пребывали в печали и страхе, утром собирались во дворце, а расходились лишь вечером, [обращались к соседям] с униженными речами и богатыми подношениями, во всех четырех направлениях выдавали замуж [дочерей вана], чтобы породниться [с царствами] Янь и Вэй, улучшить отношения с [царствами]

⁹ Титул знаменитого циньского полководца Бо Ци.

Ци и Чу; сосредоточили все помыслы, объединили все стремления на обороне против Цинь. Внутри этого царства царит изобилие, а его внешние связи упрочены. В настоящее время нельзя идти войной на Чжао». Ван сказал: «Я уже поднял войска и послал пятого сановника Ван Лина¹⁰ возглавить поход на Чжао».

В сражении Лин потерпел неудачу, потерял пять офицеров. Ван захотел послать туда Уань-цзюня. Тот сказался больным и не поехал. Тогда ван послал Ин-хоу, чтобы навестил его и упрекнул: «Чуские земли раскинулись на пять тысяч ли, [они выставляли] миллион воинов с секирами, но некогда ты, господин, во главе своей армии в несколько десятков тысяч человек вторгся в Чу, захватил Янь и Ин, предал огню их храмы; на востоке дошел до Цзиньлина. Жители Чу трепетали от страха. Они бежали на восток, не осмеливаясь оглянуться на запад. Хань и Вэй выставили совместно весьма многочисленное войско. То же войско, которым командовал ты, не достигало и половины [вражеского], но ты дрался с ними под Ицюе и нанес большое поражение армиям двух царств. Щиты¹¹ плавали в потоках крови, было отрублено двести сорок тысяч голов. Поэтому и доселе Хань и Вэй называют себя восточными вассалами. Все это твои заслуги, господин. Вся Поднебесная знает об этом. Ныне из каждых десяти чжаоских солдат семеро или восьмеро погибли под Чанпином, это царство опустошено и ослаблено. Поэтому я выставил большую армию, численность которой во много раз превышает численность чжаоского войска. Я намерен поручить тебе командовать ею, хочу, чтобы [Чжао] было уничтожено. Некогда ты с малыми силами нападал на многочисленное войско и одерживал победы, как будто был наделен сверхъестественным даром. Разве не легче этого достигнуть, когда сильный атакует слабого, когда многочисленное войско нападает на малочисленное?».

¹⁰ В тексте оригинала титул Ван Лина дан, по-видимому, в искаженном виде — «у сяо да фу». Хуан Пи-ле считает иероглиф «сяо» ошибочной вставкой. В подтверждение он ссылается на текст труда Сыма Цяня, где Ван Лин дважды назван «у да фу». В переводе мы следуем исправлению Хуан Пи-ле.

¹¹ По мнению Бао Бяо, употребленный здесь иероглиф «лу» (соленый водоем, грубый) заменим его омонимом, имеющим значение «большой щит». При переводе мы следуем этому комментарию.

Уань-цзюнь сказал: «В то время чуский ван полагался на обширность своего царства и не печалился о делах правления, а его сановники спорили друг с другом из-за заслуг, с помощью лести пробирались к власти; добрые подданные были удалены, а сердца людей пребывали в отчуждении; стены и рвы не исправлялись, а раз уж не было добрых подданных, то не было и приготовлений к обороне. Поэтому войскам, которые я вел, удалось глубоко проникнуть в [чуские земли] и оставить за спиной много городов и селений. Я разрушил мосты, сжег суда, чтобы сосредоточить [помыслы] людей [на победе]; я ограбил предместья и поля, чтобы снабдить армию провиантом. В то время циньские заслуженные воины и простые солдаты считали армию своей семьей, а полководца почитали за отца и мать, были близки [друг к другу] без соглашений, были верны без совещаний, объединили сердца, сплотили усилия, ведь мертвым не вернуться обратно. А жители Чу сражались на своей собственной земле, все они заботились о своих семьях, каждый был растерян и не хотел сражаться, поэтому нам и удалось достигнуть успеха. В битве под Ицюе [царство] Хань оказалось в одиночестве, его одолевало беспокойство, что Вэй не желает первым пускать в дело свою армию, а Вэй понадеялось на ханьские отборные войска, которые оно хотело поставить в авангарде. Обе армии спорили из-за удобной позиции и не объединили своих усилий. Поэтому я смог с помощью мнимых войск удерживать ханьскую [армию] на ее позициях и, собрав все войска, объединив отборные отряды, неожиданно ударить по вэйцам. Когда вэйская армия была разбита, ханьская армия распалась сама собой. Воспользовавшись победой, я стал преследовать бегущих. Вот почему я смог достигнуть успеха. Есть ли сверхъестественное в том, что я рассчитывал и извлекал выгоду из обстановки, а также из природных закономерностей?

Ведь Цинь, разбив чжаоскую армию под Чанпином, не воспользовалось моментом, чтобы уничтожить чжаосцев, пока они пребывали в страхе, чтобы рассеять их, пока они были испуганы. [Напротив], [Цинь] дало им возможность обрабатывать землю и сеять хлеб, что увеличило их запасы провианта; дало им возможность воспитать сирот и вырастить малолетних, что увеличило их войско; дало им возможность привести в порядок ору-

жие и воинское снаряжение, что увеличило их силу, дало им возможность надстроить стены и углубить рвы, что увеличило их обороноспособность. [В Чжао] государь прилагает все усилия, чтобы сравняться со своими подданными, подданные его не щадят живота своего, чтобы сравняться с бесстрашными воинами. Дошло до того, что в семействе Пинъюань-цзюня всем женам и наложницам приказано чинить одежды солдат. Подданные едины в своих устремлениях, верхи и низы трудятся сообща, подобно тому как это было в те времена, когда Гоу Цзянь бедствовал в Хуйцзи¹². Если сейчас идти войной, то Чжао будет крепким в обороне; если вызывать их армию на битву, то она не согласится выйти [на поле боя]; если осадить их столицу, то ее не удастся захватить; если напасть на их города, то ими невозможно будет овладеть; если ограбить их предместья и поля, то ничего не удастся забрать. Если поход будет безуспешным, то у правителей появится желание [вмешаться] и [Чжао] непременно будет оказана поддержка извне. Я замечаю лишь пагубность [этого похода] и не могу разглядеть в нем никакой выгоды. К тому же из-за болезни я не могу двинуться».

Присланный Ин-хоу возвратился, чтобы рассказать обо всем вану. Ван сказал: «Разве без Бо Ци я не смогу уничтожить Чжао?!». Вновь увеличил посланную [против Чжао] армию, велел Ван Чи сменить Ван Лина и возглавить поход на Чжао. Восемь или девять месяцев длилась осада Ханьдана, много [воинов] было убито и ранено, но [столица Чжао] не сдалась. Чжаоский ван вывел легкие отборные войска, чтобы напасть [на циньские земли]. В дальнейшем Цинь не раз [штурмовало Ханьдань], но безуспешно. Уань-цзюнь сказал: «Не послушала моих расчетов, и вот каков результат». Услышав об этом, ван рассердился. Поэтому, встретившись с Уань-цзюнем, силой поднял его и сказал: «Хоть ты, господин, и болен, но я заставлю тебя с ложа командовать армией. Если ты успешно исполнишь мои желания, то я стану еще более [милостив] по отношению к тебе, а если ты не сделаешь этого, то я разгневаюсь на тебя». Низко кланяясь вану, Уань-цзюнь сказал: «Я понял, что если

¹² В 494 г. до н. э. Фу-ча, правитель царства У, напал на царство Юэ и осадил его правителя на горе Хуйцзи.

я сделаю по-твоему, то даже в случае неудачи, смогу снять с себя вину, а если не сделаю, то даже будучи безвинным, не избежну наказания. Однако я желаю лишь того, чтобы ты, великий ван, ознакомился с моими расчетами. Оставь в покое Чжао и пестуй [свой] народ, чтобы следить за переменами [в политике] правителей. Ободри тех из них, кто испуган; наказывай тех, кто строптив и надменен, казни тех, кто сошел с [истинного] пути. Ведь подчинив себе правителей, сможешь утвердить [свою власть] над Поднебесной. Зачем непременно начинать с Чжао? [Мои предложения —] это то, о чем говорят: подчиниться одному подданному и победить всю Поднебесную. Если ты, великий ван, не разобрался в моих расчетах и непременно желаешь тешить свое сердце [войной] с Чжао, а вину возвести на меня, то [ты попадешь в положение], о котором говорят: победить одного подданного и подчиниться Поднебесной.

Разве можно сравнить влияние победы над одним подданным с величиим авторитета, внушаемого победой над Поднебесной? Я слышал, что просвещенный государь любит свою страну, а верный подданный дорожит своим именем; что потерпевшее поражение государство невозможно возродить в целости, убитого солдата невозможно оживить.

Я предпочитаю пасть ничком и, претерпев жестокую казнь, умереть, но не снесу назначения военачальником спозоренной армии. Я хочу, чтобы ты, великий ван, понял это».

Ван ничего не ответил и удалился.

Цз. 3, стр. 25-а — 27-а (V, 1)

Некто обратился к циньскому вану: «Я смущен тем, что ты, ван, с пренебрежением относишься к Ци, презираешь Чу, непочтителен к Хань. Я слышал, что [некогда] ваны не становились высокомерными, когда войска их побеждали, не становились гневливыми, когда оказывались во главе союза [государей]. Поэтому-то им удалось покорить мир и привлечь на свою сторону соседей. Ныне, ван, ты осыпаешь милостями Вэй и Чжао и оставляешь без внимания Ци — это высокомерие. Ты одержал

верх в битве под Ияном¹³, не поддержал Чу, не установил с ним союзных отношений — это гневливость¹⁴. Высокомерие и гневливость мешают достижению главенства среди государей. Я обеспокоен твоими делами и не могу принять [твоего отношения к Поднебесной].

В Одах сказано:

Недобрых совсем не бывает вначале,
Но мало кто добрым дожил до конца¹⁵.

Поэтому прежние ваны считали важным не только начало [дела], но и его конец. Откуда мне стало известно, что это действительно так? Вот некогда Чжи Бо-яо истребил [кланы] Фань и Чжунсин, осадил Цзиньян, но в конце концов был осмеян тремя семействами¹⁶. Ван из [царства] У по имени Фу-ча разбил свой лагерь в [царстве] Юэ близ [горы] Хуйцзи, затем нанес поражение Ци под Айлином, устроил встречу [правителей] в Хуанчи, был непочтителен к [царству] Сун. Впоследствии он был схвачен Гоу-цзянем и погиб¹⁷. Лянский правитель пошел походом на Чу, победил Ци, подчинил себе армии Хань и Чжао, заставил двенадцать правителей поехать на прием к Сыну неба в Мэнцинь. Потом случилось так,

¹³ Важный центр царства Хань, располагавшийся на границе современных уездов Лонин и Шэсянь провинции Хэнань. Был захвачен царством Цинь в 307 г. до н. э.

¹⁴ Царство Чу в войне за Иян было на стороне Хань.

¹⁵ Цитата дана в переводе А. А. Штукина. См.: «Шицзин», М., 1957, стр. 376.

¹⁶ К середине V в. до н. э. реальная власть в царстве Цинь перешла из рук ванов в руки ряда могущественных родов. В ходе ожесточенной борьбы между последними на некоторое время центральной фигурой в Цинь становится Чжи Бо. Вскоре, однако, союз влиятельных семей Чжао, Хань и Вэй уничтожает диктатуру Чжи Бо (453 г. до н. э.).

¹⁷ Когда Фу-ча напал на царство Юэ и уничтожил его армию, Гоу-цзянь, правитель Юэ, с пяти тысячным отрядом укрылся на горе Хуйцзи (на территории современного уезда Шаосин провинции Чжэцзян). После капитуляции Гоу-цзяня Фу-ча направил свою войска на север. В 484 г. до н. э. он победил цисцев под Айлином (на территории современного уезда Тайань провинции Шаньдун). В 482 г. до н. э. на съезде в Хуанчи (на территории современного уезда Фэнцю провинции Хэнань) Фу-ча пытался вырвать у правителя царства Цинь титул «гегемона» (ба). Однако в этот момент юэцзы вторглись в У. Фу-ча пришлось спешно отступать на юг. По пути он сжигал пригороды столицы царства Сун. В ходе последовавшей затем многолетней и упорной борьбы между Гоу-цзянем и Фу-ча последний был разбит и погиб в 473 г. до н. э.

что сын его погиб, а сам он стал носить шапку из холста, попал в зависимость от Цинь. Все трое добивались успеха. Они, однако, смогли начать [свое дело], но не смогли закончить. Ныне ты, ван, разрушил Иян, поверг во прах [область] Саньчуань¹⁸, ты добился, чтобы ученые Поднебесной не смели говорить. Ты стеснил царства Поднебесной и передвинул границы обоих Чжоу, а нынешние государи не смеют глянуть за заставу Янхоу. Ты захватил Хуанци, а войска Хань и Вэй не смеют выступить. Если ты сможешь довести это до конца, то трем ванам [древности] будет недоставать четвертого, а пяти гегемонам будет недоставать шестого. Если ты не сможешь довести это до конца и в дальнейшем столкнешься с трудностями, то я боюсь, как бы государи и ученые, живущие между [Хуан]хэ и [рекой] Цзи, не приравняли тебя к [Фу-ча] из У или к Чжи [Бо]. В Одах сказано:

Идущий по дороге длиною в сто ли
Середины достигнет через девяносто [ли]¹⁹.

Так говорится о трудностях конца пути.

Ныне и у тебя, великий ван, [и у чуского вана]²⁰ надменный вид. Как я полагаю, если судить о делах Поднебесной с точки зрения современных правителей, то или Чу, или Цинь непременно должны подвергнуться нашествию [неприятельских] войск. Откуда известно, что это действительно так? Циньцы поддержали Вэй в его оборонительных мерах против Чу. Чусцы поддержали Хань в его оборонительных мерах против Цинь. Войска четырех царств равны по силе, и они не могут восстановить прежнее положение с помощью войны. Ци и Сун находятся за линией [конфликта двух группировок], обладают влиянием. Поэтому говорят, что тот, кто первым заполучит Ци и Сун, пойдет войной на

¹⁸ Одна из наиболее плодородных областей царства Хань (на стыке современных провинций Хэбэй, Шаньдун и Хэнань). В 249 г. до н. э. была почти полностью аннексирована царством Цинь.

¹⁹ В современном тексте «Ши-цзина» отсутствует.

²⁰ К этой части фразы Ёкота Икё дает следующий комментарий: «Исходя из наличия здесь иероглифа “цзе”, а также из последующего содержания этого текста, [я пришел к выводу], что после слов “великий ван”, по-видимому, опущены слова “чуский ван”». При переводе мы учли это наблюдение японского комментатора.

Цинь. Если Цинь первым заполучит Ци и Сун, то дом Хань исчезнет. Если это произойдет, то Чу окажется в одиночестве и подвергнется нашествию [вражеских] войск. Если Чу первым заполучит их, то исчезнет дом Вэй. В этом случае Цинь окажется в одиночестве и подвергнется нашествию [вражеских] войск. Если [события] будут происходить в соответствии с этими расчетами, то оба царства будут осмеяны Поднебесной».

ПЛАНЫ ЦАРСТВА ЦИ

Цз. 4, стр. 3-б — 4-б (I, 8)

Чэнский хоу Цзоу Цзи был циским сяном, а Тянь Цзи — полководцем. Они недолюбливали друг друга. Гунсунь Хань сказал Цзоу Цзи: «Отчего бы тебе, господин, не предложить вану план похода против [царства] Вэй. В случае победы ты, будучи [автором] замысла [этого похода], сможешь добиться славы. Если война будет проиграна, то Тянь Цзи можно будет обвинить в том, что он не пожертвовал жизнью в бою, а затем казнить». Цзоу Цзи согласился с этим. Тогда он изложил [замысел похода] вану, а тот послал Тянь Цзи против Вэй. Тянь Цзи одержал три победы в трех сражениях. Цзоу Цзи обратился к Гунсунь Ханю. Тогда Гунсунь Хань послал своего человека с десятью золотыми к гадателю на рынок. [Посланный] сказал: «Я — человек Тянь Цзи. Мой [хозяин] одержал три победы в трех сражениях. Его влияние внушает трепет Поднебесной. Он хочет свершить великое деяние²¹, будет ли ему в этом удача?». Гадатель вышел и велел людям схватить гадавшего у него, чтобы засвидетельствовал свои слова перед самим ваном. Тянь Цзи бежал.

Цз. 4, стр. 63-б — 64-б (III, 11)

Го-цзы²² сказал: «Цинь разбило армию Мафу-цзюня, осадило Ханьдань²³. [Царства] Ци и Вэй тоже оказали

²¹ То есть захватить власть в царстве Ци.

²² Согласно комментарию Бао Бяо, Го-цзы — это циский савновник.

²³ Мафу-цзюнь — титул знаменитого чжаоского полководца Чжао Шэ. Здесь, однако, за этим титулом скрывается его сын

помощь Цинь в походе на Ханьдань. Ци забрало [чжаоский] Цзышу, Вэй захватило [чжаоский] Иши. Царский сын У-цзи ради Поднебесной взялся за осуществление плана, соответствовавшего обстановке, убил Цзин Би и возглавил вэйские войска, чтобы снять осаду с Ханьдана²⁴. Он добился того, что Цинь не смогло овладеть [царством Чжао] и отказалось [от захвата] Поднебесной. Это привело к тому, что циские [войска] были отправлены в Вэй, чтобы содействовать успеху под Ханьданем. [Город] Аньи для Вэй был опорой государства, [город] Цзинъян для Чжао был опорой государства, Яньин для Чу был опорой государства. По той причине, что три царства располагались поблизости от циньских земель, Цинь пошло войной на Вэй и захватило Аньи²⁵, пошло войной на Чжао и захватило Цзинъян²⁶, пошло войной на Чу и захватило Яньин²⁷.

Нанесло поражение правителям трех царств, присоединило земли обоих Чжоу²⁸, овладело домом Хань, забрало его земли²⁹. [В руках Цинь] скоро окажется половина Поднебесной. Ныне к тому же оно отняло [земли] у Чжао и у Вэй, отдалило друг от друга срединные царства, отняло Дунъе у [Малого] Вэй, присоединило вэйские земли к югу от Хуанхэ, разделило чжаоский Дунъян, так что Чжао и Вэй также грозит опасность. Если Чжао и Вэй находятся в опасности, то в этом нет

Чжао Ко, погибший вместе с чжаоской армией под Чанпином в 260 г. до н. э. Чанпинское поражение послужило сигналом для широкого наступления циньских войск на чжаоские земли. В 259 г. до н. э. циньцы начали осаду чжаоской столицы г. Ханьдана.

²⁴ Длвившаяся несколько лет безуспешная осада Ханьдана внесла отрезвление в умы правителей других центральнокитайских царств, которые убедились в том, что Цинь далеко не всеильно. Царство Вэй, ранее поддерживавшее Цинь, к 257 г. до н. э. начало серию военных приготовлений явно антициньского характера. Приготовления эти, впрочем, шли весьма медленно, что раздражало многих вэйских сановников и военачальников, в том числе и царского сына У-цзи, владетеля Синьлина. Проникнув в один из вэйских военных лагерей, где располагалась стотысячная армия, У-цзи умертвил ее военачальника Цзин Би и с помощью подложного приказа вана увел армию под стены Ханьдана. Циньские войска осаждавшие город, оказались между двух огней и были разбиты.

²⁵ В 286 г. до н. э.

²⁶ В 247 г. до н. э.

²⁷ В 278 г. до н. э.

²⁸ В 256 г. до н. э.

²⁹ В 230 г. до н. э.

выгоды для Ци. Мыслями Хань, Вэй, Чжао и Чу владеет страх перед тем, что Цинь присоединит Поднебесную и покорит ее правителей, поэтому там сосредоточивают помыслы солдат на стремлении дать отпор Цинь. В трех царствах, граничащих с циньскими землями, опасность достигла крайних пределов. В [царстве] Ци, которое не граничит с циньскими землями, опасность не столь близка. Вследствие этого положение дел в Поднебесной не может не зависеть от [царства] Ци. По этой причине, если Цинь добьется [поддержки] от Ци, то оно получит перевес над срединными царствами. Если Чжао, Вэй и Чу добьются [поддержки] от Ци, то они будут в состоянии противостоять Цинь. Поэтому для Цинь, Чу, Чжао и Вэй добиться [поддержки] Ци — значит усилиться; утратить ее — значит ослабнуть.

Почему же [царство] Ци, обладая таким влиянием, не может усилить Поднебесную [в ее борьбе с Цинь]? Те, услугами которых пользуются [в управлении страной], придерживаются ошибочных взглядов».

Цз. 4, стр. 41-б—49-б (V, 1)

Су Цинь сказал цискому Минь-вану: «Я слышал, что тот, кто пускает в ход оружие и любит главенствовать в Поднебесной, обретет заботы; тот, кто заключает союзы и любит быть объектом ненависти, останется в одиночестве. Ведь тот, кто выступает после других, найдет опору, а тот, кто избегает ненависти, выберет подходящее время. Вот почему мудрый человек, принимаясь за дела, непременно опирается на умение применяться к обстоятельствам и обязательно выступает в подходящее время. Ведь тот, кто применяется к обстоятельствам, первенствует среди всего сущего, а тот, кто пользуется подходящим временем, главенствует во всех делах. Поэтому мало таких, которые бы не применялись к изменениям в обстановке, не обращали бы внимания на подходящее время, но все-таки были в состоянии добиться успеха. Ведь и [мечи] Гань Цзяна и Мо Е³⁰ не могут резать, если не применить силу [рук] человеческих. Даже креп-

³⁰ Гань Цзян и Мо Е прославились своим искусством отливки мечей, но их имена обозначают также два особых типа мечей. См.: L. Lanciotti, *Sword Casting and Related Legends in China*, — «East and West», vol. VI, 1955, № 2, стр. 106—107.

кая стрела и отточенный наконечник не смогут убить на расстоянии, если не воспользоваться тетивой [лука] или механизмом [арбалета]. И стрела остра, и меч отточен. В чем же причина? Не были использованы подходящие обстоятельства.

Откуда известно, что это так? Некогда дом Чжао внезапно напал на [Малое] Вэй, [военные] повозки беспрестанно перевозили людей, внутри стен столицы [Малого] Вэй [решили] отдать земли, чтобы добиться мира; восемь вэйских ворот были засыпаны землей, двое ворот рухнули, такое положение дел грозило государству гибелью. Правитель [Малого] Вэй пешком отправился, чтобы сообщить об этом [царству] Вэй. Вэйский ван самолично надел панцирь, наточил меч, бросил вызов [царству] Чжао. В Ханьдане испугались, а между [Хуан]хэ и горами пришли в смятение. [Малое] Вэй воспользовалось случаем. Собрало остатки своих латников и выступило на север, разрушило Ганьпин, захватило предместья Чжунмоу³¹. [Малое] Вэй не было сильнее Чжао. [Малое] Вэй было подобно стреле, а Вэй — тетиве [лука] или механизму [арбалета]. Оно воспользовалось силой Вэй и завладело землями к востоку от [Хуан]хэ. Дом Чжао пребывал в страхе, чусцы поддержали Чжао и пошли походом на Вэй. Война началась в Чжоуси. Пройдя через Лянские ворота, армия расположилась в лесу, кони пили воду из великой реки. Чжао воспользовалось этим случаем и напало на вэйские [земли] к северу от [Хуан]хэ, сожгло Цзипу, заняло Хуанчэн³².

Очевидно, разрушение Ганьпина, захват Чжунмоу и Хуанчэна, сожжение Цзипу не входили в намерения Чжао и Вэй, однако оба царства сделали это. Почему? [Малое] Вэй поняло, как воспользоваться подходящим временем и удобным моментом. Однако не так поступают те, кто в нынешний век вершит делами царства. Когда войска их слабы, они стремятся помериться силами с сильнейшими. Когда государства их истощены, они стремятся вызвать ненависть у многих. Когда их дела пребывают в расстройстве, они стремятся довести до конца [свои военные авантюры]. Когда войска их слабы, они вызывают ненависть у низких людей. Когда земли

³¹ Речь идет о событиях 383—382 гг. до н. э.

³² В 381 г. до н. э.

их стеснены, они стремятся соперничать с большими [царствами]. Когда дела их в расстройстве, они стремятся повсюду сеять обман. Если, совершая эти шесть [ошибок], добиваться положения гегемона [в Поднебесной], то окажешься далеко [от цели]! Я слышал, что тот, кто искусно управляет страной, сообразуется с мнением народным и измеряет возможности своего войска, после чего он начинает следовать за Поднебесной. Поэтому, когда он заключает союзы, то не становится к выгоде других объектом ненависти, когда он выступает в поход, то не стремится к выгоде других нанести поражение сильному [врагу]. В этом случае его войско не несет ущерба, его влияние не уменьшается, его земли смогут быть расширены, а его желания смогут исполниться.

Некогда Ци в союзе с Хань и Вэй пошли войной на Чу и Цинь. В сражении [Ци] не было слишком ожесточенным, приобрело земель не больше, чем Хань и Вэй, однако впоследствии Поднебесная всю вину возложила на Ци. Почему? Потому что оно к выгоде Хань и Вэй стало объектом ненависти. К тому же в Поднебесной все прибегают к оружию! Во время войны Ци и Янь дом Чжао захватил Чжуншань; Цинь и Чу, Хань и Вэй беспрестанно сражались друг с другом, а Сун и Юэ только и делали что пускали в ход оружие. Все эти десять государств стремились к соперничеству между собой, однако лишь [дела] Ци задели чувства [Поднебесной]. Почему? Потому что, заключая союзы, оно любило быть объектом ненависти; ведя войны, оно стремилось нападать на сильных [соперников]. К тому же беды сильных и больших [царств] часто происходят из-за их стремления подчинять себе людей, несчастья в слабых и малых [владениях] вызваны тем, что они видят выгоду в кознях против людей. Вот почему большие царства оказываются в опасности, а малые царства погибают.

Наилучшая стратегия для больших царств заключается в том, чтобы выступать последним и с осторожностью карать несправедливых [в Поднебесной]. Кто, выступая последним, пользуется подходящей обстановкой, тот обретает много союзников и укрепляет войско. В этом случае он с сильным и многочисленным [войском] выступает против измотанного и разрозненного [врага]. В военных делах его ждет успех. Если не препятствовать Поднебесной всем сердцем [стремиться к тебе], то выгоды

непрерывно воспоследуют. Если большое царство делает так, то слава приходит к нему сама собой, а главенствующее положение среди государей достается ему без всяких усилий. Наилучшая позиция для малых царств заключается в осторожности, спокойствии, в недоверчивом отношении к другим правителям. Если соблюдать осторожность и спокойствие, то ни один из четырех соседей не изменит. Если с недоверием относиться к другим правителям, то Поднебесная не предаст. Если во внешней сфере его не будут предавать, а во внутренней — выступать против, то запасы провианта (цзы сюй)³³ испортятся, не будучи использованы; монеты придут в негодность, а шелка истлеют без применения. Если путь малого царства будет таков, то не потребуются жертвоприношений предкам, чтобы наступило благополучие; не нужны будут займы, чтобы пришел достаток. По этой причине и говорят: “Тот, кто следует законам человечности, становится ваном. Тот, кто устанавливает справедливость, становится главою государей. Тот, кто, берясь за оружие, доводит себя до крайности, гибнет”. Откуда известно, что это было действительно так?

Некогда ван царства У по имени Фу-ча, опираясь на силу и обширность [своей страны], встал во главе Поднебесной. Он внезапно напал на [чускую столицу], город Ин, стеснил Юэ; государи подчинились ему; но в конце концов сам он был убит, а царство его погибло, они были уничтожены жителями Поднебесной. Почему? Потому что Фу-ча постоянно думал, как бы добиться господства [над людьми]; потому что он навлек на себя беду тем, что любил главенствовать в Поднебесной, опираясь на силу и обширность [своего царства]. Некогда [небольшие] владения Лай и Цзюй любили строить козни, а Чэнь и Цай — обманывать. Цзюй положилось [на поддержку] Юэ и было уничтожено, Цай положилось [на поддержку] Цзинь и погибло³⁴. Все они во внутренней сфере распространяли обман, а во внешней — навлекали на себя бедствия излишней доверчивостью по

³³ В тексте, имевшемся в распоряжении Бао Бяо, здесь стояли иероглифы «бинь» — отбросить, отогнать, «хо» — беда, вред. Бао Бяо и У Ши-дао заменили эти явно искаженные иероглифы на «цзи сюй» — запасы провианта, что как раз соответствует контексту.

³⁴ Оба были поглощены царством Чу, первое в 431 г. до н. э., а второе — в 447 г. до н. э.

отношению к правителям. Если смотреть исходя из этого, то несчастья и беды сильных и обширных, а также слабых и малых царств становятся очевидными на примере событий прошлого. В одной поговорке сказано: “Утомленного цилиня опередит и кляча, усталого Мэн Бэня³⁵ одолеет и девчонка”. Конечно, силой мускулов и костей кляча и девчонка не превосходят цилиня и Мэн Бэня. В чем причина? В том, что они, выступив последними, воспользовались удобным случаем. Сейчас в Поднебесной равные по силе [владения] не в силах уничтожить друг друга; они могут лишь, остановив войска, выступать последними. [Им следует] делать так, чтобы другие, вызывая злобу, наказывали неправедных, [им следует], скрывая [истинные цели] военных действий, ссылаться на то, что [выступают в защиту] справедливости, в этом случае перед ними открывается возможность спокойно ожидать падения Поднебесной. Те, кому ясны дела правителей, кому ведом облик земли, не завязывают родственных отношений [с соседями], не обмениваются с ними заложниками, но добиваются укрепления [доверия]. Они не торопятся, но быстро [достигают желаемого], устанавливают отношения и с тем и с другим, но не изменяют; совместно отторгают [у других] земли, но не испытывают друг к другу зависти; оба сильны, но укрепляют близость [между собой]. Каким образом [происходит так]? В сложившейся обстановке их сближают общие заботы, а войска они пускают в ход из стремления к выгоде. Откуда известно, что это действительно так? Некогда [царства] Янь и Ци сражались в лабиринте гор Хуань. Янь потерпело поражение и потеряло стотысячную армию³⁶. Люди [народа] ху напали на несколько уездов лоуфаней³⁷, подвластных царству Янь, захватили их быков и лошадей. Но ведь хусцы и

³⁵ Знаменитый силач из царства Ци, живший в период Чуньцю.

³⁶ Неясно, какой из многочисленных циско-яньских военных конфликтов имелся в виду.

³⁷ Лоуфани — кочевые племена, обитавшие на северо-западных границах древнекитайских царств. Известия о них впервые появляются в IV в. до н. э. Судя по данным, относящимся к периоду Чжаньго, центром их расселения были северные районы провинции Шаньси и прилежащие области Ордоса. С конца IV в. до н. э. лоуфани оказались в сфере влияния царства Чжао. Вышеприведенное сообщение комментируемого текста говорит о том, что лоуфани проживали также и на землях царства Янь.

[царство] Ци не были издавна в родстве, а в ходе военных действий они также не заключали союзов и не обменивались заложниками, чтобы строить козни против Янь. Но почему они так сильно стремились друг к другу?

Положение их определялось общими заботами, а войска они применяли из стремления к выгоде. Судя по этому, если заключают союзы с теми, кто находится в сходном положении, то долго извлекают выгоды; если после других принимаются за оружие, то могут заставить правителей служить себе. По этой причине разумный государь и дальновидный сян, если они действительно хотят поставить себе целью достижение гегемонии, не бывают первыми в войнах и нападениях. Война пагубна для страны, она наносит ущерб и столице и уездам. Немного найдется таких, которые, понеся сперва ущерб, смогли бы [затем] поладить с правителями. В такой войне заключена погибель. Когда люди ученые слышат о войне, они вносят частные средства для обогащения армии, на рынках выставляют еду и питье, чтобы с радостью принять бесстрашных воинов. Люди чиновные ломают оглобли, чтобы развести огонь, убивают быков, чтобы угостить воинов; таков путь обнищания [страны и государя]. Все жители царства возносят молитвы, государь тайно молит о предотвращении бедствия (жан)³⁸. И в больших торговых городах, и в малых уездах устанавливают алтари земли, во всех поселениях, обладающих рынками, оставляют повседневные дела и посвящают себя тому, что составляет заботу правителя. Это — замыслы, приводящие страну в запустение. Ведь на второй день войны повсюду будут встречаться трупы убитых и поддерживаемые [друзьями] раненые; хотя и будет достигнут успех, но потери в армии и стенания внутри страны изранят сердце государя. Убитые разоряют своих родственников [расходами] на погребение, раненые расходуют средства на приобретение лекарств, оставшиеся невредимыми устраивают в своих семействах попойки и веселятся вовсю, поэтому расходы на них равны расходам на убитых и раненых. По этой причине даже за десять лет поля не восполнят ущерба, нанесенного наро-

³⁸ Согласно комментарию Сэки Кунтё, «нян» — вино, попойка — в этой фразе должно быть исправлено на «жан» — молитва о предотвращении бедствия.

ду. Что касается расходов в армии, [то оказывается], что боевые секиры и клевцы изломаны, кольца и тетивы разорваны, испорчены арбалеты, разбиты колесницы, загнаны кони и выпущено больше половины стрел. То, что потрачено частным образом дворцом на панцири и оружие, а также то, что утаили заслуженные воины и сновники, то, что похитили солдаты — прислужники и конюхи, — даже за десять лет не бдует возмещено [доходами] с полей.

В Поднебесной немного найдется таких, кто смог бы, понеся эти двойные расходы, поладить с правителями других владений. Расходы при нападении на города: народ латает свои одежды, выдвигает тараны и навесы, семейства собраны вместе и ютятся в землянках. Внутри страны иссякает [запас] ножевидных монет и золота; воины изнуряют себя на земляных работах, а военачальники не снимают панцирей; в лучшем случае лишь через несколько месяцев [после начала] осады удаётся овладеть городом. Верхи не имеют сил, чтобы заниматься поучениями, воины до конца отдают себя ратному делу, поэтому мало таких, которые, овладев тремя городами, смогли бы одержать победу над врагом. Войны и нападения совсем не то, что нужно в первую очередь. Откуда известно, что это так?

Некогда Чжи Бо-яо напал на кланы Фань и Чжунсин, убил их предводителей, уничтожил их владения, к тому же на западе он осадил Цзинъян; он захватил два владения и поверг в печаль одного государя³⁹, так он достиг вершины успеха в военных делах. Однако в конце концов Чжи Бо был убит, государство его поггло, в Поднебесной он стал предметом насмешек. В чем причина этого? В том, что он первым применил войска и навлек на себя несчастье, уничтожив двух владетелей. Непкогда Чжуншань повело все свои войска навстречу [армиям] Янь и Чжао. На юге в битве под Чанцзы оно нанесло поражение дому Чжао, на севере в битве под Чжуншанем оно победило яньскую армию и убило ее полководца. Ведь Чжуншань — государство с тысячей боевых колесниц, а выступив против двух царств, у которых было по десять тысяч колесниц, выиграло подряд два сражения; это была вершина боевого успеха. Одна-

³⁹ То есть Сян-цзы, государя владения Чжао.

ко впоследствии это государство погибло, а его правитель попал в подчинение к царству Ци⁴⁰. Почему? Потому что нерасчетливо навлекали на себя беды от войн и нападений. Если исходить из этого, то ущерб, наносимый войнами и нападениями, можно видеть [на примере] событий прошлого. Тот, кто в наше время считается искусным в военном деле, до конца войны одерживает победы; когда он защищает [город], то его невозможно заставить сдать. Вся Поднебесная называет его искусным. Но если какое-нибудь царство, заполучив его, поручит ему оборону, то это вовсе не принесет царству выгоды. Я слышал о великих победителях, что большинство их воинов погибает, а армии оказываются еще более ослабленными, [что касается] тех, кого при защите [городов] невозможно заставить сдать, то вверенные им жители [городов] бывают изнурены, а окрестности городов опустошены. Если воины погибают на стороне, а народ изнурен в домах, если окрестности городов, лежащих внутри границ, опустошены, то это не доставляет радости вану. Ведь яблочко мишени не провинилось перед людьми, но в него стреляют из луков и из арбалетов. Попавший — ликует, промахнувшийся — горюет. И стар, и млад, и знатный, и подлый объединены желанием пробить его стрелой. Отчего? Оно вызывает гнев оттого, что указывает людям на труднодостижимое. Если до конца войны подряд одерживают победы, а при обороне [городов] никогда не капитулируют, то это не только служит для людей показателем труднодостижимого, но и наносит им вред. В таком случае Поднебесная обязательно возненавидит [искусного полководца]. Ведь изнуряющий воинов, опустошающий страну и весьма часто вызывающий в Поднебесной ненависть не будет принят разумным государем, а тот, кто, ежедневно прибегая к оружию, делает немощным сильное войско, не будет назначен на должность дальновидным сяном. Что касается разумного государя и дальновидного сяна, то они подчиняют других правителей, не пуская в ход пять видов оружия; в их пользу отказываются [от своих прав], им уступают и шлют богатые подношения. Поэтому, когда разумный государь прибегает к войнам и нападениям, в

⁴⁰ Владение Чжуншань погибло в 295 г. до н. э. под ударами объединенных вооруженных сил царств Чжао, Ци и Янь. При этом чжуншаньский владетель был, по-видимому, захвачен цисцами.

его армии не расходуют панцирей и оружие, но одерживают победы над враждебным владением, не пускают в ход таранов и навесов, но захватывают пограничные города; народ еще не узнал [о войне], а дело вана уже восторжествовало. Принимаясь за государственные дела, разумный государь в небольшом количестве расходует свои богатства, в течение долгого времени [он добивается своего], но зато долго извлекает выгоду. По этой причине говорят: “Если начнешь военные действия последним, то сможешь заставить правителей служить тебе”.

Я слышал, что не войско является основой нападений и войн: пусть у тебя будет миллионная армия, но она потерпит поражение в залах [дворца] (би чжи тан шан)⁴¹. Пусть у тебя будут полководцы, равные Хэ Люю и У Ци, но их схватят внутри дома, падение города [со стеною] длиною в тысячу чжанов [может быть решено] меж чарок и столов, поломка тарана длиною в сто чи [может быть задумана] на спальной циновке. По этой причине, не прерывая звона колоколов, стука барабанов, мелодий флейт и гуслей, можно расширить земли и достичь желаемого; не забывая радостей, доставляемых музыкантами и певицами, а также смехом шутов-карликов, в один день можно прибрать к рукам правителей. Поэтому звания, соответствующие небу и земле, не считаются достаточно почетными, а богатства, с помощью которых держат в руках все, что окружено морями, не считаются достаточно обильными. Поэтому наилучший путь к утверждению дела вана состоит в том, чтобы заставлять Поднебесную трудиться, а самому отдыхать; вносить в Поднебесную смуту, а самому пребывать в покое. Если правители [будут думать], что твои замыслы не осуществляются, то в их царствах не станут гостить печали, [предназначенные для тебя]. Откуда известно, что это так? Пусть покой и благо пребывают со мной, а утомление и смута пребывают в Поднебесной — вот путь вана. Когда подступают отборные войска, давай им отпор, когда надвигаются заботы, избегай их; заставляй правителей думать, что твои замыслы не осуществляются, тогда в их царствах не будут гостить печали, [предназна-

⁴¹ У Ши-дао видит в иероглифе «би» искаженное «бэй» — се-вер, потерпеть поражение. Поскольку одно из значений «бэй» действительно весьма гармонирует с общим контекстом фразы, то в переводе мы принимаем это исправление.

ценные для тебя]. Откуда известно, что это так? Некогда вэйский ван держал в руках земли протяженностью в тысячу ли, у него было триста шестьдесят тысяч латников; опираясь на свою силу, он овладел Ханьданем, на западе осадил Динъян да к тому же во главе двенадцати правителей отправился на прием к Сыну неба, чтобы на Западе строить козни против Цинь. Циньский ван испугался, беспокойно спал, во время еды не различал вкуса кушаний, внутри пределов страны был отдан приказ, чтобы бойницы городских стен были заполнены воинским снаряжением, чтобы все царство занялось приготовлениями к обороне, чтобы создавали [отряды] бесстрашных воинов, чтобы расставили военачальников в ожидании [войск] дома Вэй. Вэй Ян предложил такой план циньскому вану: “Ведь успехи дома Вэй велики, а его распоряжения рассылаются по всей Поднебесной, вместе с двенадцатью владетелями [вэйский ван] был на приеме у Сына неба, у него должно быть много сторонников, поэтому Цинь в одиночку, пожалуй, будет трудно выстоять против большого Вэй. Почему, ван, ты не распорядишься, чтобы я отправился повидать вэйского вана? Тогда бы я непременно нанес поражение Вэй”. Циньский ван согласился с ним. Вэй Ян, встретившись с вэйским ваном, сказал: “Твои успехи, великий ван, значительны, твои распоряжения рассылаются по всей Поднебесной; ныне за тобой, великий ван, следует двенадцать владетелей, если среди них нет [владетелей] Сун и [Малого] Вэй, то есть владетели Цзоу, Лу, Чэнь и Цай, всех их ты погоняешь плеткой, однако этого недостаточно, чтобы повелевать Поднебесной. Для тебя, великий ван, лучше всего на севере привлечь Янь, на востоке напасть на Ци, тогда Чжао непременно покорится. Если на западе привлечь Цинь, на юге напасть на Чу, то Хань непременно покорится. Если у тебя, великий ван, появится мысль покарать Ци и Чу и ты будешь следовать желаниям Поднебесной, то твое дело осуществится. Для тебя, великий ван, лучше всего сперва ввести в употребление одеяния [чжоуского] вана, а после этого замышлять [нападение] на Ци и Чу”. Вэйский ван обрадовался словам Вэй Яна. Поэтому самолично занял обширные палаты, ввел красные одежды, на колоннах повесил девять полотнищ, его сопровождали стяги с семью звездами, это были прерогативы Сына неба, а вэйский

ван узурпировал их. Тогда Ци и Чу разгневались, владельцы поспешили в Ци, а цисцы пошли войной против Вэй, убили наследника, уничтожили сотысячную армию⁴². Вэйский ван был очень напуган, босым отправился в путь, чтобы остановить продвижение войск в глубь царства; он устремился на восток и прибыл в Ци, после чего Поднебесная оставила его в покое.

В то время циньский ван, сложа руки, приобрел земли за областью Сихэ, но не считал это за благодеяние вэйского вана. Поэтому когда Вэй Ян с циньским ваном начали строить свои планы, то они согласовали свои замыслы, не вставая с циновки, обсудили их меж чарок и столов, замыслы их были осуществлены в залах [дворца], а вэйский полководец был схвачен [царством] Ци. Тараны и навесы не были пущены в ход, а земли за областью Сихэ вошли в состав [царства] Цинь. Именно это я называю так: наносить поражения в залах дворца, захватывать полководца в доме, брать город меж чарок и столов, ломать таран, лежа на циновке».

ПЛАНЫ ЦАРСТВА ЧУ

Цз. 5, стр. 1-б—2-а (I, 5)

Бедствие в Ханьдане⁴³. Чжао Си-суй обратился к чускому вану: «Для тебя, ван, лучше не поддерживать Чжао, а содействовать укреплению Вэй. Если Вэй укрепится, то его приобретения в Чжао будут более обширными. Если Чжао не сможет прийти к соглашению [с Вэй], то ему придется укреплять свою оборону. В результате оба будут обессилены». Цзин Шэ сказал: «Неверно. Ты, Чжао Си-суй, не понял, что, нападая на Чжао, Вэй боялось лишь удара сзади со стороны Чу. Если не помочь Чжао, то в Чжао сложится обстановка, грозящая ему гибелью, а у Вэй не будет забот относительно

⁴² Имеется в виду известная битва под Малином.

⁴³ Имеется в виду осада столицы царства Чжао войсками царства Вэй, начавшаяся в 354 г. до н. э. На следующий год против Вэй выступили царства Ци и Чу. Но они стремились к территориальным захватам, а не к спасению Ханьдана. Несмотря на то что цисцам удалось разгромить вэйцев под Гуйлином (на территории современного уезда Цаосянь провинции Шаньдун), а действия чуских войск также были успешными, Ханьдань после тяжелой осады капитулировал.

[позиции] Чу; значит, Чу и Вэй как бы совместно выступят против Чжао. Ему будет нанесен тяжелый ущерб. Как тут [говорить], что оба будут обессилены? К тому же Вэй прикажет своим войскам глубоко вторгнуться в Чжао, и Чжао окажется в положении, грозящем гибелью, но со стороны Чу помощи ему не будет. Тогда [Чжао] непременно объединится с Вэй, чтобы строить козни против Чу. Поэтому тебе, ван, лучше всего оказать помощь [царству] Чжао, но малыми силами. Чжао, понадеявшись на крепость Чу, станет сражаться с Вэй, а Вэй, разозленное стойкостью Чжао и видя, что чуская помощь недостаточна, чтобы ее бояться, не оставит в покое Чжао. Если Чжао и Вэй обессилят друг друга, а Ци и Цинь придут к соглашению с Чу, то [царству] Вэй можно будет нанести поражение». Тогда царство Чу послало Цзинь Шэ собирать войска на помощь Чжао.

Ханьдань пал, а Чу захватило [вэйские земли] между реками Суй и Вэй.

Цз. 5, стр. 34-б—37-б (IV, 4)

Чжуан Синь сказал чускому [Цин]сян-вану: «Слева от тебя Чжоу-хоу, справа от тебя — Ся-хоу, во время выездов тебя сопровождают Яньлин-цзюнь и Шоулин-цзюнь. [Эти четверо] сосредоточили в своих руках [всю власть], предались разврату, погрязли в излишествах и не обращают внимание на государственные дела. Столица [царства] город Ин непременно окажется в опасности!». Сян-ван сказал: «Не помрачился ли твой разум от старости, учитель? Уж не собрался ли ты смутить [жителей] царства Чу своими предсказаниями?». Чжуан Синь сказал: «Я действительно вижу, что все так и будет, но никогда не посмею смущать [жителей] царства Чу предсказаниями. Если ты, государь, не отстранишь четырех своих фаворитов, то царство Чу погибнет. Я прошу дозволения удалиться в Чжао и, оставаясь там, следить [за развитием событий]».

Чжуан Синь уехал в Чжао и пробыл там пять месяцев. Цинь [тем временем] действительно захватило Янь, Ин, У, Шанцай и Чэнь⁴⁴. Сян-ван бежал и заперся в

⁴⁴ По-видимому, имеется в виду один из походов циньского полководца Бо Ци (279 или 278 г. до н. э.). Результаты их чрезвычайно гиперболизированы.

Чэньяне⁴⁵. Тогда послали гонца с конным эскортом, для того чтобы вызвать Чжуан Синя из Чжао. Чжуан Синь сказал: «Согласен». Когда Чжуан Синь прибыл, Сян-ван сказал ему: «Я не сумел воспользоваться твоими словами, учитель, и вот до чего дошло расстройство в делах. Что делать?».

Чжуан Синь ответил ему: «Я слышал, как в народе говорят: “Когда увидел зайца, еще не поздно обернуться [с приказаниями] к своей собаке. Когда пропала овца, вовсе не поздно починить загон”. Я слышал, что в древности Тан и У возвысились [на землях] в сотню ли, а Цзе и Чжоу⁴⁶ погибли, [владея] Поднебесной. Ныне, хотя царство Чу и невелико, но если покрыть утраты в одном месте избытками в другом, то разве только сотня ли [земли] у тебя наберется, а не несколько тысяч? Не видал ты разве стрекозы? Шесть ног у нее и четыре крыла; летает она между небом и землей, опускает клюв и хватает комаров да мух, поднимает его и пьет росу; считает, что нет у нее забот, что с людьми она не спорит. Не ведает о том, что мальчишка в пять чи ростом уже готовит нить, вымазанную клеем. Он подбросит ее на высоту в четыре жэня⁴⁷ и собьет [стрекозу], чтобы бросить ее на корм муравьям. Эта стрекоза так мала. Желтая птичка следует тем же [путем]. Наклоняя голову, клюет зернышки, ищет приюта в древесной чаще, машет и хлопает крыльями; считает, что нет у нее забот, что с людьми она не спорит. Не ведает о том, что люди, принадлежащие к дому вана, уже держат в левой руке арбалет, а в правой — ядра для него. Подстрелив ее на высоте в десять жэней, они обратят ее в приманку для ей подобных. Днем она резвилась в древесной чаще, а вечером, приготовленная в рассоле, в один миг исчезла в руках родичей вана. Эта желтая птичка так мала. Лебедь следует тем же путем. Он плавает по рекам и морям, покоится на глади больших озер, опуская голову, хватая карпов и угрей, поднимая ее, клюет водяные

⁴⁵ На территории современного уезда Сисянь провинции Хэнань.

⁴⁶ Тан и У — основатели династий Шан и Чжоу. Цзе и Чжоу — правители, с именами которых традиция связывает гибель династии Ся и Шан.

⁴⁷ Древняя мера длины, равная примерно 15 м.

растения; взмахивая крыльями, взлетает вслед свежему ветру и, подхваченный его порывом, устремляется ввысь; считает, что нет у него забот, что с людьми он не спорит. Не ведает он, что стрелок уже приготовил свои тростниковые стрелы и черный лук, снарядил свою привязную стрелу. На высоте в сотню жней его ударит кремневый наконечник стрелы, его потянет тонкий шнур, вырвет из потока свежего ветра и сбросит вниз. По этой причине днем он плавает по рекам, а вечером оказывается в котле. Этот лебедь так мал, но с Шэн-хоу из владения Цай⁴⁸ случилось то же. Он ездил на юг к высокому холмам, на севере взбирался на гору Ушань, поил коней на реке Жуси, ел рыбу, пойманную в волнах реки Сян, в обществе юных наложниц и фавориток катался на лошадях в Гаоцае, но не занимался делами своего владения. Не знал он, что Цзы-фа получил от Сюаньвана приказ связать его красным шнуром и доставить в [Чу]. Дела цайского Шэн-хоу ничтожны, но твои, государь, таковы же. Слева от тебя Чжоу-хоу, справа от тебя Ся-хоу, во время выездов тебя сопровождают Янлин-цзюнь и Шоулин-цзюнь. Они поедают зерно, данное им в качестве жалованья, и нагружают золото, взятое из Квадратных палат (Фан фу)⁴⁹. Ты катаешься с ними на лошадях в Юньмэне, но не обращаешь внимания на положение дел в Поднебесной. Не знаешь ты, что Жанхоу как раз получил от циньского вана приказ закрыть заставу Миньсай, а тебя выгнать за заставу Миньсай».

Когда Сян-ван услышал это, лицо его изменилось, а сам он задрожал от страха. Тогда дал он [Чжуан Синю]

⁴⁸ Имя цайского правителя искажено. Как предполагают комментаторы, речь идет о Лин-хоу. В «Цзо-чжуане» под 11-м годом луского Чжао-гуна (531 г. до н. э.) имеется следующая запись: «Чуский государь, будучи в Шэнь, пригласил цайского Лин-хоу... Чуский государь, устроив с помощью латников засаду в Шэнь, стал угощать цайского хоу. Когда тот напился, его схватили» (стр. 631). По-видимому, именно эти события имел в виду автор повествования.

⁴⁹ Как полагают У Ши-дао, этому казнохранилищу дали такое название потому, что в нем держали золото, собранное «со всех четырех сторон». Однако более обоснованным представляется толкование Екота Икё, который связывал происхождение названия с формой строений казнохранилища.

титул Держащего нефритовый скипетр и сделал его владельцем Янлина, пожаловал ему земли к северу от реки Хуай.

Цз. 5, стр. 43-а—44-а (IV, 10)

[Царства] Поднебесной объединились в союз по вертикали⁵⁰. Чжао послало Вэй Цзя повидать чуского сяна Чуньшэнь-цзюня. [Гость спросил: «О господин, есть ли у тебя полководец?». Тот ответил: «Есть. Я прочу в полководцы Линьбу-цзюня»⁵¹. Вэй Цзя сказал: «В юности я любил стрелять из лука. Я хочу [среди историй] о стрельбе из лука найти параллель [к нашей беседе]. Дозволишь ли?». Чуньшэнь-цзюнь разрешил. Цзя сказал: «Однажды сидели под высокой башней Гэн-лэй с вэйским ваном. Посмотрели они вверх и увидели пролетающих птиц. Гэн-лэй обратился к вэйскому вану: “Для тебя, ван, я натяну лук и, сделав ложный выстрел, собью птицу”. Вэйский ван сказал: “Если так, то как может быть выстрел столь [необычен]?”. Гэн-лэй сказал: “Может”. Прошло немного времени, и с востока появился летящий гусь. Гэн-лэй, сделав ложный выстрел, сбил его.

Вэйский ван сказал: “Если так, то как может быть выстрел столь [необычен]?”. Гэн-лэй ответил: “Этого гуся мучил скрытый недуг”. Ван спросил: “Учитель, как ты узнал об этом?”. Тот ответил: “Он летел медленно, а крики его были полны тоски. Он летел медленно, потому что страдал от недуга; крики его были полны тоски, потому что давно [он] отбился от стаи. По той причине, что недуг не оставлял его, а страх не покидал сердца, он, услышав звук спущенной тетивы, взмыл ввысь, но недуг заставил его рухнуть на землю”. Ведь Линьбу-цзюнь некогда был разбит царством Цинь, [страх перед Цинь, как скрытый недуг, не покидает его], он не сможет стать полководцем, способным дать отпор Цинь».

⁵⁰ Речь идет о военном союзе царств Чжао, Чу, Вэй, Янь и Хань, направленном против царства Цинь (241 г. до н. э.). Военные действия объединенной армии успеха не имели, и союз вскоре распался.

⁵¹ По-видимому, идентичен Линьбу-цзюню, фигурирующему в качестве собеседника в военных диалогах Сюнь-цзы.

ПЛАНЫ ЦАРСТВА ЧЖАО

Цз. 6, стр. 51-а—53-а (III, 1)

На 30-м году [правления] чжаоского Хуйвэнь-вана⁵² [циский] сян, владетель Дупина⁵³, Тянь Дань навестил Чжао Шэ⁵⁴ и сказал ему: «Я никогда не был недоброжелателем твоих законов войны, о полководец; я не могу примириться лишь с тем, что ты собираешь слишком многочисленные [армии]. Собирающий слишком многочисленные [армии] лишает народ возможности обрабатывать землю, и он оказывается не в состоянии снабжать государство зерном, выполнять гужевую повинность, выплачивать ссуды. Это значит стоять на пути к собственному крушению. Этого бы я не сделал. Я слышал, что войско, которое было у государей [прежних времен], не превышало тридцати тысяч [воинов], но Поднебесная покорялась им. А ты, полководец, непременно должен иметь в своем распоряжении армию в сто или двести тысяч [воинов] и лишь тогда принимаешься за дело. С этим я не могу примириться». Мафу-цзюнь сказал:

«Ты, господин, не только не постиг военного дела, но и не понял современной обстановки. Вот меч Гань [Цзяна] из царства У, испробуй его на мясе, он разрубит быка или лошадь, испробуй его на металле, он рассечет блюда и винные сулеи; однако если ударить им о столб, то он разломится на три [части], если ударить им по камню, то он разлетится на сто [частей]. Если теперь тридцатитысячная армия встанет против войск сильного государства, то произойдет то же, что и с мечом при сближении со столбом или при ударе по камню. Да к

⁵² То есть в 269 г. до н. э.

⁵³ Тянь Дань, изгнавший из царства Ци оккупационные войска царства Янь, получил в награду Аньпин, небольшое поселение близ столичного города Линьцзы. По словам У Ши-дао, в данном случае Дупин идентичен Аньпину.

⁵⁴ В 270 г. до н. э. Чжао Шэ, командовавший армией царства Чжао, разгромил циньскую армию в местности Яньюй, за что был награжден титулом Мафу-цзюня. Комментаторы по-разному толкуют содержание этого титула. По Чжан Шо-цзе, он происходит от названия пожалованной Чжао Шэ местности, расположенной близ чжаоской столицы. Согласно другому мнению, этот титул был номинальным и смысл его заключался в буквальном значении иероглифосочетания «мафу» — обуздывающий коней.

тому же меч Гань [Цзяна] из царства У редко встречается. Если основа [клинка] не будет толста, то острие не будет проникающим; если лезвие не будет тонким, то клинок не будет рубить. Пусть [у меча] есть эти два [качества], но нет достоинств, заключенных в кольце [на рукояти], в рукояти и в шнуре на ней; если взять в руки клинок и колоть, то он не будет проникать, а разрубит руку. Если у тебя, господин, нет армии в сто или двести тысяч [воинов], то будь ты подобен мечу с кольцом, рукоятью и шнуром на ней, но с армией только в тридцать тысяч [воинов] как сможешь ты [достигнуть успеха] в Поднебесной? К тому же в древности [земли] внутри четырех морей были поделены между десятью тысячами государств, даже в больших городах длина стен не превышала трехсот чжанов; даже там, где было много жителей, их число не превышало трех тысяч семейств. Если тогда собирали армию в тридцать тысяч [воинов], то разве трудно было дать им отпор? Ныне [та территория], где были десять тысяч государств, разделена между семью Сражающимися царствами. Даже когда могут располагать армией в несколько сот тысяч [воинов], попусту тратят годы, как это случилось с твоим, господин, царством Ци. Ци с двухсоттысячным войском атаковало [царство] Цзин⁵⁵, но [война] закончилась только через пять лет⁵⁶. Чжао с двухсоттысячным войском атаковало Чжуншань, но [войска] вернулись только через пять лет⁵⁷. Ныне Ци и Хань равны между собой [по силам], но при осаде столиц или во время штурма их разве осмелится кто-нибудь сказать: “Я спасу ее с тридцатью тысячами [воинов]?!”. Ныне города со стенами в тысячу чжанов, поселения с десятью тысячами семейств смотрят друг на друга⁵⁸. Если попытаться с тридцатитысячной

⁵⁵ То есть царство Чу.

⁵⁶ Трудно сказать, о какой из многочисленных чуско-циских войн идет речь.

⁵⁷ Царство Чжао с 300 по 296 г. до н. э. вело непрерывную войну против владения Чжуншань, закончившуюся полной аннексией последнего.

⁵⁸ Метафорическое выражение, обычное для позднечжоуских сочинений. Ср. в «Чжуан-цзы»: «Некогда в царстве Ци соседние поселения смотрели друг на друга, в каждом было слышно, как у соседей кричали петухи и лаяли собаки» («Трактат Чжуан-цзы с собранием комментариев» («Чжуан-цзы цзи-ши»), серия «Чжу цзы цзи чэн», цз. 10, стр. 155).

армией осадить город со стенами в тысячу чжанов, то [в осаде окажется] только один его угол, а для войны в полевых условиях [такая армия] непригодна. Где ты, господин, намерен применить эту [армию]?». Владелец Дупина, тяжело вздыхая, сказал: «Я не могу сравниться с тобой».

Цз. 6, стр. 80-б—81-а (IV, 13)

Гость-чужестранец, встретившись с чжаоским ваном, сказал: «Правду ли я слышал, что ты, ван, дал поручение своим людям, чтобы купили лошадей?». Ван сказал: «Действительно, дал». [Тот продолжал спрашивать]: «Почему же до сих пор никого не послали [за лошадьми]?». Ван сказал: «Не могу найти человека, знающего толк в лошадях». Тот в ответ: «Почему ты, ван, не пошлешь Цзяньсинь-цзюня?»⁵⁹. Ван сказал: «Цзяньсинь-цзюнь занят государственными делами, и к тому же он не разбирается в лошадях». — «Почему ты, ван, не пошлешь Цзи-цзи?». Ван сказал: «Цзи-цзи — замужняя женщина и не разбирается в лошадях». Тот в ответ спросил: «Если купленные лошади будут хороши, то укрепит ли это [положение] царства?». Ван сказал: «Царства это не укрепит». — «А если купленные лошади окажутся дурны, то представит ли это опасность для царства?». Ван сказал: «Никакой опасности для царства в этом нет». Тот в ответ сказал: «В таком случае, будь купленная лошадь хороша или плоха, это не принесет ни вреда, ни пользы царству. Однако ты, ван, [прежде чем] купить лошадь, хочешь непременно дожидаться сведущего человека. Ныне в управлении Поднебесной допущены ошибки, государство пришло в запустение, алтари земли и злаков не получают более [жертвенной] крови и пищи,

⁵⁹ О чжаоском сяне, носившем титул Цзяньсинь-цзюня, упоминают лишь «Планы Сражающихся царств». Имя его осталось неизвестным. В «Планах Сражающихся царств» сохранились многочисленные памфлеты его недоброжелателей. Эти полемические тексты дают Цзяньсинь-цзюню столь выразительную и многостороннюю отрицательную характеристику, что в реальности его существование вряд ли приходится сомневаться. Его деятельность в Чжао протекала, по-видимому, во второй половине III в. до н. э. В одном из текстов о нем говорится как о современнике Люй Бу-вэя, все- сильного циньского временщика, находившегося у власти в 250—237 гг. до н. э.

однако почему ты, ван, не дождался сведущего человека, а вручил царство Цзяньсинь-цзюню?». Чжаоский ван ничего ему не ответил. Гость-чужестранец сказал: «В законах Янь Го⁶⁰ упоминаются так называемые недуги шелковицы. Знаешь ли ты об этом, ван?». Ван сказал: «Не слышал об этом». — «Так называемые недуги шелковицы—это льстецы, приближенные из числа придворных, а также жены и юные любимцы. Все они могут воспользоваться твоим опьянением и добиться от тебя, чего им угодно. Таким образом, если они могут добиться своего внутри [дворца], то вне его сановники извращают законы. Поэтому у солнца и луны сияние разлито по внешней поверхности, однако погибель скрыта внутри их. Ты остерегаешься тех, кого не любишь, а беда таится среди любимцев».

ПЛАНЫ ЦАРСТВА ВЭЙ

Цз. 7, стр. 58-б—59-б (IV, 2)

На 8-м году [правления]⁶¹... некто обратился к вэйскому вану: «В древности [владение] Цао полагалось на

⁶⁰ По-видимому, переписчики ошибочно поменяли местами эти иероглифы и здесь следует читать Го Янь. Действительно, «законы Го Яня» известны в древнекитайской литературе (см.: «Вновь упорядоченные повествования», из. 9, стр. 142). Го Янь, или Бу Янь,— так именует его «Цзо чжуань», был сановником Вэнь-гуна, правителя царства Цзинь (636—628 гг. до н. э.) («Цзо чжуань», 5-й год Си-гуна, стр. 143; 14-й год Си-гуна, стр. 161; 32-й год Си-гуна, стр. 220).

⁶¹ Начало этого повествования напоминает традиционный летописный зачин. К сожалению, имя вэйского вана, на 8-м году правления которого было произнесено это обращение, утрачено. Судя по тому, что в тексте обращения упоминается чуский сановник Чуньшэнь-цзюнь, занимавший пост сяна в 262—238 гг. до н. э., дата должна относиться к годам правления вэйского Аньли-вана. Однако здесь возникает трудность, связанная с тем, что 8-й год его правления приходится лишь на 269 г. до н. э. По-видимому, прав был Бао Бяо, который считал, что в дате, начинающей данный текст, имеется пропуск и что первоначально она состояла из двух иероглифов: «ши ба» — восемнадцать. 18-й год правления Аньли-вана, или 259 г. до н. э., действительно кажется более гармонирующим с содержанием этого текста, ибо именно в первой половине 50-х годов до н. э. произошло укрепление союзных отношений между Вэй и Чу, завершившееся совместным выступлением на стороне Чжао в период осады циньцами Ханьдана (257 г. до н. э.).

поддержку [царства] Ци и с пренебрежением относилось к [царству] Цзинь, но вот Ци пошло войной против [владений] Ли и Цзюй, и цзиньцы погубили Цао⁶². Цзэн полагалось на поддержку Ци, непочтительно относилось к Юэ, но вот в Ци взбунтовался Хэ-цзы, и люди из Юэ погубили Цзэн⁶³. Чжэн полагалось на поддержку Вэй, с пренебрежением относилось к Хань, но вот [Вэй] напало на заставу Юйгуань, и дом Хань погубил Чжэн⁶⁴. Юань, полагаясь на поддержку циньского [племени] ди, с пренебрежением относилось к [царству] Цзинь, но вот у циньских ди случился большой неурожай и люди из Цзинь погубили Юань⁶⁵. Чжуншань, полагаясь на поддержку Ци и Вэй, с пренебрежением относилось к Чжао,

⁶² Очевидно, имеются в виду события 632 г. до н. э., когда цзиньский Вэнь-гун вторгся на территорию владения Цао и взял в плен его правителя. Здесь слово «погубили» выступает как синоним выражения «нанесли тяжелое поражение», ибо Цао в ходе этой войны не потеряло окончательно самостоятельность. Оно просуществовало до 487 г. до н. э., когда его территория целиком была аннексирована царством Сун.

⁶³ С точки зрения тех исторических сведений, которыми мы располагаем, в содержании этого примера много неясного и противоречивого. Действительно, согласно «Чуньцю», владение Цзэн было уничтожено «людьми из Цзюй» на 6-м году правления луского Сянгуна, т. е. в 567 г. до н. э. Единственное событие в истории Ци, которое может быть идентифицировано с «бунтом Хэ-цзы», — это окончательный переход всей власти в царстве Ци в руки представителя рода Тянь, именовавшегося Хэ-цзы, и пресечение правящего рода Люй (404—387 гг. до н. э.). Создается впечатление, что в данном случае автор текста произвольно соединил разновременные события и добавил к ним вымышленную версию об участии царства Юэ в уничтожении Цзэн.

⁶⁴ Застава Юйгуань, по-видимому, была расположена на границе царств Чжэн и Чу. Об этом свидетельствуют отмечаемые источниками частые переходы заставы от одного царства к другому. Так, к 399 г. до н. э. относится запись о том, что «[Чу] отдало Юйгуань [царству] Чжэн» (Сыма Цянь, Записи историографа, цз. 15, стр. 1096), а несколько лет спустя хронист вновь упоминает Юйгуань как чуское владение (там же, цз. 40, стр. 2522). Согласно «Истории» наследственного дома Чу», в IV в. до н. э. застава Юйгуань однажды была захвачена объединенной армией трех Цзинь, в состав которой входили и войска царства Вэй (391 г. до н. э.), однако аннексия земель царства Чжэн царством Хань произошла значительно позднее, в 375 г. до н. э. Возможно, что автор текста имел в виду события, сведения о которых не сохранились на страницах источников.

⁶⁵ Малое владение Юань было уничтожено царством Цзинь в VII в. до н. э.

но вот Ци и Вэй пошли войной на Чу, а Чжао покорило Чжуншань⁶⁶.

Причина гибели всех этих пяти владений в том, что они полагались [на чью-то поддержку]. Это случилось не только с пятью владениями, все погибшие владения Поднебесной проделали тот же путь. Ведь причины, превращающие государства в ненадежных союзников, весьма многочисленны, изменений в [обстановке] не счесть. На некоторые из них нельзя полагаться, потому что [дела] управления и просвещения [народа] пребывают там в беспорядке, верхи и низы лишены единодушия. На другие нельзя полагаться, потому что им грозит опасность со стороны других правителей и соседних государств. На третьи нельзя полагаться, потому что [там] случился неурожай и истощились запасы провианта. Некоторые изменчивы, следуя за выгодой, или же живут рядом с бедой, откуда я установил, что на эти царства не следует полагаться. Ныне ты, ван, полагаешься на силу [царства] Чу и веришь речам Чуньшэнь-цзюня, а поэтому прямо [противопоставил] себя Цинь и давно не можешь узнать, не изменил ли Чуньшэнь-цзюнь [свою позицию]; в этом случае лишь на тебя одного, ван, обрушится циньская опасность. Ты, ван, владеешь царством с десятью тысячами колесниц, а руководишься волей одного человека, мне [это положение] кажется не совсем [безопасным]. Я хочу, чтобы ты, ван, тщательно это обдумал».

ПЛАНЫ ЦАРСТВА ХАНЬ

Цз. 8, стр. 10-а—11-а (I, 17)

Цинь и Хань сражались в Чжоцзэ⁶⁷, дом Хань попал в крайне стесненное положение. Гунчжун Мин сказал ханьскому вану: «На союзные царства невозможно

⁶⁶ Имеются в виду события конца IV — начала III в. до н. э. В 303—301 гг. до н. э. объединенные силы царств Ци, Вэй и Хань несколько раз нападали на чуские земли, а царство Чжао с 300 по 296 г. до н. э. в течение пяти лет вело непрерывную войну против владения Чжуншань, закончившуюся полной его аннексией.

⁶⁷ В составленной Сыма Цянем «Истории» наследственного дома Хань этот текст помещен под 317 г. до н. э. Комментараторы

положиться. Ныне в сердце Цинь зародилось желание идти войной против Чу. Тебе, ван, лучше всего добиваться через Чжан И мира с Цинь; подарить ему какой-нибудь прославленный город и совместно с ним пойти войной против Чу, это — план, с помощью которого можно получить двойную прибыль». Ханьский ван сказал: «Хорошо». Тогда сделали так, как советовал Гунчжун, и приготовились начать переговоры на западе с [царст-

«Записей историографа» единодушно считают версию о столкновении между Цинь и Хань в Чжоцзе недостоверной. Сопоставление синхронных записей в «Погодовой таблице шести царств» и в «[Историях] наследственных домов» Чжао, Вэй и Ци указывает на справедливость этого утверждения:

«Погодовая таблица
шести царств»

«[Истории] наследственных
домов»

Цинь «Воевали с Хань и Чжао, отрубили восемьдесят тысяч голов» (цз. 15, стр. 1130—1131)

Хань «Цинь нанесло нам поражение в Сююй, захватило полководца Шэнь-ча» (цз. 15, стр. 1130—1131)

Чжао «Вместе с Хань и Вэй напали на Цинь. Ци нанесло нам поражение в Гуаньцзе» (цз. 15, стр. 1130—1131)

Вэй «Ци нанесло нам поражение в Гуаньцзе» (цз. 15, стр. 1130—1131)

Ци «Нанесли поражение Вэй и Чжао в Гуаньцзе» (цз. 15, стр. 1130—1131)

«Цинь нанесло нам поражение в Сююй, захватило в плен ханьского полководца Соу Шэнь-ча в Чжоцзе» (цз. 45, стр. 2782)

«Вместе с Хань и Вэй напали на Цинь, Цинь нанесло нам поражение, отрубило восемьдесят тысяч голов. Ци нанесло нам поражение в Гуаньцзе» (цз. 43, стр. 2671)

«Вместе с Сун атаковали Вэй, нанесли ему поражение в Гуаньцзе» (цз. 46, стр. 2829)

Действительно, в 317 г. до н. э. Цинь нанесло поражение объединенной армии царств Чжао, Вэй и Хань в Сююй. В тот же год вэйцы и чжаосцы были разбиты цисцами в Гуаньцзе. Автор текста о замыслах Гучжун Мина и Чэнь Чжэня, по-видимому, объединил сведения об этих двух событиях, а в процессе последующей передачи данного текста Гуаньцзе превратился в Чжоцзе. Дальнейшая судьба этой ошибки представляется в следующем виде: при составлении «[Истории] наследственного дома Хань» на основании летописных данных и материалов, вошедших впоследствии в «Планы Сражающихся царств», Сыма Цянь оказался в плену у последнего источника и рядом с действительно имевшим место сражением близи Сююй упомянул вымышленную битву в Чжоцзе.

вом] Цинь. Чуский ван, услышав об этом, весьма испугался. Он позвал Чэнь Чжэня и сообщил ему [о планах Хань]. Чэнь Чжэнь сказал: «Цинь давно собирается пойти на нас войной. Если теперь оно получит от Хань прославленный город и [выставляемое им] военное снаряжение, объединенная циньско-ханьская армия вторгнется в южные области⁶⁸, то исполнится все, о чем в Цинь молили в храмах. Если нынче [Цинь] получит это, то царству Чу не миновать вторжения [циньских войск]. Ты, ван, послушайся моего совета: объяви тревогу [среди жителей] внутри четырех пределов [страны], отбери войска под предлогом помощи Хань, прикажи боевым колесницам заполнить дороги, пошли гонцов, увеличь число предназначенных для них повозок, дай им побольше денег; заставь [царство Хань] поверить в то, что ты поможешь ему. Если Хань не сможет подчиниться нам, оно непременно отнесется к тебе с уважением и перестанет следовать за Цинь, значит, между Цинь и Хань не будет союза. Пусть даже войска и вторгнутся, но Чу не потерпит большого ущерба. Если же [Хань] сможет, послушав [наших советов], порвать с Цинь, то Цинь будет сильно разгневано, обратит против Хань свою глубокую ненависть; Хань, получив поддержку от Чу, с презрением отнесется к Цинь, станет противоборствовать Цинь, забыв о всякой осторожности. Так мы утомим войска Цинь и Хань и избавим Чу от забот». Чуский ван весьма обрадовался. Вскоре объявил тревогу [среди жителей] внутри четырех пределов [страны], отобрал войска под предлогом помощи Хань, которые смогли бы помочь [царству] Хань, разослал гонцов, увеличил число предназначенных для них повозок, дал им много денег, [велел] сказать ханьскому вану: «Хоть моя страна и невелика, в ней уже привели в боевую готовность все войска. Пусть твое царство по собственному соизволению решает, как ему относиться к Цинь, но я готов пожертвовать [царством] Чу ради Хань».

Ханьский ван весьма обрадовался. Тогда он задержал Гунчжуна. Гунчжун сказал: «Не следует [делать этого]. Ведь Цинь уведомляет нас о действительных [намерениях], а Чу предлагает ложную помощь. Если искать опору в чуском обмане и с легкостью порвать с мощным

⁶⁸ То есть в земли царства Чу.

царством Цинь, являющимся нашим врагом, то это будет осмеяно Поднебесной. К тому же Чу и Хань не связаны братскими узами и не входят в союз, замышляющий войну против Цинь. Цинь хочет напасть на Чу, а Чу привело в боевую готовность войска под предлогом помощи Хань. Это непременно замысел Чэнь Чжэня Ты, ван, пошли гонца с докладом в Цинь. Ведь если не делаешь этого, то обманешь Цинь. Если ты будешь пренебрегать сильным Цинь и начнешь верить чуским советникам, то тебя постигнет раскаяние». Ханьский ван не послушал его и вскоре порвал отношения с Цинь. Цинь действительно весьма разгневалось, двинуло войска и вступило в битву с домом Хань в Аньмэне. Чуская помощь не подоспела, а дом Хань потерпел большое поражение. Войско дома Хань не было ни малочисленным, ни слабым, а народ его не был ни тупым, ни невежественным. Но [ханьское] войско стало добычей [царства] Цинь, а [ханьские] умники стали посмешищем для [царства] Чу. Ошибка [ханьского вана] заключалась в том, что он послушал Чэнь Чжэня и отбросил план, предложенный Хань Мингом.

ПЛАНЫ ЦАРСТВА ЯНЬ

Цз. 9, стр. 33-6 (II, 12)

Чжао готовилось выступить в поход против Янь. Су Дай, действуя в интересах [царства Янь, обратился к [чжаоскому] Хуй[вэнь]-вану: «Когда я нынче переезжал через реку И, случилось так, что зной заставил устрицу немного высунуться, а птица-рыболов стала ее клевать. Устрица соединила [створки раковины] и защемила ей клюв. Птица-рыболов сказала: “Если сегодня не будет дождя и завтра не будет дождя, то ты умрешь”. Устрица сказала птице: “Если сегодня я тебя не отпущу и завтра не отпущу, то ты умрешь”. Каждая не соглашалась отпустить другую, и рыбаку удалось схватить обеих.

Ныне Чжао готовится напасть на Янь. Янь и Чжао будут втянуты в долгую междоусобицу, которая изнурит их народы. Я боюсь, что мощное Цинь выступит в роли рыбака, поэтому хочу, чтобы ты, ван, тщательно это обдумал». Хуй[вэнь]-ван сказал: «Хорошо». Тогда [в Чжао] прекратили [приготовления к походу].

УКАЗАТЕЛЬ

древних и средневековых имен, специальных терминов,
географических и этнических названий

- Айлин 艾陵 203
Аньи 安邑 143, 144, 172, 197, 206
Аньли-ван (вэйский) 安釐王 25, 177, 225
Аньлин 安陵 158, 159, 177, 178
Аньлин-цзюнь 安陵君 29, 158, 177, 178
Аньмэнь 岸門 29, 30
Аньлин-цзюнь 安平君 (см. Тянь Дань)
ба 霸 203
Ба Нин 巴寧 182
Бань Бяо 班彪 33, 43
Бань Гу 班固 33-36, 38, 39, 43, 81, 82, 105, 106
Бао Бяо 鮑彪 II, 40, 133, 171, 199, 205, 210
Бао Сы 竇如 47
Бао Дань 暴鸞 93
би 鄙 165
Би гэ 秘閣 10
Би Чэнь 裨諶 77
Би ши 秘室 8
Бишуй 泚水 93
Бо 博 131

Бо 博 179
Бо И 伯夷 150
Бо Фэнь 伯賁 84
Бо Ци 白起 (Янь-цзынь) 91, 100, 145, 218
Бочан 博昌 130
Бэйди 北地 127
Бянь Тун 邊通 52

вай ши 外史 67
Ван И 王翳 24
Ван Инь-чжи 王引之 80
Ван Лин 王陵 199, 201
Ван Сунь-ци 王孫啓 83
Ван Цзюэ 王覺 II
Ван Цзянь 王翦 184
Ван Чи 王翳 201
Ван Дянь-сунь 汪遠孫 80
Вэй 魏 5, 50, 55, 56, 60, 61, 92, 93, 113, 125, 128, 134,
135, 138-140, 144, 163, 166, 177, 182, 183, 189,
198, 202, 206, 208, 209, 216, 218, 226, 227
Вэй 衛 II, 20, 208, 216
Вэй 濊 218
вэй 斜 17, 177, 180
Вэй-ван (циский) 威王 97, 98
Вэй Хань 魏冉 Хан-хоу 17, 49, 50, 170
Вэй Ху-и 衛胡易 143
Вэй Хун 衛宏 89
Вэй-цзи 衛姬 98
Вэй Цзэй 魏駒 63
Вэй Цзя 魏加 221
Вэй Чжао 韋昭 80
Вэй Чу 魏處 49
Вэй Ян 衛鞅 (Шан-цзынь, Шан Ян) 18, 19, 128-130, 181,
188, 189
Вэнь 溫 185

Вэнь-ван (чжоуский) 文王 53, 57
 Вэнь-гун (яньский) 文公 49, 50
 Вэнь-гун (цзиньский) 文公 226
 Вэнь-хоу (зайский) 文侯 31, 32, 63, 98, 99

Ганпин 剛平 208
 Ганчэн-цзюнь 剛成君 102
 Гань 甘 22
 Гань Ло 甘羅 184, 185
 Гань Моу 甘茂 184
 Гань Цзян 干將 207, 222, 223
 Ганьцзянь 甘泉 127
 Гаоцай 高蔡 220
 Гао Д 高誘 9, 47, 48
 Го Хэнь 郭任 49
 Го Кай 郭開 95
 Гоу-у 句吳 75
 Гоу-цзянь 句踐 201, 203
 Го-цзы 國子 205
 Гуай-цзы 喻子 49
 Гуан нэй 廣內 8
 Гуань 管 177
 Гуань Цянь 管淺 126
 Гуань Чжун 管仲 80
 гу бэнь 古本 9
 Гуйлин 桂陵 217
 Гуми 姑密 136
 Гун 共 155
 гун 公 168
 Гунсунь Лун 公孫龍 143, 151
 Гунсунь Ман 公孫芒 188
 Гунсунь Си 公孫喜 93
 Гунсунь Хань 公孫閑 205
 Гунсунь Хуй 公孫揮 77

Гунсунь Цзи-гун 公孫季功 19
 Гунцзы Та 公子他 22, 28
 Гунцзы У-цзи 公子無忌 206
 Гунчжун Мин 公仲明 227, 229
 Гуншу 公叔 28
 Гуншу Цзо 公叔痤 181, 182
 гу ши 瞽史 79
 гэнъчжэнь-чжи ши 耕戰之士 188
 Гэн Янь-си 耿延禧 II

Дай 代 190
 Далян 大梁 133, 185
 Даньян 丹陽 90
 Дао-цзы 悼子 46
 дао цзя 道家 106
 да сыма 大司馬 117
 да ши 大史 67
 Да у 大受 103
 ди цзэ 53, 226
 дин 鼎 193
 Диньян 定陽 134
 доу 斗 17, 180
 Дуаньгань-цзы 段干子 (см. Дуаньгань Чун)
 Дуаньгань Чун 段干崇 25, 26
 дуань-чан 短長 52
 Ду Бо 杜伯 73
 Дун 董 67
 Дунся 東夏 83
 Дун Цзэн-лин 董增齡 80
 Дун Чжоу 東周 II, 51, 193
 Дун Шэн 董生 (Дун Чжун-шу) 13
 Дунье 東野 206
 Дуньян 東陽 206
 Дунь Хо 頓弱 II2-II4

Ду Д 杜佑 68
Дэн Дун 91, 140
Дянь Дун 67
Дяонь Дун 59

Етин 葉庭 194

Кан-хоу 糠侯 (см. Вэй Кань)
Каоцзюэ 纒角 83
кун 戎 127
Кун Фэн 榮夔 152, 158
Куси 茹葵 220
Куцзы-ци 孺子疾 68
ку цзя 儒家 106
Ку Шунь 如淳 8
кэнь 仞 219, 220
кэньчэнь 人臣 174, 175

И 夷 91

И 義 161

И 邑 165

И 鎡 58

Ии 鄂 91, 145, 199, 210, 218

Ии 贏 181

Ии-хоу 應侯 (см. Фань Сунь)

Иньян 榮陽 23

Инь До 尹鐸 167

Иньчэнь 陰咸 136

инь ян цзя 陰陽家 42, 106

Ицзе 伊闕 51, 55, 185, 199

Ицрой 伊渠 127

Иши 伊是 206

Ишуй 伊水 230

Иян 宜陽 50, 101, 208, 204

Куай 滄 181
Куай Тун 蒯通 84, 89, 41-48
Кун-цзы 孔子 69, 74, 106

Лай 萊 210
Ланьтянь 藍田 90, 140
Ляо Ай 嫪毐 102, 113, 171
Ляо-цзы 老子 42, 182
Ле-хоу (чжаоский) 烈侯 183
Ли 釐 226
Ли 黎 142
Ли Дуй 李兌 (Фэнъян-цзынь) 50, 55, 185, 186, 189, 189
Ли Му 李牧 94, 158
Ли-хоу (цайский) 靈侯 220
Линьинь 令尹 175
Линь-цзынь 臨武君 221
Линь 蘭 142, 143
Линьцзинь 臨晉 154
Линьцзи 臨淄 52, 22
Ли Сян 李向 49
Ли Фу 栗腹 146
Ли Вань 李善 7, 13
Лиши 離石 142, 145
Ли Вань 李園 102
Лоу Хуань 樓緩 92, 94
лоуфань 樓煩 211
Лосуй 洛水 127
Лу 魯 74, 100, 101, 216
лу 祿 169
Луань Шу 樂書 83
Лун 隴 40
Лунси 隴西 127
Лун Цзя 龍賈 59
Лу Цзянь-цзи 盧見曾 II
Лу Чжун-лян 魯仲連 64

- Лю Ань 劉安 58
 Лю Бо 六博 179
 Люй Лю 呂 188
 Люй Бу-вэй 呂不韋 102
 Люй Цэу-цянь 呂祖謙 54 x
 Лю Се 劉總 46
 Лю Синь 劉歆 38, 74, 81
 Лю Сян 劉向 7-9, II, 20, 2I, 33, 34, 36, 40, 4I, 45, 48,
 5I, 62, 104, 163
 Люнь Ло 廉頗 143
 люнь-хэи 連衡 106
 Люн Дэ-вэй 梁玉繩 59, 101
 Люо Цяо 柳條 159
 Люочэи 聊城 20, 2I, 146, 147
- Ма Го-хань 馬國翰 105
 Ма Дуань-линь 馬端臨 39
 Малин 馬陵 12I, 124, 125
 Ман Мао 芒卯 25
 мань Фань 75
 Мао-гун дин 毛公鼎 76
 Мафу-цзянь 馬服君 (см. Чжао Ма)
 мин цзя 名家 106
 Минь-ван (циский) 閔王 55, 97, 130, 181, 160, 207
 Миньсай 閔塞 220
 Мо Е 莫邪 207
 Мо-цзы 墨子 72, 89
 Мо цзя 墨家 106
 Монцзинь 孟津 134
 Мон-цзы 孟子 42
 Мончан-цзинь 孟嘗君 (Тянь Вэнь, Се-гун), 16, 28, 764, 76,
 97, 137, 140, 14I, 170, 176
 Миньчи 澠池 68, 101
 Мло Го 84

Нань-ван (чжоуский) 赧王 127

Наньян 南陽 126

Нас Чн 淖齒 130, 131

Нин Хун-цзы 寤惠子 46

Нин Чн 寤殖 46

ну 奴 191

нэй ши 内史 67, 180

Ноху 牛狐 142

Ню Цзань 牛贊 189, 191

оуэ 甌越 108

Пан Свань 龐緩 105

Пин-ван (чжоуский) 平王 67

Пиньвань-цзынь 平原君 14, 151, 174

Пиньян 平陽 172

Пини 皮氏 125, 126

пу 僕 175

Пубань 蒲坂 172

Пэй Инь 裴駟 47

Пэнчэн 彭城 83

пянь 篇 8

Саньго 三國 9

Саньчуань 三川 204

Се 歎 156

Се 薛 97, 98, 136, 170

Се-гун 薛公 (Тянь Ин, Цзинго-цзынь), 49, 97, 98, 121, 170

Се гун 薛公 (Сн. Мэнчан-цзынь, Тянь Вэнь)

Си-ван (яньский) 喜王 90

Си-гун 析公 83

Силли 西陵 91

Син 邢 83

Синхэнь-чи гуань 行人之官 106

- Синьань 涇山 50, 92, 125, 126, 195
 Синь 心 156
 Синьлин-цзюнь 信陵君 151, 177, 178
 Синьчэн 新城 172, 173
 Синь-в 辛有 67
 Си У 犀武 51, 185
 Сихэ 西河 216
 Си Чжоу 西周 II
 Си хоу 犀首 59
 Су Гао 螭高 177, 178
 Су Дай 蘇代 25, 27, 137, 196, 230
 Сун 宋 50, 94, 135, 136, 138, 139, 168, 204, 205
 Сунбо 松栢 155
 Сун Сян 宋庠 80
 Сунь Бо-янь 孫伯靈 67
 Сунь Линь-фу 孫林父 46
 Сунь Чэн 孫臣 25
 Сунь Дани-чжун 孫元忠 II
 Су-хоу (чжаоский) 蕭侯 55
 Су-цзы 蘇子 174
 Су Цинь 蘇秦 14, 15, 36, 41, 42, 54, 55, 57, 60, 105,
 119, 142, 207
 Си 司 172
 Сикун Ма 司空馬 158
 Сима 司馬 II7
 Сима Гуан 司馬光 54
 Сима Тань 司馬談 106
 Сима Цянь 司馬前 158
 Сима Цянь 司馬遷 5, 12, 14, 16, 20, 21, 24, 27, 33, 37,
 41, 43, 44, 50, 57, 74, 76, 81, 82, 89, 90, 94, 95, 97,
 100, 127, 138
 Сима Чжэн 司馬貞 34, 35, 39, 41, 52, 63
 Сима Шао 司馬尚 95
 Сюань-ван (циский) 宣王 98
 Сюань-ван (чжоуский) 宣王 72

- Сянь-ван (чуский) 宣王 80
 Сянь-тайхоу 宣太后 127
 Сяйчжоу 徐州 50, 122
 Сянь-цзы 荀子 42, 62, 221
 Ся-ван 夏王 182
 Сян 湘 220
 сяе 相 17, 55, 92, 94, 102
 Сян-ван (вэйский) 襄王 178
 Сян-ван (чжоуский) 襄王 75
 Сян-ван (чуский) 襄王 115, 218, 220
 Сян Лян 项梁 157
 Сян-цзы (чжаоский) 襄子 190
 Сян Цзи 项籍 157
 сянь 縣 80, 165
 Сянь-гуи (цзиньский) 獻公 84
 Сян Ди 项羽 156, 157
 Сяозянь-ван (цзиньский) 孝文王 102, 187
 Сяо-гуи (цзиньский) 孝公 18, 128, 129, 181, 182
 Сяочэн-ван (чжаоский) 孝成王 22
 Сяошань 峯山 40
 Ся У-цзы 夏無且 18
 Ся-хоу 夏侯 218, 220
 Ся чэ 夏車 132
- Тайбо 太伯 85
 тай гуи 太公 57
 Тайхан 太行 16, 23, 61, 148
 тай ши 太史 87
 тай ши гуи 太史公 14
 Тан 唐 49
 Тан Ме 唐蔑 93
 Тан Мин 唐明 92
 Тан Мэй 唐昧 98
 Тан Суй 唐睢 158, 159, 197, 198

Тео 陶 188, 179
Тун 通 141
Тянь 田 156, 157, 226
Тянь Ань 田安 157
Тянь Вэнь 田文 (см. Мэнчан-цэнь)
Тянь Дэнь 田儋 156, 157
Тянь Дэнь 田單 (Аньши-цэнь) 21, 146, 152, 158, 222
Тянь Ду 田都 157
Тянь Хун 田榮 156, 157
Тянь Ин 田嬰 (см. Се-гун)
Тянь Лу гэ 天祿閣 8
Тянь Цэи 田忌 205
Тянь Цэюэ 田角 156, 157
Тянь Цэя 田假 156, 157
Тянь Чжай 田宅 167
Тянь Ши 田市 157
Тянь-шэи Мин-дао бэнь · 天聖明道本 80

У 吳 159, 201, 203
У 郡 142
У 巫 145, 218
Уань 武安 197, 198
Уань-цзы Ци 武安子起 59
Уань-цэнь 武安君 (см. Бо Ци)
У-ван 武王 53
У-гуань 武關 154
У да фу 五大夫 177, 199
У-ди 武帝 87
У Ху-лунь 吳汝綸 14, 15, 18
Улинь-ван (чжаоский) 武靈王 15, 16, 42, 64, 98, 94, 108
У Ци 吳起 169, 182
Учэи 武城 176
Ушань 巫山 220
У Ши-дао 吳師道 11, 60, 182, 183; 210, 215

- фан Бао 方苞 12, 18, 14
 фанчэнь 方城 98
 фань 范 188
 фань Суй 范雎 (Ии-хоу) 14-18, 64, 179
 фаньлу 番禺 101
 фа чан 法家 106
 фу Цань 服虔 52, 54
 фу-ча 夫差 201, 203, 210
 фан и 封邑 166
 фан Тин 冯亭 28
 фан Хоу-хоу 逢侯丑 91
 фэнцэо 逢泽 181, 182, 183, 184, 185
 фэн цэнь 封君 169
 фэн Цэнь-цэн 冯谖子 77
 фэнъяк-цэнь 奉陽君 (см. Ли Дуи)
 фэнъянь 汾陰 125
 фэн-хуан 賁皇 84
- Хань 韓 5, 11, 28, 29, 50, 55, 60, 61, 118, 187-141, 168,
 181, 201, 207, 208, 228, 226, 227, 229, 280
 Хань 漢 58, 160, 114
 Ханьгу 函谷 22, 40
 Хань Гуи 韓傀 159
 Ханьдань 邯鄲 50, 101, 182, 184, 151, 201, 205, 208, 216,
 217
 Хань Мин 韓明 61, 280
 Хань Минь 韓珉 187
 Хань Сун 韓徐 187
 Хань Фэй-цэн 韓非子 184
 Хань Чан 韓倉 158
 Хань Цэнь-цэн 寒泉子 59
 Ханьчжун 漢中 91, 140
 Гао 高 78
 Гаога 蒿葛 186

хоу 侯 168
 ху 胡 147, 149, 191
 ху 戶 166
 Хуайбэй 淮北 171, 178
 Хуай-ван (чуский) 懷王 61, 90, 98, 116, 141, 178
 Хуан Мо 黃模 80
 Хуан Пи-ле 黃丕烈 II, 80, 199
 Хуан Се 黃歇 (Чуншэнь-цзэнь) 102, 171, 178
 Хуанцзи 黃棘 204
 Хуанчи 黃池 208
 Хуанчэн 黃城 208
 Хуань 桓 211
 Хуань-гун (циский) 桓公 58
 Хуань-гун (чжэнский) 桓公 87
 Хуань И 桓欒 95
 Хуань-хоу 桓侯 99
 Хуаян 華陽 25, 27, 179
 Хуй-ван (зэйский) 惠王 28, 182, 184
 Хуйзэнь-ван (цинский) 惠文王 50, 170
 Хуйзэнь-ван (чаоский) 惠文王 144, 222, 280
 Хуйзэнь-цзэнь 惠文君 128
 Хуйтай 暉臺 194
 Хуйцзи 會稽 208
 Хуй Ши 惠施 124, 125
 Хэвай 河外 101
 Хэлюй 閼闔 215, 159
 хэн 橫 48, 52, 58
 Хэси 恆思 178
 хэ-цзун 合縱 47
 Хэ-цзи 和子 226
 Хэцзянь 河間 101
 Хэян 河陽 186
 Цай 蔡 220

- Цай Цэо 蔡洋 14, 17, 18, 102
 Цай Нэн-цэн 蔡聲子 82, 84
 Цао 曹 225, 226
 цае ми 雜史 59
 Цэо 策 219
 цэе 皆 204
 Цэн 汲 62
 Цэн 濟 204
 Цэн 幾 148, 145
 цэн 記 73
 цэн 籍 67
 Цэишо 卽墨 146, 154
 Цэни 荆 228
 Цэни-ван (чжоуский) 景王 67
 Цэниго-цэнь 靖郭君 (см. Се-гун)
 Цэни Ли 景鯉 116, 117
 Цэни Цуй 景翠 115
 Цэни Не 景舍 217, 218
 Цэниэян-цэнь 涇陽君 93
 Цэнь 晉 61, 186, 167, 196
 цэнь 斤 57
 цэнь 金 185, 186
 Цэнь Би 晉鄙 206
 цэнь вэнь цзя 今文家 70
 Цэньлинь 竟陵 199
 Цэнь Шоу 金受 94
 Цэньлинь 晉陽 206
 Цэнь Чжун 靳黈 23
 Цэни Ян 景陽 118, 119
 Цэн цу 棘蒲 208
 Цэн сянь 集賢 10
 Цэо Цю-мин 左丘明 74, 75, 81
 Цэоу Янь 鄒衍 42
 цэун 縱 47, 52, 56

- цзун-хэн цзя 縱橫家 34, 39, 4I, 104-106
 цзы 子 39
 Цзы-даку 子大叔 77
 Цзы-лин 子靈 83, 84
 Цзы-лян 子良 115-117
 Цзы-ся 子夏 68, 69
 Цзы-чань 子產 77
 Цзы-чжан 子長 (Сын Цян) 14
 Цзышу 淄鼠 206
 Цзы-шуй 子羽 77
 Цзэн 曾 226
 Цзэн Гуи 曾聶 10-12
 Цзэ 咎 30
 цзэань 卷 8
 цзэо 爵 169
 Цзэй 莒 130, 226
 Цзэли 句里 133
 цзэнь 君 168
 цзэнь 郡 172
 цзэнь 鈞 196
 цзя 家 167
 Цзян И 江乙 29, 30
 Цзян Шан 姜尚 57
 Цзянь 建 153
 Цзяньсинь-цзэнь 建信君 224
 Цзяо 焦 142
 цзяо 校 7
 Цзяо Цзэй 椒舉 82
 Цзяо-ши 郊師 98
 Ци 齊 16, 49, 50, 58, 56, 6I, 80, 101, 102, 115, 117, 121,
 122, 126, 130, 134, 139, 146, 154, 156, 163, 166, 168,
 176, 194, 196, 203, 208, 211, 214, 216, 217, 223, 226,
 227
 Ци 祁 142, 143
 Ци Мао-бянь 齊貌辨 97, 98

- Цинь Инь 99
 Цинь-гун (циский) 顷公 187
 Цинсян-ван (чуский) 顷襄王 91, 145
 Цинь Цзи 慶忌 159
 Цинь Цэ 秦 5, 20, 21-28, 51, 57, 60, 61, 94, 95, 101, 108,
 119, 125, 126, 160, 163, 171, 172, 180, 184, 186, 189,
 193-197, 200, 201, 204-206, 208, 216, 218, 221, 227,
 228
 Цинь Би 秦宓 9
 Цинь Ни-хуанди 秦始皇帝 40, 41, 102, 108, 112, 160
 Ци У-хуй 秦毋恢 185, 186
 Ци Цзе 骑劫 146
 Ци Цзя 起賈 185
 Цишань 岐山 78
 Цуань Сян 纘襄 182
 цэ 策 46
 Цюань Чэ 49, 50
 Цюэ-цзы 闕子 105
 Циюй Гай 屈匄 91
 Циюйи 曲逆 49
 Цяньюэ 遷 95
 Цяньчэнь 千乘 180

 Чанпин 長平 21, 50, 199, 206
 Чанцзы 長子 218
 Чан Чжуан-тань 常莊談 99
 Чанша 長沙 50
 Чао Гун-у 晁公武 38, 39, 105
 Чжан И 張儀 9, 56, 57, 59, 100, 104, 105, 142, 228
 Чжан Хань 章邯 156
 Чжан-цзы 章子 93
 Чжан Ци 張琦 54
 Чжан Чжао 張照 41

- Чжан Эр 張耳 156
 Чжаньго 戰國 8, 36, 41, 53, 62, 69, 73, III, 124, 131,
 185, 160, 167, 168, 171, 172, 174, 181, 184, 189
 чжань ши 戰士 188
 Чжао 趙 5, 24, 49, 50, 54, 56, 58, 61, 101, 118, 135, 139,
 142, 152, 155, 158, 163, 181, 189, 192, 195, 198, 199,
 201, 202, 206-208, 213, 217-219, 221, 228, 227, 230
 чжао 詔 154
 Чжао-ван (цинский) 昭王 28, 92, 179, 195, 198
 Чжао вэнь 照文 10
 Чжао Вэнь 趙文 16
 Чжао Ин 昭應 92
 Чжао Ко 趙括 206
 Чжао Си-сий 昭奚恤 217
 Чжаосян-ван (цинский) 昭襄王 16
 Чжао Цзао 趙造 16
 Чжао Цзэнь 趙俊 16
 Чжао Цун 趙蕙 95
 Чжао Чан 昭常 116, 117
 Чжао Шэ 趙奢 (Мафу-цзэнь) 143, 152, 153, 222
 Чжао Ян 昭陽 98
 чжи 雉 153
 чжи 制 154
 Чжи Бо 智伯 51, 213
 Чжи Бо-яо 智伯瑤 203, 213
 Чжоцзэ 濁澤 227, 228
 Чжоу 紂 150
 Чжоуси 州西 208
 Чжоу-хоу 州侯 218, 220
 Чжоу Шао 周昭 16
 Чжуан-ван (чуский) 莊王 72
 Чжуан Синь 莊辛 145, 171, 218-220
 Чжуансян-ван (цинский) 莊襄王 102
 Чжу 鄒 83

- Чжунмоу 中年 208
 Чжунсин 中行 218
 Чжуншань 中山 99, 188, 209, 214
 Чжу-Фу 主父 92
 Чжуфу Янь 主父偃 87, 88, 52
 Чжэн 鄭 77, 87, 226
 Чжэн Ань-пин 鄭安平 170
 Чжэн-ван (цинский) 正王 184
 Чжэн Чу 鄭朱 142
 Чоу Хэ 仇郝 92
 Чу 楚 5, 11, 29, 56, 79, 82, 98, 98, 101, 102, 115, 117,
 118, 128, 130, 134, 135, 138, 140, 141, 145, 154, 157,
 169, 172-174, 184, 194, 196, 199, 203, 204, 216-219,
 227-230
 Чуйна 垂沙 175
 Чунь цю 春秋 38, 69, 72, 90
 Чуньшэнь-цзэнь 春申君 (см. Хуан Се)
 Чэн-ван (чжоуский) 成王 76
 Чэнгао 成皋 50, 185, 187
 Чэнпу 城濮 88
 Чэнсян 丞相 94
 Чэн-хоу 成侯 178
 Чэн-хоу Цэоу Цэн 成侯都忌 205
 Чэн Хунь 城渾 172, 178
 Чэн чэн 稱制 154
 Чэнъян 成陽 219
 Чэнъян-цзэнь 成陽君 137
 Чэнь 陳 146, 146, 218
 Чэнь 臣 191
 Чэнь Чжэнь 陳軫 60, 61, 147, 149, 150, 229, 230
 Чэнь Чжэнь-сунь 陳振孫 39
 Чэнь Чэ 陳馳 155
 Чэнь Юй 陳餘 156

Ман 商 64, 65, 150
 Манган 上黨 21, 23, 186
 Манло 上洛 126, 127
 Манлян 上梁 172
 ман тянь 賞田 181
 Манцай 上蔡 145, 218
 ман цин 上卿 184
 Манцзинь 上郡 127
 Ман-цзинь 商君 (см. Вэй Ян)
 ман чжу го 上柱國 115
 Маньон 上庸 191
 Маньян 山陽 171
 Ман Ян 商鞅 (см. Вэй Ян, Ман-цзинь)
 Мао-гуань 少官 132
 Маохай 少海 194
 ми 士 110
 ми 史 66, 67
 ми 始 103
 ми 室 166
 Ми Вэй 士尉 94
 Ми Вэй 士蒺 84-86
 Ми гуань 史館 10
 Ми ли цзюй 士禮居 11
 мицзя 世家 89
 Мичэн 石城 144
 моу 首 94
 Моулин-цзинь 壽陵君 218, 220
 Му 蜀 40
 Му Ли-цзи 穆里子 126
 Мунь 舜 40
 Мунь-цзи 順子 195
 Мунь ДИ-хунь 淳于髡 68
 Му Си-фу 叔興父 67
 му вэ 書社 165

не 社 166, 195
Нэн-хоу (цайскал) 聖侯 220
Нэнъ 申 188
Нэнъ Фу 申縛 125
Нэнъ-цэн 慎子 115
Нэнъ Цинь-хэнъ 沈欽韓 56
Нэнъ-чэн 申生 84

Э 鄂 178
Эр Ын 二世 40, 41
Э-цэнь 鄂君 178

Наньян 原陽 189, 192
Н-ван (чжоуский) 幽王 47
Н-ван (чуский) 幽王 102
Нй 虞 75
Нй 語 46, 47
Нйгуань 榆關 226
Нй ши 御史 67, 68
Нн-дэн 雍子 88
Ннцэ 雒丘 118
Нньман 雲夢 220
Нэ 越 148, 201, 208, 210
Нэ Цзо 樂祚 181

Няньян 陽陵 221
Някоу 陽侯 201
Нячэн^ицэнь 陽城君 28, 177
Нябу 陽武 195
Нянь 燕 II, 20, 49, 56, 61, 80, 102, 118, 119, 209
Нянь 鄆 145, 199, 218
Нянь Го 燕郭 225
Нянь гэ 延闕 8
Няньян 鄆郭 206

Янь хКэ-цзюнь 嚴可均 21
Яньлинь 郵陵 88
Яньлинь-цзюнь 郵陵君 218, 220
Янь Ли 顏率 194, 195
Янь тайцзы Дань 燕太子丹 12, 18
Яньбуцзюнь 燕烏集關 58
Янь Цзуй 顏家 95
Яньшуй 閔與 142, 144, 145, 222
Яо Яо 22
Яо Кэ 40
Яо Ли 要離 159
Яо Хун 姚宏 II, 40
Янь тан 雅雨堂 II

У К А З А Т Е Л Ь
древних и средневековых сочинений

- "Важнейшие сведения к каталогу всех книг четырех разделов"
("Сы ку цвань шу цзун му ти я") 8, 四庫全書總目提要
38
- "Весны и осени мудреца Яна" ("Янь-цзы чуньцю") 晏子春秋
63
- "Дао дэ цзин" 道德經 42
- "Добродетели пяти императоров" ("У ди дэ") 五帝德 I4
- "Древние установления /дома/ Хань" ("Хань цзю и") 漢舊儀
89
- "Замечания по пунктам" ("Чжа цзи") 札記 II
- "Записи историографа" ("Ши цзи") 史記 5, 22, 24, 28, 33,
43, 47, 63, 90
- "Записи о былом" ("Ту цзи") 故記 73
- "Записи о глубокой древности" ("Шан гу цзи") 上古記 73
- "Записи о духах" ("Мин шэнь чжи чжи") 明神之志 73
- "Инь фу" 陰符 57
- "История династии)Суй" ("Суй шу") 隋書 38
- "История династии Тан в старой (редакции)" ("Цзю Тан шу")
舊唐書 38
- "История Поздней Хань" ("Хоу Хань шу") 後漢書 127
- "История Ранней Хань" ("Цянь Хань шу") 前漢書 37,47,187

- "Каталог всех книг четырех разделов" ("Ся ку цвань му цзун му") 四庫全書總目 39
- "Каталог почитаемых книг" ("Чун вань цзун му") 崇文總目 10, 14
- "Книга исторических преданий" ("Кан му") 尚書 14
- "Книга о достоинствах" ("Ся му") 脩書 35, 45, 46
- "Книга о достоинствах" ("Чан му") 長書 35, 45, 46
- "Книга о том, чему давать дорогу и чему препятствовать, о земледелии и войне" ("Кай сай гэн чань му") 閑塞耕戰書 19, 181
- "Книга правителя области Шан" ("Шан цзюнь му") 商君書
- "Куай-цзы" 蒯子 34, 37
- "Литературный сборник" ("Ван овань") 文選 18
- "Лу Чжун-лян-цзы" 魯仲連子 64
- "Ли или чуньцэв" 呂氏春秋 28-30, 109, 148, 169
- "Недостатки и достоинства" ("Дуань чан") 短長 45, 46, 48, 52, 54
- "Обозрение Ли" ("Ли лань") 呂覽 29
- "Отдельные заметки" ("Бе лу") 別錄 7
- "Планы Сражавшихся царств" ("Чжань го цэ") 戰國策 8, 4, 7-12, 14-17, 20, 27, 29, 30-40, 42, 45, 53, 62, 63, 88, 95, 96, 101, 147, 150, 152, 160, 163, 164, 174, 176, 177, 181, 185, 192
- "Планы царств" ("Го цэ") 國策 45, 46, 51, 96
- "Повествования о событиях" ("Ши юй") 事語 45, 62
- "Повествования о царствах" ("Го юй") 國語 79-82, 84, 86, 88
- "Погодовые записи на бамбуковых планках" ("Чжу му цзи нянь") 竹書紀年 94, 97, 99
- "Происхождение поколений" ("Ши бэнь") 世本 62, 63
- "Разные повествования" ("Со юй") 璣語 62
- "Родословная императоров" ("Ди цзи син") 帝繫姓 14
- "События /из истории/ царств" ("Го ши") 國事 45, 46, 48, 51, 96
- "Хань фэй-цзы" 韓非子 30, 78, 109, 110, 133, 135

- "Чжун-цзы" 莊子 42
 "Чжуфу Янь" 主父偃 37
 "Цао чжуань" 左傳 75, 78, 81, 82, 86, 87, 88, 108
 "Цапань ин" 簡永 35, 86, 89
 "Чжоуская чуньцэ" ("Чжоу чжун чуньцэ") 周之春秋 72
 "чуньцэ" 春秋 69, 70, 71, 75
 "Чуньцэ госкодина Цао" ("Цао ин чуньцэ") 左氏春秋 74

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. История текста «Планов Сражающихся царств»	7
Глава II. Об авторстве «Планов Сражающихся царств»	33
Глава III. Об источниках «Планов Сражающихся царств» .	45
Общая характеристика источников	45
«Планы Сражающихся царств» и историческая литература эпохи Чжоу	64
О времени составления источников «Планов Сражающихся царств»	96
Глава IV. «Планы Сражающихся царств» как историческое сочинение и памятник политической публицистики . . .	104
Глава V. «Планы Сражающихся царств» о социально-эко- номической структуре древнекитайского общества в V— III вв. до н. э.	165
Переводы	193
Указатель древних и средневековых имен, специальных тер- минов, географических и этнических названий . . .	231
Указатель древних и средневековых сочинений	252

Ким Васильевич Васильев

«ПЛАНЫ СРАЖАЮЩИХСЯ ЦАРСТВ»

(исследование и переводы)

Утверждено к печати

Ученым советом Института народов Азии

Академии наук СССР

Редактор Н. Б. Занезина

Художественный редактор И. Р. Бескин

Технический редактор Л. Т. Михлина

Корректор Л. Л. Родичев

Сдано в набор 6/VI 1968 г.

Подписано к печати 5/IX 1968 г.

А-03278. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1

Печ. л. 8,0. Усл. п. л. 13,44

Уч.-изд. л. 13,52. Тираж 1000 экз. Изд. № 2103

Зак. № 885. Цена 85 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер. 2

3-я типография издательства «Наука»

Москва К-45, Б. Кисельный пер. 4